

ИРИНА ГРИЦУК – ГАЛИЦКАЯ

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Писать о прославленном герое земли Русской дело рискованное. Множество романов, поэм, стихов, монограмм, летописных и житийных сказаний посвящено самому известному историческому деятелю Руси Александру Невскому. Благодаря кино и русской литературе, образ Александра Ярославича, князя Новгородского, получился столь обаятельным, что рука не поднимается написать о том противоречивом, а порой и просто надуманном в его описаниях.

Если однажды окунуть в тот период времени, когда жил и творил Александр Невский, то не получается выплыть из него с чувством гордости за тех, кто по долгу власти и по предназначению природы обязан был встать на защиту земли своей и «други своя».

Исторические деятели, как правило, оцениваются не по личному обаянию, не по тому, как они обустроили судьбы своих близких, а по результатам их деятельности и влиянию их эпохи на дальнейшую судьбу народа и страны. Важен результат....

К сожалению, результат деятельности Александра Невского, как властительного хозяина земли Русской, плачевен. Трехсотлетнее рабство русского народа под игом завоевателей получило наше отечество в результате его политики. Поняв это, обаяние личности уже можно не принимать во внимание. Итак, кем был Александр Невский, кто породил его, как построил он свою жизнь и как откликнулся он на события своего времени?

ВЫБОР ЗЛА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Страной «мрака и вечного ужаса» называли чужеземцы полуночные земли, омываемые водами студеного океана. Необычный, таинственный народ, населял те места – чужь белоглазая. Отличался он особой красотой и

статью. Зеница глаз¹ тех людей была иссиня синей, а вокруг зрачка сияющая белизна глазного яблока. Смотреть в такие глаза, не насмотришься, заморочат, заколдуют, зачаруют.... Люди эти ведали законы Земли, Влаги и Аэра.² Они могли проникать сквозь глубины, потому что Мать- Земля, Макошь Чудная,³ открывала им недра так, как открывает ладони мать дитю своему. Они взмывали высоко в небо, и Бог Отец – старец Укко, удерживал их на аэре, не давая свергнуться с высоты. Они рассекали воды земного океана, как луч света проходит сквозь тьму.

Но однажды страшный толчок потряс землю, и стала она опускаться на дно океана. Холодные воды накрыли сушу, и ледяным куполом затянуло аэр. От цветущей страны осталась только узкая полоса, протянувшаяся по северным землям Евразии, которую стали называть страной Биармией. Люди той страны потянулись на полудень в поисках тепла и пропитания. Другие, что не захотели покидать родных пределов, мельчали, в вечной борьбе с мраком, холодом и скудостью пищи. Старики умирали, а знания древних утрачивались с каждым новым поколением.

Но были среди тех, кто заселял страну Биармию особые люди – волхвы и волховки. Они ведали начала всех начал, они умели общаться с Матерью Чудихой и Старцем Укко и свято хранили остатки древних знаний.

Среди тех, кто ведал тайны древних была старая чудинка именем Ильмара...

1. ДЕД АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО - ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОД ЮРЬЕВИЧ ТРЕТИЙ «БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО».

Первой женой князя Всеволода Юрьевича была Чешская принцесса, в православном крещении Марфа. Родила она ему сына Константина. Недолго радовалась дитю рожденному, и вскоре умерла.

Так и хочется сказать словами Пушкина :

Долго князь был неутешен,
Да видать, и он был грешен.
Год прошел, как сон пустой.
Князь женился на другой.

А в стольном граде Владимире играли свадьбу. Молодая невеста была хороша: с соболями бровями, с глазами черными, как прогоревшие уголья.

¹ Зеница, зенок, черная круглая прорешка в радужной перепонке глаза, в которую проходит свет. В.И.Даль.

² Древние люди по определению Русской Православной Церкви были язычниками. Они поклонялись Богу Земли, Богу Воды – Влаги, Богу Воздуха – Аэра. Аэрь - древнегреческое и латинское название воздуха, которое часто употребляется в русских летописях. Там оно обозначает просто воздух. Русский ученый Александр Васильевич Барченко /1881-1938/ утверждал, что есть на Кольском полуострове таинственный камень, способный накапливать психическую энергию и передавать информацию в космос. Там же его экспедицией были найдены наскальные петроглифы, изображающие людей, летающих на индивидуальных воздушных аппаратах. Эти воздухоплаватели умели ладить с Богом Воздуха. Легенды и мифы о племени чудь, имеют под собой некоторую реальную

³ Мать-Чудиха или Макошь Светлая – языческая Богиня, означающая женское начало, хранительница рода.

Длинный нос с горбинкой выдавал ее принадлежность к кавказскому племени алан. Платье из красного шелка переливалось, шурша широкими складками. На груди позванивало монисто из мелких золотых кружочков, в ушах качались серьги до плеч, на тонких сухих пальцах разноцветными камнями переливались перстни в золотом и серебряном обрамлении. – дочь царя кавказского племени алан, а теперь будет Мария Ясыня Великой княгиней Суздальской земли.

Гости, что собрались за широкими столами, сравнивали невесту с бывшей женой и качали головами. Может и хороша она своей южной красотой. А какой ещё матерью окажется для дитя неродного, для Константина, что с няньками примостился на краешке свадебного стола?

Боярские жены переглядывались и охали:

– Отца нет, дитя – полсироты, матери нет, дитя – круглый сирота.

Можно было бы, конечно, и пожалеть малолетнего Константина. Потому что мачеха его имела темперамент южный, горячий, до постельных утех была большой охотницей. Из её широкого лона вышло восемь сыновей, а дочерей и умерших во младенчестве чадушек, никто не считал. Княжеский суздальский дом даже станут называть «Большим гнездом». Из числа сыновей Марии Ясыни выйдут князь Юрий Всеволодович, тот, что погибнет на Ситской сечи с татарами, и Ярослав Всеволодович – отец Александра Невского, и князь Михаил Всеволодович, который будет казнен Батыем и возвеличится до чина Святого.

Радение молодой жены о своих детях заслонило заботу о пасынке. Маленький Константин был сослан в Ростов вместе с верными ему боярами и дружинниками. От имени Великого князя Всеволода «Большое гнездо» старшему сыну Константину было поручено управлять обширным Ростово-Ярославским княжеством, в которое входили ещё Углич, Ярославль и Белозерск.

Константин пристрастился к наукам и отличался недюжинным умом. Дивясь его разумности, приближенные стали называть его Мудрым. Он же начал собирать библиотеку, из редких и очень дорогих по тому времени, книг, изучать иностранные языки, и обязал детей боярских проходить обучение грамоте и счету. Только в храмах Ростовского княжества пели хоры одновременно по - славянски и по – гречески, а в Ярославле при Константине возникнет иконописная школа.

Но мудрость и интеллект не могут соперничать с воинственностью, агрессивностью, притязаниями на Великий престол родных детей Великой княгини.

Хитрая Мария Ясыня всеми силами убеждала больного мужа, что Константин не послушен, не учтив, не покорен отцу. И, когда дети Всеволода съехались к одру умирающего отца, тот изъявил свою волю: великое княжение переходит не к старшему и первому сыну Константину, но ко второму, Юрию, сыну Марии Ясыни.

Константин затаил обиду. Эти разногласия Всеволодовичей аукнутся в последствии кровавыми разборками и всеобщей русской слабостью перед лицом смертельной опасности.

2. ОТЕЦ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО – ЯРОСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ,

Итак, старшим сыном Марии Ясыни был Юрий Всеволодович, он был провозглашен Великим князем Владимирским, который осуществлял протекторат над всеми городами Руси.

Второго сына Марии Ясыни, Ярослава Всеволодовича, будущего отца Александра Невского, Карамзин рисует его, как «человека жестокого и непримиримого», и не заслужившего «ревностной похвалы наших летописцев», что не помешало московской церкви канонизировать его и объявить святым.

Женат Ярослав был трижды. Первая жена его, дочь половецкого хана Кончака, была бездетной, поэтому Ярослав, прожив с Кончаковной несколько лет, отправил её к отцу. Вторую жену Ярослав взял у Мстислава Мстиславича Удалого, князя Новгородского. Феодосия Мстиславна, будущая мать Александра Невского, была, несчастлива в браке.

Когда Мстислав Удалой, покинул Новгород, посадив там своего зятя Ярослава, то это не принесло мира торговому городу. Ярослав начал свою деятельность с репрессий. Он оковал цепями и сослал в Тверь некоторых чиновников Новгородских. Велел разграбить двор тысяцкого и взял под стражу сына и жену его. Возбужденный своевольными действиями князя Ярослава, народ уже искал жертв и начал громить дома богатых граждан. Когда на улицах появились первые трупы растерзанных, Ярослав испугался народной вольницы и бежал в Торжок, бросив в мятежном городе молодую жену.

Торжок снабжал Новгород хлебом. Ярослав перекрыл пути на Новгород, обрекая его горожан на голод. Рожь, пшеница и даже репа вздоржали так, что бедным людям оставалось есть только кору деревьев. Летописец пишет, что «трупы лежали на улицах Новгорода, оставленные на снадение псам, и люди толпами бежали в соседственные земли, чтобы избавиться от ужасной смерти».

Несколько посольств, отправленных к Ярославу с просьбой, открыть дорогу на Новгород не имели успеха. Ярослав дороги не открыл, послов заточил в темницы, а купцов подъезжавших к Торжку, пленил.

Новгородцы выпустили из голодного города Феодосию, и направили к мужу. Феодосия волновалась перед встречей с ним. Всю дорогу она представляла себе, как бросится на грудь Ярославу, как будет умолять, чтобы сменил гнев на милость и открыл дороги на Новгород.

Сани Феодосии проследовали через тяжелые ворота старого Торжка. У крыльца княжьего дома стояла стража: двое молодых воинов, одетых в

тулупы. Они держали в руках высокие копыя с деревянными древками. Равнодушно скользнув взглядом по закутанной в меха фигуре, один из них хрипло проговорил:

- Проходи...

Другой спросил первого:

- Знаешь ли, кто это?

- Чай, новая краля, - ответил второй и сокрушенно махнул рукой.

Феодосия открыла дверь и ступила через порог душно натопленной горницы. Клубы белого пара ворвались вместе с ней и растаяли. Свежий воздух воли ещё щекотал ноздри, но пахло горячими щами, застойным хмелем, человеческим потом, и невымытыми женскими телами. Свистули и рожки в раз замолкли, и сделалось тихо.

Феодосия, стоя на пороге горницы, искала глазами мужа среди разгоряченных хмелем людей. Он сидел во главе стола, обнимая, с двух сторон прилипших к нему девок.

Феодосия скинула с себя меховую накидку, и открыла лицо.

- Феодосия! Почто явилась! Я разве звал тебя!? – закуражился Ярослав, не давая жене ни единого шанса на правоту.

- Ты не рад, муж мой!? – ахнула Феодосия.

Феодосия, видя мужа в кругу друзей и наложниц, поняла, что ей нет места рядом с Ярославом.

В последующие дни, она безуспешно пыталась выехать из города. Посылала тайных гонцов к отцу Мстиславу Мстиславичу Удалому в Торопец. Но дозорные Ярослава вылавливали лазутчиков и после мучительного допроса, предавали смерти.

Весть о бедствиях постигших Новгород, наконец, дошла до Мстислава. Феодосия передавала, что терпит обиды и притеснения от Ярослава и его наложниц, и слезно просила отца забрать её под родительский кров.

Мстислав, испытывая гнев на зятя, наскоро собрал дружину в поход, и поспешил к Торжку вызволять дочь.

Чтобы снять блокаду с Новгорода и увести Ярославову дружину от Торжка, Мстислав определил место боя под Юрьевым – Польским, на реке Липице.

Ярослав, получив вызов тестя, струсил. Он срочно направил своих послов к брату, Великому князю Юрию во Владимир. Юрий Всеволодович согласился поддержать меньшого брата.

Это не обычная разборка князей. Это был кризис несправедливой власти, как сказали бы сейчас. В битве участвовали князь Мстислав Ростиславич Удалой с новгородцами. С ним в союзе был его брат Владимир Ростиславич с псковитянами и племянник Владимир Рюрикович с дружиной. К ним присоединился Константин Всеволодович Ростовский Мудрый, который был рад повзвучать в открытом бою против сводных братьев Юрия и Ярослава. С Константином кроме его дружины выступили семьдесят семь богатырей во главе с Алешей Поповичем и Добрыней «златый пояс». Все

они поднялись против своеволия и несправедливости Ярослава, зятя Мстислава Удалого.

На стороне же Ярослава участвовал Великий князь Юрий Всеволодович с суздальцами. Летописец пишет; «И были полки у них очень сильны: муромцы, бродники, городчане, и вся сила Суздальской земли; из сел погнали даже пеших».

По-существу это была гражданская война восточной Руси, спровоцированная Ярославом.

В «Повести о битве на Липице» летописец с горечью пишет: «О, страшное чудо и дивное, братия! Пошли сыновья на отцов, а отцы на детей, брат на брата, рабы на господ, господа на рабов!»

Дружины Мстислава Удалого и Константина Мудрого сразились с братьями Всеволодовичами и разбили их наголову. Великий князь Юрий в страхе бежал с места сражения, загнал трех лошадей под собой и достиг Владимира. Там упал на колени перед гробом отца своего Всеволода и закатился в истерике: «Осуди Господь, брата моего Ярослава! Он довел меня до этого!»

Пришел конец Великому княжению Юрия, и причиной того конца был его брат Ярослав. С того дня власть над русской землей перешла к законному претенденту – Константину Мудрому.⁴

Далее летописец пишет: «А Ярослав, всё ещё пребывая в злобе, и дыша гневом, и не покоряясь, затворился в Переславле, и надеялся там остаться. При этом, так был обозлен, что велел удавить в темнице новгородских купцов, ничем не повинных ни перед Ярославом, ни перед Новгородом. Услышав, что Константин подошел к Переславлю, преступник струсил, выехал ему навстречу и ударил челом сводному брату: «Господин, - смиренно сказал он, - я в твоей воле, не выдавай меня Мстиславу, а сам, брат, накорми меня хлебом». Это означало, определи место «на кормление».

Константин, имея сердце незлобивое, простил Ярослава и определил ему на кормление Переславль.

А Мстислав Удалой, не входя в Торжок, принял от народа дары, забрал свою дочь Феодосию, отвез её в свою отчину Торопец, а сам отправился в Новгород.

⁴Закон о престолонаследии не было тогда, но было наследственное право. Установленное издревле дедами и отцами, оно давало право на Великое княжение в Русской земле по старшинству в роду, но не в семье. Иногда этот порядок нарушался, тогда возникали кровные обиды, смуты и лилась кровь не только претендентов на власть, но и ни в чем не повинного мирного населения.

Так закончилась братоубийственная битва при Липице. Об этой жестокой битве стоит рассказать, уже потому, что о ней мало пишут, почти не говорят и совсем не учат в школе. А зря. Битва эта замечательна своими уроками. В овраге у реки Липицы 21 апреля 1216 года русские полки сразились с русскими. Брат шел на брата, а сын на отца. В этой сечи по преступному недомыслию отца Александра Невского, князя Ярослава, погибло более девяти тысяч русичей.

В «Повести о битве на Липице» летописец пишет: «Говорили многие люди про Ярослава так: «Из-за тебя сотворилось нам много зла. О твоём клятвопреступлении сказано было: «Придите птицы небесные, напейтесь крови человеческой; наешьте мяса человеческого». Ибо не десять человек было убито, не сто, а тысячи и тысячи, а всех избитых девять тысяч двести тридцать три человека. Можно было слышать крики живых, раненых не до смерти, и вой проколотых... Погребать мертвых было некому, а многие, бежавшие к реке, утонули, а другие раненые умерли в пути...» Битва при Липице произошла за 7 лет до нашествия страшного иноземного врага – монголо – татар и была она русским позором и одной из причин поражения от монгольской орды, потому что к моменту нашествия Батыя, армия русичей ещё не могла восстановиться в своей численности.

Этот факт в истории Руси характеризует отца Александра Невского, как надменного, мстительного, умственно несостоятельного правителя и морально нечистоплотного человека. Беда-то в том, что порой людьми руководят не лучшие из лучших, а часто худшие из худших.

3.МАТЬ АЛЕКСАНДРА ЯРОСЛАВИЧА ФЕОДОСИЯ МСТИСЛАВНА.

Летописец пишет: «Ярослав много раз обращался с мольбой к Мстиславу, прося вернуть ему его княгиню, говоря: «Чего не бывает между князьями? А меня по справедливости и так крест наказал!». Но Мстислав не пустил к нему своей дочери.

Прошло два года после Липицкой сечи. Умер Константин Мудрый, соратник Мстислава Мстиславича Удалого. На Великий стол вновь уселся Юрий Всеволодович, родной брат и союзник Ярослава. Тогда требования Ярослава к Мстиславу стали более настойчивыми. Дружины Юрия и Ярослава, объединившись, двинулись к Торопцу, где скрывалась Феодосия. Зная буйный нрав братьев Всеволодовичей, и болея за судьбу отчины, Мстислав вернул дочь свою Ярославу. Феодосия, покорилась несчастной участи.

После примирения с мужем Феодосия родила от Ярослава девять сынов, в том числе «великого князя и в чудесах словущего Александра Невского и иных восемь», как написано на её надгробном камне.

Александр родился в 1220 году. Как внук Мстислава Удалова, он принял стол Великого Новгорода и, будучи ещё юным, провозглашен князем

крупного торгового центра Северо – Западной Руси, который был и в Европе не последним городом.

Судя по летописным известиям, Феодосия чаще всего жила в семье старшего сына, Александра. Имя матери упоминалось каждый раз в числе свиты Александра, когда он покидал город.

Будучи ещё молодой женщиной, но уже потерявшей интерес к земным радостям, Феодосия ушла в монастырь. Она приняла чин монахини под христианским именем Евфросинии.

Умерла Феодосия 4 мая 1244 года за два года до гибели в Монголии своего мужа, князя Ярослава.

Ко времени смерти Феодосии, надо отнести третью женитьбу Ярослава на рязанской княжне.

4.НАШЕСТВИЕ БАТЫЯ

В 1237-1238 г.г произошло Великое нашествие кочевой орды монголо – татар на Русскую землю, которое полностью изменило судьбу русского народа.

Князю Юрию выпала доля организовать оборону земли Русской от страшного врага и заслонить собой жен, детей и духовенство от напасти.

Узнав о приближении врага, Юрий разослал гонцов ко всем князьям с призывом встать под его знамена и объединенными силами дать отпор Батыю. А сам, оставив незащищенными города Суздальской Руси, с братом Святославом и дружинами сыновей Константина Мудрого, отошел на север, на реку Сить, чтобы там соединиться с полками других своих братьев, и выйти на врага с тыла.

Но брат Михаил, князь Черниговский, узнав о наступлении силы несметной, собрал обоз, и с княгиней своей, с казной и домочадцами покинул пределы Черниговского княжества. Он нашел уважительную причину. Сын Михаила, Ростислав, был просватан за венгерскую принцессу Анну, дочку короля Белы Четвертого. Жениться поехали в Венгрию, бросив на произвол врага землю и людей, и нажитые имения.

Особую надежду Великий князь Юрий возлагал на брата Ярослава и племянника Александра. Юрий не раз приходил на помощь Ярославу, и теперь считал, что настало время младшему брату отдать долг. Летописец напишет с горечью: « И жда брата своего Ярослава и не было его...» Ярослав обманул ожидания брата Юрия и не пришел на Сить.

Ко времени нашествия Батыя Александру исполнилось 18 лет. По тем временам это был возраст мужества.⁵ Александр, желая доказать свою состоятельность, вел набеги на соседние финские племена чудь и водь и собирал с них дань в пользу Новгорода. Князь Юрий гордился воинственным племянником и не сомневался в его верности.

⁵ Возраст мужества - Возмужалый – взрослый, полнолетний, достигший полного мужского возраста, сущий во всех годах. В.И.Даль.

Мы не знаем, что ответил Александр гонцам дяди Юрия, но по тому, что он не принял участия в Ситской битве, можно догадываться, что у него были другие планы.

Батый был дальнзорким политиком. Он хорошо разбирался в психологии людей, и применял проверенную временем тактику. Перед решительным наступлением он посылал вперед войска послов, предлагая мир, на условиях полного покорения. Те, города, что не были согласны с Батыем, стирались с лица земли. А те, кто соглашались на его условия, могли уцелеть.

Не потому ли Новгород, управляемый Александром Невским, уцелел, и не был захвачен Батыем, что послы его, вернувшись к хану, принесли весть о покорности города и дорогой откуп?

Теперь становится ясно, почему Юрий не дождался помощи. Его предали братья и родные племянники. У Ярослава, отца Александра Невского, был свой расчет, своя корысть не помогать Юрию. Гибель старшего брата открывала Ярославу дорогу на Великое княжение.

А рядом с дружиной Великого князя Юрия плечом к плечу встали сыновья Константина Мудрого. Три брата Константиновичи: Василько, князь Ростовский, Всеволод, князь Ярославский и Владимир, князь Угличский со своими старшими детьми.

Ярославский исследователь и краевед С. Мусин – Пушкин пишет: «Стратегические приемы татар, сильных своей конницей, известны из сочинений знаменитого хана Тимур – Лена. Они имели обыкновение двигаться так называемой облавой или обширной дугой / подковой/, наметив пункт соединения в кольцо, которое, смыкаясь, уничтожало всё захваченное. Летопись подтверждает, что в Ситской битве татары употребили тот же прием, и что князь Юрий Всеволодович с войсками своими был окружен, захвачен врасплох, принужден сражаться на два фронта, результатом чего, и было полное поражение. Предание говорит, что на реке Сити и на впадающей в неё речке Гориновке ...число утонувших во время битвы было так велико, что речки были запружены трупами и остановились в своем течении». Эти места так и зовутся «Плотищи».

Местное предание рассказывает, что татары, «разбив князя Юрия на Сити, рассыпались по окрестностям, грабя, сжигая селения и забирая в плен жителей. И вот когда они приблизились к местности, где было расположено некое торговое село, то нашли здесь полное безлюдье, увидели, что некому «уз⁶ накладывать», потому село и по сию пору прозывается «Некоуз». Из летописей мы знаем, что татары, действительно брали в плен некоторых и склоняли их изменить веру. Так был взят в плен Василько Константинович, князь Ростовский., который за отказ изменить родине, был замучен врагами недалеко от Некоуза в Ширенском лесу.

⁶ Узы – вязи, цепи, оковы, путы. В.И.Даль

Наследники интеллигента Константина погибли, заслонив собой Русь, а дети воинственных сыновей Всеволода «Большое гнездо» и его второй жены Марии Ясыни, пошли на стовор с Батыем, трусливо отсиделись в своих уделах, и тем сохранили себе жизнь и обеспечили корысть свою. Среди этой бесчестной половины родичей был и Александр Невский.

5. АЛЕКСАНДР ЯРОСЛАВИЧ И ПАРАСКЕВА БРЯЧИСЛАВНА.

Полоцкий князь Брячислав прячет улыбку в пушистые усы. Дочка его, Параскева Брячиславна, сосватана за князя Новгородского, Александра. Сваты долго приглядывались к невесте, пытаясь выявить хоть какой –нибудь изъян. Но невеста высока, стройна, статна, как и положено быть жене Рогнедова племени.

Бывальщина о княгине Рогнеде передается из уст в уста в полоцком роду и каждая из наследниц, знает об истории их прародительницы. А было так:

Князь Владимир Красно Солнышко, был сыном ключницы Малуши. Чин Малуши при княгине Ольге, хоть и высокий, но был пожалован простой рабыне. Полюбилася та рабыня сыну госпожи своей, князю – воину Святославу и сотворили они ребеночка. Святослав вскоре удалился в пределы Болгарские, на Дунайские просторы, а Малуша назвала рожденного сына Владимиром, не много не мало, а «Владетелем мира». С малых лет внушала рабыня своему сыну, что он княжеских кровей, и достоин стола Великого. Подросток сын рабыни и, помня слова матери, без жалости лишил жизни своих братьев от высокородных матерей, прибрал к рукам их земли, а с женами их совокупился, чтобы знали они, кто в Киеве господин. Однажды увидел он прекрасную Рогнеду, которая была невестой его сводного брата. Послал сватов к ней, а гордая женщина заявила послам Владимира, что она уже просватана, и не желает быть женой сына рабыни, но женой законного князя. Воинственный, как и отец, Владимир не смог стерпеть такой обиды. Убить соперника было делом привычным. Он убил жениха Рогнеды, её отца Рогволда и её брата.

- Не хочу разуть сына рабичичи, - отказалась Рогнеда повиноваться убийце.

Тогда Владимир при скоплении народа силой взял гордую полочанку, предал её сраму, чтобы лишить гордости. Но он плохо знал женщин полоцкого рода. Рогнеда сделала вид, что смирилась и от нелюбимого родила трех сыновей, но планы мести вынашивала всю свою жизнь. Однажды ночью она напала на Владимира с ножом. Владимир не стал убивать жену, но предал её суду бояр своих. Когда вооруженные воины вошли в шатер Рогнеды, чтобы предать её смерти, их встретил малолетний сын Рогнеды, Ярослав. Он вынул из ножен большой меч, подошел к отцу, и едва приподняв тяжелое оружие, сказал так, как научила его мать:

- Отец, ты не один здесь с мечом...

Дружинники князя попятнулись к выходу, дивясь мудрости чада. Опытные мужи сообразили, что придет время, жизнь князя Владимира

может закатиться, как Солнышко, а молодой князь вырастет, в силу войдет, и будет мстить им, старым и немощным за смерть матери. Они не ошиблись. Ярослав вырастет, в борьбе с братьями завоюет право на Великий стол и за рано проявившийся разум, получит право называться Мудрым.

Владимир, по настоянию бояр, оставил Рогнеду в живых, отдал ей Полоцк во владение. С тех пор Полоцкое княжество стояло особняком в истории Русской земли и наследовалось только князьями из рода Рогволда и Рогнеды.

Вот из этого великого и гордого рода была невеста князя Александра Новгородского, именем Параскева Полоцкая.

Венчались в Торопце, на родине матери Александра, а потом под звуки колоколов Святой Софии, въехали молодые в Великий Нова – город. Новгородцы сотворили князю «кашу» на торжище, которое вместил в себя всех горожан и гостей заморских, «низовских»,⁷ и киевских.

Когда гости захмелели, и стража утратила зоркость, пробралась к столу княжескому столетняя чудинка. Она пристально глядела на невесту, и провалившийся рот старухи бормотал слова, складывавшиеся в заклинания.

- Почто здесь эта чудинка? – загремел голос Александра.
- То Ильмара... - услышал он откуда – то со стороны.
- Пришла на невесту твою посмотреть, Александре, - прищурилась одним глазом Ильмара, - Чую я, что не будет ей доли с тобой. Народит она тебе разорителей отечества, да будут сыны твои - твоим позором....
- Пошла вон, вон..., - схватился за нож жених.

Старуха засмеялась мелким дребезжащим смехом, шатнулась в сторону и исчезла в веселой толпе пирующих.

Не на пустом месте возникли предсказания чудинок. Александр был молодым человеком, не имевшим ни хорошего воспитания, ни врожденной мудрости, ни благородной жалости к побежденным. Неимоверная жестокость его выливалась во внезапные набеги на финские веси и в кровавые расправы над пленными. Летописцы рассказывают, как его слуги, с одобрения Александра, привязывали пленных чудинов к хвостам коней и так предавали их смерти. А число повешенных и казненных мечом не смог бы сосчитать ни один летописец.

Поэтому проклятья сыпались на голову неумного воеводы, и самыми страшными из них были проклятия чудского племени.

6. «НАСЛЕДНИК МЕРКИТСКОГО ПЛЕНА».

После смерти Чингисхана во главе Монгольской империи встал его сын Угедей. Хитрый и умный, он всегда был рядом с отцом, и ещё при жизни Чингисхана сделался необходимым ему советником. Другой сын Чингисхана Чагатай стал верховным судьей. Братья Чагатай и Угедей сосредоточили всю власть Монгольской империи в своих руках. И хотя они не были первенцами

⁷ Гости «низовские» - купцы из низовских городов, что располагались по течению рек, и самой Волги: Тверь, Кострома, Ростов, Переславль, Суздаль, Владимир и т.д.

Великого Чингисхана, но зато никто не сомневался в их законном происхождении. Не то, что их старший брат и первый сын Чингисхана – Джучи.

- Наследник меркитского плена! – бросал злое оскорбление в лицо Джучи младший по возрасту брат Угедей.

Джучи молчал. Он был воином и всё дальше уходил на запад со своим непобедимым войском. Всё сложнее становились связи его с Каракорумом. И всё больше требовалось Угедею соглядатаев для присмотра за старшим братом.

Джучи с раннего детства был знаком с «тобчи»⁸, в котором рассказывалось о том, как попала в плен к меркитам⁹ его мать, красавица Бортэ. История эта уходила в глубь поколений и подтверждала то, что всё на свете происходит из-за женщины.

Дед Джучи, Есугей – богатур, когда-то доблестью добыл себе жену Оэлун, отобрав её у молодого мужа – меркита. Народ племени меркитов был злопамятен. Прошло много лет и уже ушел «в страну предков» отважный богатур Есугей, но меркиты не оставили мысли о мести. Однажды на рассвете, земля, по которой кочевал сын Есугея, Темуджин, со своей семьей, содрогнулась от множества конских копыт. Меркиты! Они ждали случая 20 лет и прошли более 300 верст¹⁰, чтобы захватить Борждигинов¹¹ врасплох. Темуджин ещё не был Чингисханом, и поэтому его Бортэ попала в плен.

Через несколько месяцев, собрав небольшие силы и вооружившись отвагой, Темуджин разгромил меркитов и вернул свою Бортэ. Но Бортэ была беременна. И хотя она утверждала, что беременной попала в плен к меркитам, и Темуджин от большой любви к ней признал это, мысль о том, что первенец Темуджина, не является его сыном, всегда витал в воздухе, если это было кому – нибудь выгодно. Особенно часто этим пользовался Угедей, который был вторым сыном Великого завоевателя и его первым помощником.

Когда Джучи «ушел в страну предков», его место занял Батый. Вслед за Джучи в «страну предков» ушел и сам Чингисхан. Умирая, он наказал своим наследникам продолжать войну за овладение всем подлунным миром.

- Идите до самого края земли...., завоюйте все страны и покорите все народы...., - едва шевеля губами, отдал последний приказ Чингисхан.

Великую кошму Монгольской империи занял Угедей. А Батый продолжил поход монгольского войска на Запад, преследуя ненавистных меркитов, которые бежали на землю Багдадского халифата, а оттуда через ущелья Кавказских гор вышли в прикаспийские и причерноморские степи. Так орда Батыя, преследуя ненавистного врага, оказалась на границе с Русью.

⁸ Тобчи – сказание /монг./

⁹ Меркиты – монгольское кочевое племя .

¹⁰ 300 верст – верста равна 1000 саженьей, сажень – 2,1336 метра, значит 300 верст – 640 км.

¹¹ Борджигины – род Чингисхана.

Сын «наследника меркитского плена», Батый, слишком отделился от недреманного ока Великого хана.

Отослать сына Чагатая Бури и своего сына Гаюка в стан Батыя было очередной хитростью Угедея. Двоюродные братья Гаюк и Бури прибыли в ставку Батыя. Теперь каждый день в столицу Монгольской империи, Каракорум, через пески пустынь мчались гонцы от Гаюка и Бури, и верховный хан Угедей знал положение дел в Джучиевом улусе едва ли не лучше, чем сам Батый. В те времена связь с Каракарумом была налажена лучше, чем, извините за непатриотичность, работа сегодняшней почты. По дороге стояли хорошо оборудованные станции – ямы, отсюда пошло слово ямщик. На станциях можно было поменять лошадей и запастись в путь продовольствием. Но у монголов для особых поручений был ещё курьер, звавшийся «гонец – стрела». Такой «гонец – стрела» не имел права на остановки в пути, он менял лошадей на ходу, и дремать мог только в седле, потому что доносам с окраин империи монгольские ханы придавали особое значение.

У Батыя были свои соглядатаи, и двоюродные братья Гаюк и Бури были для него как заноза в зубах, как ресница в глазу.

В шатре Гаюка было тепло и сытно пахло вареной кониной. Золотая молодежь, сыны монгольской аристократии, собрались, чтобы провести время в досужих разговорах. Бури смеялся развязным смехом и, отпивая из полукруглой чаши «тарасун»¹², говорил:

- Э..., когда – нибудь, эта старая баба, Батый, получит от меня по башке!
- А я буду бить его поленом по животу, - Гаюк сделал вид, что сплюнул на кошму, себе под ноги.
- Наш брат Батый смел, как бык, с ним один на один никто не может справиться, - попытался остановить братьев осторожный Мункэ.
- Бык, испугавшись льва, десять лет поносом страдает, - Гаюк хмыкнул.

Стены шатра не были очень тонкими, но они пропускали достаточно звука. Батый узнал о веселой беседе монгольских балбесов, но пока не посмел тронуть своих двоюродных братьев, за их спинами стояли могущественные отцы и Яса Чингисхана.¹³ Нельзя было допустить «замятню»¹⁴ в своем улусе.¹⁵

¹² Тарасун – монгольская молочная водка.

¹³ Яса Чингисхана – Великий монгольский закон был впервые зачитан на собрании монгольской знати – курултае, одновременно с провозглашением Темуджина Чингисханом всей Великой степи. Свитки Ясы извлекают из хранилища и руководствуются ими, когда съезжаются татарские царевичи на курултай, когда садится новый хан на Великую кошму или седлает коней большое войско.

¹⁴ «Замятня» - татарская смута, правительственный переворот, возмущение /монг./

¹⁵ Улус – стойбище, становище под одним буюруком(начальником). У монголов – завоеванная территория, руководимая князем – улусником.

7. НЕВСКАЯ БИТВА.

Невская битва 1240 года описывается в разных источниках по-разному. И много загадочного и не совсем понятного несут в себе эти описания.

Точных границ в те времена не существовало и то и дело возникали земельные споры между Тевтонским Орденом и Новгородом. Отношения Новгорода с соседями можно назвать вялотекущей приграничной войной.

Однажды в Новгород пожаловал Андрей Вильвен, он тогда состоял помощником магистра Тевтонского Ордена Германа Зальца.

Андрея Вильвена историк Н. М. Карамзин называет «мужем опытным и добрым сподвижником Германа Зальцы», а автор жития Александра величает его «именитым мужем Западной страны, из тех, что называют себя слугами Божиими».

Житие Александра открывает нам причину, якобы по которой Андрей Вильвен пожаловал в Новгород. «Пришел, желая видеть зрелость силы его /Александра/,, желая послушать мудрых речей его...»

Но не из любопытства глянуть на Александра, прибыл Вильвен в соседнюю страну.

Вильвен приехал с важной миссией, которая заключалась в подготовке визита в Новгород особо важного гостя, зятя шведского короля Эриха, ярла Биргера, который управлял Швецией вместо своего тестя. Цель этого визита - урегулирование границ и торговых отношений Швеции с Новгородом.

С приходом на княжение неудержимого Александра Ярославича, походы западных купцов в Новгород стали сопровождаться большими опасностями, но отказаться от великого пути на Восток через новгородские земли и воды, Ганза не могла. Новгород оставался перевалочным пунктом Ганзейского союза, где складировались товары из Европы и забирались со складов товары, поступавшие с юга, из стран Востока. Нужен был новый, более жесткий, договор с Новгородом, ограничивающий произвол их князя и обеспечивающий безопасность западных купцов.

Чтобы на пути Биргера не случилось каких – либо неожиданностей, Вильвен и прибыл в Новгород заручиться миром и безопасностью.

Посадник, не желая отвечать за действия князя Александра, который слыл большим забиякой и самовольником, направил Вильвена к нему, договариваться самолично.

Андрей Вильвен уехал из Новгорода с хорошим настроением, рассыпая комплименты в адрес новгородского князя, и сочтя миссию свою выполненной. Летописец вкладывает в уста доверчивого Андрея Вильвена такие слова: « Я прошел многие страны. Знаю свет, людей и государей, но видел и слушал Александра Новгородского с изумлением». Вероломный

Александр обладал таким простодушным обаянием, что опытный муж, поверил его обещаниям.

Доверяя Новгородскому князю, Вильвен согласовал с Александром, место и время прибытия шведских судов, а так же состав свиты и сопровождавших Биргера представителей Ганзы с особо ценными товарами.

После ухода Вильвена Александр пошел к чудинам, возбудил их алчность рассказом о прибытии богатого каравана, и договорился о нападении на гостей. Чудской воевода Пелгуй взялся встать дозором на берегу Финского залива, чтобы предупредить Александра о приближении иностранцев.

В начале июля на волнах Финского залива появились шнеки с большим числом шведов, норвегов, финнов.

Пелгуй, ходивший дозором по берегу, увидел караван. Он отрядил к Александру гонца с известием о силе и движении прибывающих гостей.

Александр, получив долгожданное известие, направился к посаднику Новгорода и попросил у того разрешения выступить против шведского правителя. Но посадник собрал вече и на собрании вящих¹⁶ людей Новгорода выступил против того, чтобы давать Александру разрешение на поход, и тем более отряжать ему вооруженную новгородскую армию. Александр сделал попытку заинтересовать новгородцев и нарисовал им заманчивую картину: «С Биргером идут ганзейские купцы с дорогими товарами, можно хорошо поживиться». На вече возник спор не в пользу Александра. У Новгорода с Ганзой заключены договора о торговле, мире и обеспечении охраны купцов. Поэтому вящие люди категорически отказали Александру.

За Александра выступили шестеро новгородских ушкуйников - предводителей разбойничьих ватаг.

Александр понял, что его вероломный план срывается. Но новгородские мужички – вечники ещё не вся сила. Александр направился в храм Святой Софии. Летописец рассказывает, что князь со слезами молился у иконы Пресвятой Богородицы, прося себе помощи. И помощь пришла от новгородского архиепископа Спиридона.

Александр настроил архиепископа против пришествия шведов, потому что среди людей Биргера находились католические священники.

Новгород не был монотеистическим городом. Кроме православного храма Святой Софии, в почете был храм Святого Олава¹⁷, скандинавского

¹⁶ Вящие люди – сановные, богатые. В.И.Даль.

¹⁷ Олав- историческая личность. Будучи юным шведом попал в плен к морским пиратам и оказался при дворе Владимира «Красное солнышко». Познавал русскую грамоту и обычаи. С возрастом стал советником при Владимире. Однажды узнал в одном из матросов пирата, который взял в плен его и его мать. Олав убил того разбойника и вынужден был бежать в Скандинавию. Являясь незаурядной личностью, добился норвежского трона. Не смотря на то, что он был в юности крещен, став королем, обязан был исполнять жреческие функции, поклоняясь языческим Северным Богам. За что его очень почитали в Скандинавии. По разным источникам его называют тестем Ярослава Мудрого, который женился на Норвежской принцессе Ингигерд, дочери Олава. После смерти Олава в Новгороде был построен храм во имя его и даже создана икона с его ликом.

пророка. Когда случались пожары или голод, то улицы Новгорода обходили с его изображением, веря в заступничество. Сильны были и язычники, сторонники Велеса. Выбор вер для четырнадцатитысячного населения торгового города был широким. Конечно, архиепископ Спиридон, боясь за своё влияние, не желал, чтобы ещё и католики усилили свою пропаганду. Он благословил Александра на вылазку против шведов. Александр на пороге церкви вытер слезы и повеселел. Заручиться поддержкой архиепископа дорогого стоит.

А шведы, прибыв к берегам Невы, рассчитывая на порядочность новгородцев и их князя, расположились в том месте, где Ижора впадает в Неву. И разделившись на два лагеря, встали на обоих берегах Ижоры. Они, ничего не подозревая, послали гонца к Александру с известием от Биргера: «Я стою уже в земле твоей». Летописцы добавляют еще: «Ратоборствуй со мною». Но были ли сказаны эти слова послом Биргера, или в дальнейшем приписаны автором жития, чтобы обелить намерения Новгородского князя, не известно.

То, что Биргер оповещает Александра о своем прибытии, опять говорит в пользу того, что шведы исполняют договоренности Александра с Вильвеном.

Летописец поведал далее, что Биргер раскинул свой златоверхий шатер. По меньшей мере, странно, собираясь на войну, брать с собой шатер с золотым куполом. Шатер, с сияющим золотом куполом, сразу обнаружит для неприятеля нахождение шведов. На войну с золотыми куполами не ходят. Явно, Биргер прибыл с визитом, желал поразить новгородцев великолепием своего быта. То, что шведы шли с миром, говорит и тот факт, что Биргер взял с собой в поход сына сестры Эриха, малолетнего принца – ребенка. На войну детей не берут.

Александр Невский подошел к месту высадки шведов ночью. Его встретил чудин Пелгуй, тот, с которым Александр договорился заранее.

Александр осмотрел лагерь Биргера из укрытия и увидел, что охрана велика и, что если произвести нападение, то справиться с рыцарями будет нелегко. Чудской воевода Пелгуй понял замешательство князя и, чтобы подтолкнуть Александра к действиям, он придумал байку о том, что будто, этой ночью на море увидел в тумане белом насад¹⁸ и гребцов, «одеянных мглою». А в насаде стояли два витязя лучезарных. Пелгуй говорит, что узнал этих витязей. То были святые Борис и Глеб. Борис обнял брата своего за плечи и сказал: «Поможем родственнику своему Александру», и насад стал удаляться в море и совсем исчез из вида.

- Воинство Небесное придет тебе на помощь, когда будешь изнемогать, - заверил Пелгуй Александра.

Чудской воевода, используя суеверность Александра, хитростью хотел заставить его вступить в бой с Биргером. Столкнуть лбами новгородцев со шведами, было в интересах чуди.

¹⁸ Насад – лодка.

В одиннадцать утра дружина Александра с ватагами новгородцев напали на шведов. То, что миссия Биргера была мирной, говорит и то, что нападения никто не ожидал. Лагерь не охранялся. Люди не были вооружены.

В лагере шведов возникла паника.

Летописец описывает отвагу ушкуйников. Гаврила Олексич гнался на коне за маленьким принцем. Тот успел заскочить в ладью, а новгородец пустился за ним по мосткам. Шведы, защищая ребенка, столкнули Гаврилу с мостков вместе с конем в воду. Тот успешно выбрался из воды и вновь вступил в бой. Новгородец Сбыслав Якунович бился топором в гуще врагов, а отрок Савва подсек столп шатра и тот упал. «После чего россияне возгласили победу, - пишет Карамзин, - И покинули поле сражения».

Судя по тому, что шведы после боя остались на ночь в этом злополучном месте и стали хоронить своих убитых, они не были обращены в бегство. Занимаясь похоронными делами, они уже не боялись нападения. Погрузив тела знатных людей своих в одни шнеки, и раненых в другие, шведы отбыли восвояси, гадая, что это было?

Это была вылазка, вероломное нападение Александра на шведское посольство, идущее с визитом в Новгород. А так же разбойничье нападение на купцов Ганзы с целью грабежа.

Сам ярл Биргер убедился в том, что путь западных купцов на Новгород смертельно опасен. Этот набег Александра должен был осложнить дальнейшие торговые отношения Новгорода с Ганзой. После этой Невской битвы торговая столица Северо – Востока, Новгород, надолго потерял свою привлекательность для Запада.

Конфликт с соседями породил долгую войну, и эпизодами этой войны, будут битва на Чудском озере и Раковор, и Копорье.....

За самовольство Александр понес своё наказание. Новгородцы изгнали его из города и указали «путь чист» в «низовскую» землю, куда Александр и отправился, затаив обиду на Новгород.

Прозвище «герой Невский» в ранних летописях не встречается, Александр везде именуется князем Новгородским или Великим князем Владимирским. Значит, это прозвище ему дали намного позднее, после его смерти, когда возникла потребность у его московских потомков в героическом предке. Тогда в устах послушных летописцев разбойничий наскок Александра на шведское посольство в устье Ижоры превратилось в героическую Невскую битву, а князь получил благозвучное прозвище Невский.

8. ПЕРВЕНЕЦ.

Рано утром, когда новгородцы ещё спали, тяжело груженный обоз закрипел ободьями о деревянную мостовую Новгорода. Князь Александр покинул место княжения, определенное ему отцом Ярославом.

Путь к «низовской» земле, к родному Переславлю лёгким не назовешь. Ладьи, груженные добром, шли по системе рек и волоков, используя физическую силу гребцов. Когда вышли к Волге, путь сделался легче, плыли по течению. Впереди были Тверь, где на княжении сидел родной брат Александра, Ярослав Ярославич. За Тверью Углич, князь которого, Владимир Константинович, был участником битвы с Батыем на Сити. Потом Ярославль, где предстояло сменить ладьи на телеги.

По всему пути Александр видел пепел сгоревших изб, разоренные городища, запустение, безлюдье и человеческие останки.... Впервые он столкнулся с большим числом калек, и людей, потерявших рассудок. Одичавшие люди прятались по лесам, боясь приблизиться, к проплывавшим мимо ладьям. Безумие русских глаз мерещилось Александру из – за каждого куста, из – за каждого холма. Вопли несчастных людей преследовали караван даже ночью. Впервые он увидел жестокие следы Батыева нашествия и ужаснулся ими. Он мог сравнить западную угрозу с угрозой южной. Выходило, что монголы были намного страшнее.

В Ярославле встали привалом. Там предстояло перевалить добро на повозки и идти до Переславля посуху. Князь Василий Всеволодович, радушно встретил родственников. Александр с удивлением заметил, что Василий несравнимо с ним, Александром, юн, а разворотливо хозяйствует в разоренном городе. Князю Василию в то лето тринадцать годов исполнилось, а брату его, Константину и того меньше, одиннадцать.

Такие молодые князья сидели на столах княжеских не только в Ярославле, но и в Ростове. Угличе, Белозерске. По всей «низовской» земле рано повзрослели сыны отцов, погибших в сражениях с Батыем. Они собирали людей, рассеянных по лесам, воздвигали свои города и села из пепла. На их плечах лежала задача обновить разоренное государство.

Тронуло ли сердце Александра эта всеобщая нужда, трудно сказать. Ведь до Новгорода Батый не дошел, и новгородцы войны с монголами не знали.

Пока гостили в Ярославле у радушного князя Василия, много было всего переговорено, о многом узнал Александр: как сражаются монголы, как быт свой строят, как раболепствуют перед буюруками¹⁹ своими и ханами.

Когда новгородские гости засобирались дальше в путь, князь Василий отрядил свои подводы для их поклажи и возки для матери Александра, княгини Феодосии и непраздной жены его, Параскевы.

- От Ярославля до Ростова рукой подать, а там два поприща²⁰ до Переславля, - с улыбкой успокаивал ярославский князь Александра. И столько неподдельной доброты было во взгляде внука Константина Мудрого, что Александр почуял свою вину за Ситскую сечу, где погиб отец Василия, и за обезлюдившую землю, и за изнасилованные души людей, но признаваться в этом, не стал

¹⁹ Буюрук – начальник, дословно – приказывающий / монг./

²⁰ Поприще - путевая мераи вероятно, суточный переход, около 20 верст. В.И.Даль.

Уже чувствовалось дыхание осени, когда тяжело нагруженный новгородский обоз выехал за валы Ярославля – града.

Параскева в дороге занемогла. Она молча кусала губы, боясь признаться себе и хлопотливой няньке, что боль внизу живота не проходит, а только отпускает на краткий миг и вновь схватывает приступом.

Возок, в котором ехала княгиня, приспособили для лежания. Мягкая рухлядь²¹, наваленная внутри возка, не давала ощущать дорожную тряску. И всё же Параскева чувствовала тревогу. Нянька, примостившаяся в ногах у княгини, полулежала, подоткнув свободную руку под голову. И тупо смотрела под ноги бегущей лошадки.

Боль становилась невыносимой, и Параскева, схватившись за живот, застонала глухим стоном, будто вырвавшимся из самой утробы. Нянька оживилась:

- Чего, голубушка? Никак схватки начались?!
- Нет, - сморщилась Параскева, - это так.... Просто...

И застонала ещё громче.

Нянька выпрыгнула из возка, и её голос Параскева слышала уже далеко впереди.

Боль отошла, и больше не возвращалась. «Вот ещё, взглумилась нянька, теперь переполошит весь обоз!»- подумала Параскева, испугавшись пустой суматохи.

И в тот же миг ощутила, как что-то липкое и теплое обтекает её тело, мгновенно промолив льняные одежды.

- Нянька! – крикнула, что было сил, - нянька!

И закричала натужно, удивившись своему безволию. Будто кто – то чужой изнутри командовал теперь её телом.

- Ой, потуги! Потуги! – заголосила подбежавшая нянька, и Параскева почувствовала, как чьи – то сильные руки заворачивают подол, стаскивают с неё исподние порты, раздвигают её ноги.

- Давай, голубушка, тужься, тужься, - Параскева почувствовала, как её живот накрыли полотняным убрусом.²² Увидела, как с обеих сторон возка две девки - рабыни потянули концы длинного полотенца каждая к себе, низко приседая и упираясь ногами в землю.

- Давай, - командовала нянька. И приступ потуги снова потряс тело княгини. Она кричала, чувствуя, что при потуге боль уходит. И тужилась..., тужилась.... Наконец, что-то скользкое выкатилось промеж ног, и волна горячей жидкости обдала тело княгини до самой шеи.

- Малой! – завопила нянька, крутя в руках сморщенное существо фиолетового цвета, - княжич!

- Сын...., сын...., - губы княгини Параскевы кривились, выговаривая слова, но звука не было. Сил не осталось.

Подъехал Александр, принял на руки младенца, ткнул лицом в теплые пеленки:

²¹ Мягой рухлядью в древности звали меховые шкурки.

²² Убрус- полотенце /др. русск./

--- Василием назовем, - провозгласил, волнуясь до слез, - пусть таким же будет..., как Василий Всеволодович, князь Ярославский.

9. ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

Батый осел в прикаспийских и причерноморских степях. Впереди был путь в Закарпатье на Венгрию, Польшу, Чехию. Советники из числа русских бояр, которых взял Батый пленниками, в один голос твердили, что Венгрия богата землями, винами, серебром и золотом и прекрасными девами. Надо идти туда! На Венгрию! На Венгрию!

Батый и сам понимал, что он ещё не выполнил завет деда Чингисхана. Он не достиг края земли. Но как уйти с границ Руси, когда не все ещё русские города покорились ему, Батыю. Из почти двухсот городов, что стояли на русской земле, только 14 он взял на меч. Остальные затаились за стенами и валами, за дремучими лесами и болотами. Нельзя уйти за Карпаты, оставив в тылу непобежденного врага.

Больше всего Батыя волновали отношения с двоюродными братьями. Гаюк, этот сын пестрой козы, всячески оказывает неуважение. Только вчера, когда важные родичи собрались пировать, и Батый, как старший, среди присутствующих, первым поднял и выпил провозглашенную чашу, Гаюк рассердился и проговорил, обращаясь к Бури:

- Как смеет Бату пить чашу раньше нас, этот сын «наследника меркитского плена»! Зачем он лезет равняться с нами, законными наследниками своих великих отцов!

А Бури, этот собачий хвост, только ухмылялся!

Затем Гаюк и Бури засобирались уезжать, не желая оставаться в шатре Батыя.

Что делать с ними? За их спинами стоят их могущественные отцы, а Батый, слывя мудрым, не может нарушить Ясу Чингисхана и посеять замятню в своих улусах.

И как идти на Венгрию, когда у венгерского короля Белы появились татарские жеребчики. Монгольские лошадки низкорослы и лохматы, как дикие зверьки, но они быстроходны и выносливы. Они сами добывают себе корм и им не надо стойла для отдыха. Только на таких конях можно достичь победы. Яса Чингисхана запрещает продавать или дарить монгольских лошадок в недружественные земли.

- Повелитель, тот, кто продал в Венгрию жеребцов, изменил не только тебе. Этот человек нарушил Ясу Чингисхана, - советник хана, мудрый китаец Или-чут-сай, прочел мысли Батыя.

- Так кто же продал в Венгрию монгольских жеребчиков?

Батый заволновался, лисья шапка сползла с его выбритого темя, и жидкая косичка задралась высоко вверх

- Повелитель, поручи Сартаку узнать, кто это сделал.

Через день сын Батыя, Сартак, вошел в шатер Батыя с важным известием.

Соглядатаи доложили, что племенных коней в Венгрию отогнал худой русский князек Андрей из Сарвогла и получил за то большие деньги.

- Кто!? Кто продал русскому наших коней!? – гневом перекошило лицо Батыя.

- Гаюк, - тихо, но внятно произнес Сартак.

От такого важного и долгожданного известия пальцы Батыя затряслись мелким трусом.

- Кривому дереву лучше засохнуть, - Батый вскочил с кошмы, - казнить всех, кто причастен к измене! Но я не могу предать смерти сына Угедя!

- Вышли его за пределы своего улуса. Пусть отправляется в Каракорум к отцу, - Или – чут – сай всегда подает мудрые советы.

Батый взглянул на сына. Сартак понимающе кивнул:

- Я отдам приказ, отец.

- И Бури пусть убирается вслед за братом!

Злоба душила молодого хана Гаюка так, что сердце билось, как пойманный таймень. Злоба заполнила все его внутренности и распирала грудь тяжелым дыханием. Хан Гаюк покидал ставку Батыя с позором монгола, преступившего закон Великого Чингисхана. Вместе с Гаюком в Монголию был выслан и хан Бури, соучастник позорной сделки.

Рядом со злобой в сердцах двоюродных братьев Батыя поселился страх. Что будет с ними дальше в родной Монголии? Когда рядовых воинов отправляют из действующей орды к родному очагу, это означает только одно – позор семьи и рода. Такого человека ждала участь арата²³ степной отары до конца его жизни.

Какую участь приготовят им их влиятельные, но суровые отцы, монгольские балбесы могли только гадать. Поэтому путь до Каракорума обещал быть очень долгим. Спешить было некуда.

10.. ПОСЛЕДСТВИЯ НЕВСКОЙ БИТВЫ.

Нападение Александра на Биргера в устье Невы не прошло без последствий. На Новгород и его князя затаили обиду не только Шведский правитель, но и сам магистр Ордена Герман Зальца. На Неве погибли рыцари, державшие охрану шведского ярла Биргера. А рыцарей в Ордене не так – то уж много.

Прибывшие из Палестины в 1237 году, рыцари Тевтонского Ордена насчитывали всего 40 человек и их подвиги были овеяны славой.

Конечно ряды рыцарей можно было пополнить за счет Ливонского Ордена, созданного вместо прусского Ордена Меченосцев, члены которого к тому времени были хорошо потрепаны армией литовского князя Миндовга, но всё ещё представляли военную угрозу для врага.

Величественный и строгий поборник военной дисциплины, магистр Геман Зальца не сразу принял прусаков в свои ряды. Когда же в состав Тевтонского ордена влился Ливонский Орден, тогда численность рыцарей,

²³ Арат – пастух /монг./

составила около 300 человек. Правда, у каждого рыцаря была группа людей, составлявших его поддержку. Это оруженосцы, конюхи, слуги, до двадцати шести человек обслуги на каждого рыцаря.

Вот это небольшое, но хорошо вооруженное и обученное воинство, держало в повиновении обширные земли Ливонии и Пруссии.

Получив урок недоверия на Невских берегах, руководство Ордена приняло решение, обороняться от Новгорода. В короткий срок на берегу Финского залива рыцарями была возведена крепость Копорье, явившаяся хорошим плацдармом и для обороны и для наступления на Новгород. Орден явно готовился к реваншу за Невскую битву.

Той же осенью рыцари взяли русский городок Тёсов. Купцы, стремившиеся в Новгород, уже в тридцати верстах от него подвергались грабежу от немцев. А племена воль и чудь полностью перешли в подчинение Ордена и опустошали берега реки Луги, уводя скот, лошадей, отчего земледельцы не могли обрабатывать поля. Новгороду грозил очередной голод.

Новгородцы, прибывшие во Владимир, описали князю Ярославу Всеволодовичу последствия нападения его сына, Александра, на шведов, обрисовали свои бедствия и потребовали от Великого князя организовать оборону Новгорода. Тогда исправлять ошибки Александра, вызвался его младший брат, князь Андрей, который и отправился в Новгород во главе дружины. Но защитить новгородские земли от грабежа, Андрей не смог.

Тогда новгородцы призвали к ответу архиепископа Спиридона. Это он не захотел пришествия шведского посольства в Новгород, это с его благословения Александр совершил нападение на мирный караван! Из-за недалёковидности архиепископа вышло военное противостояние.

Новгородцы потребовали, чтобы Спиридон ехал к Александру в Переславль и уговорил князя вернуться и исправить свои грехи. Как ни был Александр своеволен и мало послушен, соседи его побаивались.

Архиепископ Спиридон отправился в «низовскую землю», в Переславль. Там он встретился с Александром и убедил его вернуться в Новгород.

Параскева была опять на сносях, поэтому осталась в Переславле. В пути Александра догнала радостная весть: жена разрешилась вторым сыном. Его назовут Дмитрием.

11. БИТВА НА ЧУДСКОМ ОЗЕРЕ.

Псков всегда был под властью Новгорода. Но с появлением на окраинах псковской земли Тевтонского Ордена, псковитяне завязали дружеские отношения с рыцарями и впустили в город князя – ставленника немцев. Славянские и немецкие летописи свидетельствуют даже о совместных военных походах рыцарей и псковичей на соседей.

Прибыв на новгородские земли, Александр, разрушил крепость Копорье. Взяв в плен рыцарей, он отпустил их, видимо, исправляя вину перед Вильвеном, а чудь и воль перевешал, как изменников.

Расправившись с местным населением, Александр пошел на Псков и в результате осады, взял его на щит. При этом летописец пишет, что 70 мужественных рыцарей положили там свои головы, оставшихся в живых шесть человек, Александр велел повесить. Значит, численность гарнизона, оборонявшего Псков, была 76 человек.

За Псковом простиралась земля Ливонии. Александр распустил свои отряды в «зажитьё», т. е. победителям разрешил грабить местное прибалтийское население.

Тогда тевтонский Орден, защищая свои земли и подвластный ему народ, выступил, чтобы дать отпор грабителям.

Отряд, выступивший против новгородцев, состоял из двухсот пятидесяти рыцарей. А вместе с обслугой их было около семисот. К ним присоединилось мужское население ограбленных ливонских селений. Историк Татищев пишет: «и местер /магистр/ пришел против Александра со всеми бискупами /епископы/ и со всею силою их и с помощью королевской /с ратниками шведского короля/». Итак, численность немецкого войска была около полутора тысяч.

Летописцы называют одну цифру войска Александра - «бещисла», т.е. столько, что не возможно счесть. Всё население Новгорода тогда насчитывало четырнадцать тысяч человек. Сюда входили старики, женщины, дети, духовенство и купечество, которые не могли встать под знамена Александра. Значит, новгородское ополчение было не более двух тысяч, да ещё дружины Александра и князя Андрея. Всего на стороне Александра было около трех тысяч воинов.

Один из отрядов Александра, пущенных в «зажитьё», увлекшись грабежом, углубился в территорию Ливонии и набрел на рыцарское войско, идущее на выручку местному населению. Новгородцы были разбиты. А те, что остались в живых, бросились к Александру, чтобы предупредить его об опасности.

Александр узнав, что один из его отрядов побит немцами, стал спешно вызывать воинов из «зажитья». Из Ливонии русские отступили.

Александр понял, что бой с неприятелем неизбежен, и начал искать плацдарм для будущего сражения. Он поставил своё войско «на узмени», т.е. в узком месте Чудского озера, там, где просматривались дороги, одна на Псков, а другая на Новгород.

У высокой скалы, называемой Вороньим камнем, выстроился русский лобовой полк. Утром 5 апреля 1242 года немцы вышли на расположение русских. Выстроившись клином, а по – русски, «свиньей», немцы ударили в лоб, но внезапное нападение с флангов русских, смешало строй рыцарей, они растерялись, и вынуждены были бежать. На протяжении семи километров их преследовали русские и били. Так закончилось сражение на Чудском озере.

Рыцари Тевтонского Ордена потерял две трети своего войска. Магистр Ордена опасался, что Александр дойдет до Риги, но Александр взяв пленных, пошел на Псков.

Там он обратился к псковитянам с речью, в которой поспешил закрепить свою победу на века, чтобы еще долго пользоваться результатом своей ратной работы. Корысть была в крови Александра:

- О! Псковитяне, не забывайте победы моей! И принимайте даже самых отдаленных моих потомков, и давайте им пристанище в злополучии. А если забудете Александра, то вы будете примером неблагодарности.

О потомках Александр заговорил не зря. Семья князя увеличилась.

Вскоре был подписан мир между Орденом и Новгородом, по которому немцы отказывались от городов: Пскова, Ветлуги, Ладоги. А также произвели размен пленниками. И так умирились. И сразу же после того Александр распорядился поставить в Пскове католический храм. Это факт исторический, и говорит он о том, что, не смотря на прошедшую битву, немцы пользовались большим влиянием и уважением на русских северных территориях, а особенно в Пскове.

12. ПОХОД НА ВЕНГРИЮ.

Батый, уважая наказ деда, строил свою империю по законам Ясы Чингисхана: четкое подчинение нижестоящих членов монгольского общества вышестоящим, строгая дисциплина, державшаяся на смертной казни, и безбрежное море доносчиков. Доносительство вознаграждалось, и было возведено в закон.

Батый имел соглядатаев во всех странах известного тогда мира. Были они и в окружении императора Великой Римской империи Фридриха Второго Штауфена из рода Гиббелинов.

Были соглядатаи монголов и в свите короля Франции Людовика Девятого Святого, ратовавшего за повсеместное введение папского суда – инквизиции.

Батый разослал гонцов в европейские станы с требованием покориться, ему, Великому завоевателю. Европа, притихла под пристальным взглядом раскосых глаз степняка, обреченно понимая, что никуда не деться от взбесившегося Востока.

Первым ответил император Фридрих Второй. Внук непобедимого Фридриха Барбароссы, с напускной покорностью докладывал Батыю, что он любит соколиную охоту, знает в ней толк и, мог бы служить хану в чине сокольничего. Великий монгол оценил юмор Великого Германца. Завязалась переписка.

Совсем по другому складывались отношения у Батыя с Венгерским королем Белой Четвертым. Бела Четвертый, имел неосторожность принять у себя половецкого хана Котяна, бежавшего от Батыя за Карпаты. Батый потребовал выдать Котяна, но венгерский король прельстился подношениями кагана, красотой его юной дочери Эржебет, и хорошо вооруженной армией половцев. Бела понимал, что Котяну деваться некуда,

что его армия с упорством заложников будет защищать земли Венгрии, определенные половцам на жительство королем. Потому не выдал Котяна.

Венгерские магнаты не желали подчиняться королю и творили один заговор за другим. Даже сестра короля состояла в заговоре против своего брата. Положение Белы Четвертого было не завидным. Если не считать личной охраны короля, то Котян был единственной вооруженной силой, подчиненной королю и способной сопротивляться врагу.

Когда до Белы Четвертого дошла весть, что Батый перевалил через Карпаты, король разослал в замки своей страны гонцов. Они несли окровавленный, заговоренный меч с призывом, встать под стяги короля на защиту Венгрии от Батыя. Никто не откликнулся на призыв короля. Подло, исподтишка, ножом в сердце, был убит хан Котян. Единственная надежда венгерского короля рухнула. Маленькая Эржебет, дочь Котяна, поклялась отомстить убийцам, и, развернув полки половцев, увела обороноспособные силы от восточных границ к Адриатике.

Батый прошел через Венгрию, не встречая сопротивления. Венгрия была разорена так же, как когда – то Русь. Шел 1242 год.

К водам Адриатики уже вышли первые чамбулы²⁴ татарского войска, преследуя бежавшего в Далмацию короля, как поступил внезапный приказ Батыя, развернуться назад. Армия монголов так же стремительно откатилась за Карпаты, на восток, на земли Галиции, как и пришла.

Причиной столь поспешного маневра было непредвиденное обстоятельство: умер хан Монголии Угедей. Для избрания нового хана в далеком Каракоруме должен был собраться курултай – всеобщее собрание монгольской знати, на котором присутствие близких родичей было обязательным. Обязательным это положение было и для Батыя.

На место Великого хана всей Монгольской империи претендовали двое: один - сын умершего Угедея, Гаюк, злейший враг Батыя, другой - сын Тулуя, Мункэ, друг и соратник Батыя.

Появление Батыя в Монголии грозило ему смертью. Перед ним встала сложная задача возвести на Великую кошму своего ставленника Мункэ, не показываясь в пределах Монголии.

13. ПОРУЧЕНИЕ БАТЫЯ.

Поразмыслив и выслушав советников, Батый пригласил в свою ставку князя Ярослава Всеволодовича. Ярослав, обойдя полюдьем²⁵ соседние земли, и собрав дань, направился к Батыю в кипчакскую степь. Князя соседственных земель затаились, с любопытством и страхом ожидая возвращения Ярослава от жестокого и своенравного хана.

Ярослав, хоть и считал себя союзником Батыя, но, прибыв в его стан, обязан был пройти церемониал, установленный советниками хана.

²⁴ Чамбул – карательный отряд /монг./

²⁵ Полюдье - объезд округа или области для сбора дани Полудная дань, подать, собираемая объездом с народа. В.И.Даль.

Шаманы сопровождали русского князя, придирчиво наблюдая, как отреагирует пламя ритуального огня, когда мимо двух костров будет проходить гость хана. Пламя не погасло и это означало, что князь Ярослав не имеет злых намерений.

Далее Ярославу пришлось поклониться священному кусту. Листья его не пожелтели и не свернулись, указывая на чистоту помыслов Ярослава.

Третьим испытанием было поклонение Богоподобному Чингисхану, разрисованная маска которого, закрепленная на вершине высокого шеста, смотрела на Ярослава остановившимся стеклянным взглядом, внушая страх и вызывая трепет. Шаманы кружились вокруг своего Бога, издавали странные горловые звуки, по очереди ударяя в огромный бубен. Ярославу казалось, что эти мрачные, почти дьявольские звуки пронизывают его нутро, доставая до печени и сердца. Ноги князя ослабли и подкосились, он упал ниц. Верховный шаман остался доволен.

В шатер хана Ярославу предстояло вползти, не задевая порога и не поднимая головы. Ярослав осторожно перенес тучное тело через порог, и как можно ниже, распластавшись по серой кошме, пополз к трону Батыя, вытянув губы трубочкой, чтобы облобызать туфлю повелителя.

Ярослав выразил свою покорность и напомнил Батыю, что он не принимал участие в боях против него. Что он рад выполнить любое поручение Батыя, и хочет только одного, чтобы великий хан принял его, Ярослава, «в любовь к себе». Батый оказал милость русскому князю, разрешив ему поднести, привезенные в ставку, подарки. Слова преданности Ярослав подтвердил горой собольих и лисьих шкурок и изделиями русских золотарей.²⁶

Батый не возражал против права Ярослава на Великое княжение на всей территории Руси, но надо, чтобы это право подтвердил своей волей Великий хан Монголии. Поэтому Ярослав должен собрать много дани мехами, медом, серебром и отправиться в Каракорум.

Хитрый Батый задумал отправить на курултай вместо себя своего улусника,²⁷ русского князя, которому тут же, в шатре Батыя, оказали почет и отвели место на одном из ярусов, где сидели чиновники хана. От всего пережитого голова Ярослава шла кругом, но в тот день ему предстояло пройти ещё одно испытание.

В шатер втолкнули и бросили к ногам хана связанного по рукам и ногам Сарволгского князя Андрея. Лицо князя, было залито кровью, и Ярослав не сразу понял, кто перед ним. Вслед за истерзанным князем в шатер втолкнули его жену с младенцем на руках и младшего брата. Их Ярослав узнал.

Важный буюрук прочитал приказ хана о наказании за продажу монгольских жеребчиков в Венгрию. Толмач перевел, что хан повелевает казнить предателя, нарушившего Ясу Чингисхана. Заголосила княгиня

²⁶ Золотарь - позолотчик по дереву. В.И.Даль.

²⁷ Улус – завоеванная монголами земля, улусник - правитель завоеванного улуса.

Сарволгская, зашлась в истошном крике, стоя на коленях, протянула дитя своё к хану, умоляя не лишать её чадо отца, не делать его сиротиночкой.

Батый вопросительно взглянул на толмача. Тот скороговоркой перевел мольбу женщины.

- Никто не имеет силы нарушить Ясу Чингисхана. Это русский князь может казнить и миловать по своему разумению, а у нас закон.

Толмач перевел слова хана. Молодая женщина по – своему поняла услышанное. Она нашла глазами Ярослава, и взмолилась, прося помилования. Сам униженный до праха, Ярослав низко опустил голову, боясь выказать своё отношение к происходящему, и молчал.

- Я дам тебе мужа, а твоему малаю отца, - как спасение Ярослава от срама, прозвучали слова Батыя.

Женщина грянулась лбом о серую кошму. Робкая надежда родилась в её душе, и она, подбирая хвалебные слова в адрес хана, благодарила его за милость.

Турхауды завернули руки князя Андрея за спину. Один из них ударил несчастного в правый бок. Князь застонал от боли и согнулся. Тогда другой турхауд, выхватив кривой меч, одним ударом отсек повинную голову. Женщина ахнула и забилась в истерике.

Турхауд поднял голову казненного за волосы, насадил на пику и понес по кругу, поливая кошму дымящейся русской кровью.

Слуги внесли подносы, от которых шел пар. Запахло мясом. Гости брали вареную конину руками, и с жадностью поглощали её. Ярославу пришлось взять в руки кусок мяса. Несолёная конина не лезла в горло, но Ярослав упорно жевал и глотал, боясь выказать неуважение хозяину шатра.

Насытившись, Батый объявил свою волю. Толмач провозгласил от имени хана, что Великий Батый хочет выполнить свои обещания и дает овдовевшей княгине мужа, а её сыну отца. Право на княжение Сарволгом передается брату убитого князя. Вдову брата новый правитель должен взять себе в жены, а её ребенка стать отцом.

Папский легат Плано Карпини, бывший в тот раз в шатре Батыя среди других послов позднее напишет:

« Брат убитого князя возразил, что предпочитает умереть, нежели в чем – либо пойти против своего закона; однако Батый вынудил его взять женщину силой; их обоих заставили лечь на общее ложе, с ребенком, который кричал, принудив, таким образом, их соединиться».

Эта сцена насилия была разыграна Батыем для того, чтобы Ярослав понял: над всеми русичами давит сила, которой нельзя не подчиниться, что Русь отныне будет жить по законам Орды, и насиловать её будут по прихоти завоевателей.. Ярослав это понял, и стал проводником ордынских порядков на Руси, что в последствии привело к узаконенному игу.

Карамзин пишет: «Так государи наши торжественно отреклись от прав народа независимого и склонили выю²⁸ свою под иго варваров».

²⁸ Выя – шея /др.русск.\

14. ПЛАНЫ ОТЦА И СЫНА.

Ярослав первым из русских князей вернулся от Батыя невредимым. «Приде князь Ярослав ис Татар в землю свою честно и славно, и бысть радость в Русской земле велика» - пишет летописец. Далее летописец сообщает, что к Ярославу во Владимир стали съезжаться люди: «от славной реки Днепр, и от всех стран земли русской: галичане волынские, киевляне, черниговцы, переяславцы и славные кияне, торопчане, миняне, мещежане, смоляне, полочане, муромцы, рязанцы, и все подражаху храбрости его, и обещали жизнь свою положити за избаву христианскую. И всяческого богатства преисполнены».

Русские люди восторженно встретили князя Ярослава. Они надеялись на то, что Ярослав, вступивший в Великое княжение, организует «избаву христианскую» от врага. И эта надежда сплачивало их в едином желании встать под знамена великого князя и начать борьбу с врагом. Приезжие во Владимир, несли на общее дело всякое «богатство», клялись в верности князю и жизнь свою полагали за избавление земли русской. Ярослав «богатство» принимал, о своем геройстве перед Батыем много рассказывал, но бороться с врагом и не думал. Он собирался с принесенными ему средствами идти в Каракорум, к трону Великого хана, чтобы и там выразить свою покорность и положить к ногам Монгольского хана русскую землю с её народом и всеми природными богатствами. А взамен получить поддержку завоевателей, которые наводили ужас на все соседственные земли и народы. О таком могуществе, которое может обеспечить дружба с монголами, прежние князья и мечтать не могли.

Александр, прибыл из Новгорода во Владимир, попрощаться с Ярославом, собиравшимся в Монголию. Слушая рассказы отца о встрече с Батыем, об исключительном положении властителя монголов, дивился и торжествовал!

И Ярославу, и Александру приходилось подчиняться решениям народных собраний, не раз спорить с мужичками – вечниками, не единожды быть изгнанными из вечевых городов. Русские князья были только правителями, но не владельцами земли. Теперь открывались другие перспективы.

Александр полностью был согласен с отцом: хватит подчиняться городским вечам, уж лучше быть улусником хана и купить у него ярлык на княжение, чем послушником народного собрания. Хан и силой военной пособит, когда потребует князю и противников к порядку призовет своей властью. Теперь держитесь, сучьи дети, новгородцы! Мы вам покажем, что есть князь, и что есть вече!

В долгих разговорах отца и сына рождался проект построения власти по образцу монгольской орды: деспотизм властителя над бессловесной

массой подданных. Передача приобретенной власти от отца к сыну по одной линии, и ни каких родовых старейшинств! Ярослав и Александр готовили величайшее в истории человечества предательство своего народа.

Но пришло известие о том, что в Чернигов из Европы вернулся брат Ярослава, князь Михаил Черниговский, претендент на Великий стол после Ярослава, который по праву старейшинства мог оттеснить Александра от власти.

Ярослав поспешил к Батыю.

15 КНЯЗЬ МИХАИЛ ВСЕВОЛОДОВИЧ – БРАТ ЯРОСЛАВА.

В 1238 году, когда первые отряды татар вверглись в землю Русскую и уже подступали к Чернигову, Михаил Черниговский и его сын Ростислав, убив послов Батыевых и выбросив их тела на съедение псам, покинули отчину. Бежали от Батыя так борзо, что в пути потеряли княгиню Черниговскую. Жена Михаила затерялась на дорогах Галиции и отстала от каравана. Долгое время о ней ничего не было известно.

А Михаил, прибыв в Венгрию, рассказал королю о непобедимом воинстве, которое напало на Русь. По слухам, это и не люди вовсе. У них красные лица, похожие на кусок сырого мяса, а глаз их не видно. От них несет таким смрадом, будто вышли они из могил, и поднялись из самого «тартара»²⁹, а зовут их «тартары». А предводителя своего они зовут по имени Бату, что значит «батя».

Сестра Белы, Милена, была заинтригована баснями Михаила. Ей хотелось увидеть покорителя мира, загадочного Батыя, и, может быть, если повезет, стать его подругой... В голове принцессы рождались самые фантастические планы.

Михаил пояснил, что приехал выполнить свои договоренности, женить сына Ростислава на принцессе Анне. Он так же не скрывал, что собирается пересидеть время нашествия «тартарских» бесов. Но советники Белы Четвертого настойчиво наказывали королю не давать убежища врагам Батыя и отправить от себя Черниговских беглецов. Что это за князь, у которых нет ни земли, ни возможности пополнять казну. И достоин ли князь Ростислав их принцессы Анны!?

Долгие споры привели к решению: браку Ростислава и Анны состояться. Отдать молодой чете на кормление земли Словении, которые Ростислав с дружиной должен будет защищать от врага. А отца жениха, князя Михаила, прогнать от двора короля.

Михаил болезненно переживал своё унижение. Родной сын Ростислав отвернулся от отца и чести ему не оказал.

Михаил, боясь вернуться в Чернигов, пошел в Рим. Он искал встречи с папой, чтобы договориться об участии европейских рыцарей в войне с татарами, но ему было отказано.

²⁹ Таргар – ад.

Побежав по Европам, Михаил с оскорбленным чувством достоинства, решил вернуться в Чернигов и сдаться на милость Батыя.

Михаил Всеволодович был старшим в роду после Ярослава. Возвращение его сильно обеспокоило Ярослава и его сына Александра.

16. В КАРАКОРУМ.

Собрав обоз, погрузив казну, Ярослав двинулся в кипчакскую степь, к Батыю. Русский князь посетовал хану на появление в Чернигове Михаила, который виноват перед Батыем и заслуживает самого строгого наказания. Батый внимательно выслушал Ярослава и понял его желание устранить законного претендента на русский престол. Повелитель отдал приказ привести беглеца пред свои очи.

Но услуга за услугу. Ярослав, отправляясь в Каракорум, должен выполнить поручение Батыя, связаться с ханом Мункэ и поддержать его тем добром, которое русский князь собрал с доверчивых россиян. Кроме Ярослава Всеволодовича, от улуса Джучи в Монголию пошли братья Батыя : Орда, Шейбан, Беркэ, Беркечар, Тангут, Тука – Тимур, они будут прикрывать русского князя в его тайных сношениях с Мункэ. Они же пояснят на курултае, что сам Батый не может прибыть в Каракорум, потому что совсем ослаб здоровьем, и его мучают боли в ногах. Это должно вызвать радость у сторонников Гаюка, что притупит их подозрительность.

Вместе с князем Ярославом в Монголию отправился папский легат Плано Карпини.

Путь до Монголии был долгим и трудным, через пустыни и горы, через бурные реки и солончаки. О многом переговорили в дороге русский князь и папский легат. Латинское верование стало ближе русскому князю, и он уже не был тверд в исповедании православия.

Многие слуги князя Ярослава погибли, не пережив трудностей пути. Сам Ярослав плохо переносил дорогу, но его поддерживал боярин, Федор Ярунович. Наконец, русский караван прибыл в столицу Монголии Каракорум. Город этот состоял из юрт, и кочевал по воле Великого хана.

По прибытии в Каракорум Ярослава направили к вдове умершего хана Угедая, Туракинэ. Ставка Туракинэ, обнесенная тыном, вмещала до двух тысяч людей. Сама ханша сидела на высоком помосте под балдахином, окруженном вооруженными конниками. Ярусом ниже сидели чиновники и старейшины.

Туракинэ милостиво встретила Ярослава и прибывших с ним посланников папы Римского. Она приняла дары и указала русскому посольству место рядом с чиновниками.

Как только Ярослав примостился у ног Туракинэ, на широкой, покрытой ковром, скамье, сомнения и беспокойство, владевшие им до приема, прошли. Он вздохнул свободно, и тут почувствовал толчок в бок. Федор Ярунович тревожным взглядом показывал на свободный проем в

тыне, откуда слышалось приближающееся пение. Певцы славили сына Тракинэ, хана Гаюка, шествовавшего следом.

Хан Гаюк мельком взглянул на Ярослава, и у того противно засосало под ложечкой. Было от чего. Гаюк, оставивший своих шпионов в ставке Батыя, хорошо владел информацией.

Ярослав не зря испугался взгляда Гаюка. Вскоре за ним и боярином Федором Яруновичем пришли турхауды, взяли под стражу и отвели в ставку Гаюка на дознание. Русских послов подвергли пыткам, добиваясь от них истинной цели визита.

Историк Татищев пишет, что «было наговорено на Ярослава Федором Яруновичем. И много истомления принял он от татар за землю русскую, и отпустили его уже изнемогшего». После чего русского князя призвала ханша Туракинэ. Ханша отпускала Ярослава на Русь, и приказала Ярославу по прибытии домой прислать к ней на поклон сына Александра. Ярослав обещал исполнить приказ могущественной женщины.

Плано Карпини напишет, что Туракинэ дала Ярославу есть и пить из собственных рук. Отказаться от такой чести Ярослав не смел, он принял чашу, в которую женщина опустила свой мизинец с длинным отполированным ногтем.

Возвратившись с приема, князь почувствовал себя плохо. На другой день важный чиновник принес приказ ханши, чтобы русское посольство немедленно покинуло пределы Каракорума. Спешно собравшись, Ярослав со свитой отправился в обратный путь. Недуг князя усиливался. Через семь дней пути он скончался. При этом тело Ярослава странным образом посинело, что дало повод летописцам утверждать, что русский князь был отравлен. Так печально закончилась последняя интрига Ярослава Всеволодовича.

А хан Гаюк, победив хана Мункэ на курултае, взошел на Великую кошму Монгольской империи. Он пылал ненавистью к Батью и собирался свести с ним счеты. Огромная монгольская орда, выйдя из пределов Центральной Монголии, взяла направление на Запад. Начался второй поход монголо – татар на Русь.

Мать хана Мункэ, Соркуктуни – беги, отправила к Батью «гонца – стрелу», со словами: «Бату, будь готов, Гуюк – хан с войском в 13 туменов³⁰ идет в твои пределы».

Это известие вызвало тревогу Батыя, у него на вооружении в то время состояло только 4 тумена. Надо было принимать срочные меры.

16. УБИЙСТВО В ОРДЕ.

В разоренный Чернигов прибыли послы от Батыя и объявили князю Михаилу волю хана: «Михаиле, не годится жить на земле хана, не поклонившись мне!».

³⁰ Тумен – десять тысяч /монг/

Настало время держать ответ перед завоевателем. Духовный отец, перед которым Михаил открыл душу, даже обрадовался, что князь идет на тяжкое, может быть, смертельное, испытание:

- Иди, Михаиле, иди, только не кланяйся идолам, и ничему сотворенному руками людскими, а только Богу Иисусу Христу!, - владыка сверлил взглядом князя, будто нутро выворачивал. Он видел, что колеблется душа Михаила.

- А коли погибнешь, то за веру Христову! – продолжал уговаривать владыка Михаила, - и в нынешнем веке будешь новосвятым мучеником на укрепление духа иным..., - священник высоко поднял перст свой.

Русская православная церковь тяготилась контролем Греческой патриархии. Русским церковникам хотелось свободы действий в собственной митрополии, собственных, независимых от поставления Константинополя митрополитов, и конечно, своих русских святых мучеников. Требовалась кровавая жертва.

Смерть, хоть и за веру, не прельщала Черниговского князя.

- Как же без причастия на тот свет уйду! Буду отверженным у Господа нашего..., - торговался Михаил.

- А я тебе дам причастие с собой и благословение.....

Михаил с боярином Федором, войдя в роль смертников, выехали в «низовскую землю», в Ростов. Там жила дочь Михаила, княгиня Мария Михайловна, вдова героя русского, князя Василько.

Михаил плакался перед дочерью, жаловался на незавидную судьбу свою. Он потерял всё. Земля Черниговская в его отсутствие разорена Батыем полностью. Киевом, сейчас владеет Ярослав, который не допустит возвращения туда Михаила. Сын Ростислав, женившись на венгерской принцессе, отвернулся от отца. Михаил, пока прозябал в Европе, растерял старых друзей и союзников, и остатки казны. Один боярин Федор до конца верен князю. Вот и вся поддержка. Самое страшное, что ныне Батый призывает в свой стан. Придется отвечать за всё: и за погубленных послов, и за поиски союзников, и за попытки создать коалицию с папой против Батыя. Все эти тайные интриги хорошо известны Батыю. У него везде глаза и уши.

Мария Михайловна утешая отца, рассказала, что сыновья её, Борис и Глеб Васильковичи не раз ходили уже в Орду и, возвращались оттуда, живыми и невредимыми.

- Они же внуки твои родные. Не печалься, батюшка. Глеб сейчас с князем Ярославом в Монголию пошел, а Борис тебя проводит до Сарая. Василия Ярославского кликнем. Он не откажет. Вот тебе и подмога, и охрана, и проводники.

Из Ростова выехали в конце лета 1245 года. В ставку Батыя прибыли уже к середине сентября.

Батыю доложили о прибытии черниговского князя. Батый приказал шаманам провести Михаила через священный ритуал и только после того поставить пред очи свои.

Князь Михаил прошел через очистительный огонь. И кустам, не смотря на предупреждение черниговского епископа, поклонился. Тогда боярин Федор напомнил князю о наставлении отца духовного:

- Михайле, помнишь ли поучение духовного отца своего не кланяться идолам? – сердитым шепотом зашипел боярин.

Шаманы жестами приказали Михаилу идти с боярином дальше и подвели их к шесту, на котором висела маска Чингисхана. Михаил утратился грозного вида и заупрямился:

- Не гоже нам, христианам, идолам поганым кланяться. Ваш царь Батый кичится тем, что признает все веры на земле. Тогда пусть не заставляет меня быть идолопоклонником.

Послали в шатер Батыя слугу именем Елдега. Тот вернулся быстро:

- Царь Батый велел сказать тебе, почему он, царь, покоривший одиннадцать земель и народов, уважает твою веру, а ты, пес, который потерял землю свою, и народ свой отдал на волю победителям, не уважаешь веру Великого хана?

Михаил был оскорблен дерзкими словами батыева слуги. Свидетелями унижения был его внук Борис и сыновец³¹ Василий Ярославский и множество бояр, дружинников и слуг. Княжеская гордость выграла:

- Передайте Батыю: тебе, царь, кланяюсь, потому, что Бог поручил тебе царствовать на этом свете. А тому, чему велишь поклониться, - не поклонюсь!

Елдега, будто ждал вздорных слов, он засмеялся:

- Михаил, знай – ты мертв!

Внук Михаила, Борис, испугавшись поворота событий, упал на колени перед дедом:

- Господин мой, отец родной, поклонись татарскому Богу. Убьют тебя слуги Батыевы! – умолял Борис деда, заливаясь слезами.

- Я того и хочу, за веру пострадать, за Христа кровь пролить.....

Бояре ростовские и ярославские начали уговаривать Михаила не упрямиться. Обещали грех поклонения идола на себя взять. Но Михаила обуял гнев. Он сбросил с себя плащ, затопал ногами и закричал:

- Возьмите славу этого света! Вы только именем христианским называетесь, а поступаете, как поганые язычники!

Боярин Федор, чтобы прекратить уговоры, начал отпевать себя и князя своего. Михаил подхватил пение. Два престарелых человека, протягивали руки к небу, прося у Христа прощения и моля его о милости.

Борис и Василий, глядя на них, плакали. В толпе послышалось:

- Убийцы идут от царя! Кланяйтесь! Кланяйтесь!

- Мученики твои, Господи, не отреклись от тебя, и тебя ради, Христос, страдают! – повысил голос боярин Федор, Михаил вторил ему.

³¹ Сыновец - племянник

Убийцы подъехали верхом. Они спешили и стремительно набросились на Михаила. Двое растянули ему руки, а третий ударил под дых. Михаил содрогнулся, лоя ртом воздух. Ещё несколько ударов в грудь нанесли ему убийцы. Михаил стал оседать на землю. Его отпустили, и когда он свергнулся, ещё долго били ногами. Один из слуг батыевых, бывший православный именем Домиан, поднял голову Михаила за волосы и, орудуя большим кинжалом, перерезал ему горло. Деловито отделил голову князя от тела и откинул прочь.

Елдега подступился к боярину Федору:

- Видел смерть господина своего?! Хочешь ли получить в управление княжество Михаила?

Боярина Федора била дрожь:

- Княжения н - н - не хочу! Богам вашим н - н - не поклонюсь! Страдать б - б - буду, как князь мой....

Елдега кивнул Домиану:

- Давай!

Боярина Федора растянули за руки, долго били в грудь, потом запрокинули голову и резанули по горлу кривым кинжалом.

Обезглавленные тела князя Михаила и боярина Федора вынесли за пределы Сарая - Бату и бросили на съедение псам, так же, как когда - то в Чернигове обошлись с ханскими послами.

Заказ Ярослава Батый выполнил.

17. ПРИКАЗ БАТЫЯ.

Дикие литовские племена вдруг осознали свою силу в единстве. Многие из них объединились вокруг князя Миндовга и устремились на новгородские, полоцкие, смоленские земли. Дружина Александра постоянно находилась в разъездах, то там, то тут воюя с разбойничьими шайками литвин.

Полоцк, родина жены Александра, был захвачен Миндовгом и утрачен для полоцкого князя навсегда. Параскева с сыном Василием отправилась к родным в Витебск, навестить престарелых отца и мать и утешить их. На обратном пути, обоз, с которым шла Параскева, был окружен бандой литвинов. Жена Александра и сын Василий попали в плен. Гонец, прискакавший в Новгород с места событий, сообщил Александру о беде.

Как ветер наскочил Александр на литовских бандитов. Он отбил жену и сына, и так возвратились домой, по пути ещё семь раз вступая в бой с расплодившимися шайками литвинов. В дерзости Александру не откажешь, но защитить от Миндовга земли Северо - Западной Руси ему все-таки не удалось. Многие земли русских княжеств, вслед за Полоцком, надолго отошли к молодому Литовскому государству.

Когда из Монголии прибыло тело Великого князя Ярослава, Александр поспешил во Владимир оплакать кончину отца. Ярослав был для старшего сына не только отцом, но и соратником. Отец и сын хорошо

понимали друг друга. Задуманный ими вместе политический проект по изменению системы власти, и организации её по монгольскому образцу, теперь Александру предстояло осуществлять одному,

Во Владимир на прощание с князем Ярославом съехались многие князья русских земель. Съезд этот должен был законно решить вопрос о наследовании власти. Прибыли на собор, братья Васильковичи, князья Ростовские, Борис и Глеб. С ними пришли Василий Ярославский и Владимир Угличский, а также сыновья умершего Ярослава, Александр Невский, Ярослав Тверской, Василий Костромской.

После смерти Ярослава старшим среди его сыновей оставался Александр. Он и претендовал на Великое княжение. И уже веселился и потирал руки, видя себя повелителем всей Руси.

Но на съезде выступил его племянник и друг Василий Ярославский и со свойственным ему прямотушием напомнил, что еще жив их дядя, князь Владимир Константинович Углицкий, сын Константина Мудрого, чудом спасшийся от Батыя, и уцелевший на Ситской битве. Именно он по древнему праву должен был принять старейшинство и стать Великим князем Русской земли.

Предложение князя Василия раздосадовало Александра: власть уходила из – под его рук. Голоса родичей, собравшихся на съезде, подтвердили старейшинство князя Угличского. Братина прошла по кругу и прозвучала здравица в честь Великого князя земли Русской, Владимира Константиновича. Вдруг через считанные дни случилось непредвиденное. 14 января 1249 года Владимир Углицкий почувствовал себя плохо и неожиданно скончался.

Летописец напишет: «Плакася над ним Александр князь и с братиею и проводил его честно из Золотых ворот и везоше его в Угличе Поле». Так закончил свою жизнь во Владимире, ветеран Ситской сечи, честный князь Владимир Константинович, пришедший по древнему лествичному закону получить Великое княжение, а принявший вместо того, смерть свою. Умершему князю не было и тридцати лет.

Александр оплакал его, но далеко не стал провожать, только до Золотых ворот. Дела ... Дела....

Вопрос с Великим княжением оставался открытым.

Неожиданно и некстати во Владимир явились два кардинала Гальд и Гемонт, которых папа Иннокентий Четвертый направил к Александру. Папа в письме уверял Александра, что его отец, Ярослав Всеволодович, находясь в Татарии у великого хана, «страстно вожделев обратиться в нового человека, смиренно и благочестиво отдал себя послушанию Римской церкви, через брата Иоанна де Плано Карпини, в присутствии военного советника Емера....»

Далее папа пишет: «Желаем, чтобы ты, как законный наследник отца своего, смог последовать по стопам своего отца и предаться исполнению заветов и поучений Римской церкви». Возможно эти строчки и не вызвали бы гнева Александра. Он знал своего отца, как человека гибкой политики и

хорошего интригана, и предполагал, что под давлением каких – либо обстоятельств Ярослав мог отречься от православной веры и принять более удобную на тот момент, католическую, но далее папа пишет:

« Просим тебя об особой услуге: как только проведаешь, что татарское войско на христиан поднялось, чтоб не преминул ты немедля известить об этом братьев Тевтонского Ордена в Ливонии пребывающих, дабы мы смогли с помощью Божией, сим татарам мужественное сопротивление оказать».

А вот это не входило в планы Александра. Он не собирался противодействовать Батыю, он жаждал союза с ним, чтобы воспользоваться его военной машиной, которая наводила ужас на весь мир.

Александр выразил громкое возмущение письмом папы. Кардиналам он ответил, что всё, что написано в письме о его отце – ложь. Тогда ему предложили призвать в свидетели Федора Яруновича, боярина, прошедшего с Ярославом весь путь до Монголии и сопровождавшего труп господина на родину.

Старый боярин подтвердил Александру правоту изложенных в письме папы событий. Александр, обвинил старика во лжи, и до смерти запытал его, как ненужного свидетеля отцовской измены.

Всё это происходило на глазах у Ярославского князя Василия, который считал Александра своим другом. Но воспитанный, на принципах чести и совести, внук Константина Мудрого, князь Василий был потрясен всем увиденным. И возможно, догадался о причинах смерти дяди Владимира Углицкого. Будучи человеком открытым, возможно он высказал Александру преступную неправоту его.

Летописец напишет: « Тое же зимы, Василий, князь Всеволодович преставился во Владимире на память Святого Феодора /25 января/ и повезоша его на Ярославль, и Александр князь проводи его, и Борис и Глеб и мати их». Было князю Василию тогда немногим более двадцати лет.

Во Владимире, на одном и том же русском съезде произошли две загадочные смерти князей линии старшего Всеволодовича, Константина Мудрого. Молодые, полные сил мужи, один за другим уходят на тот свет. Летописцы не поясняют причин смерти и говорят об этом скороговоркой. Явно боясь обнаружить истинные мотивы и заказчика убийства. Поистине, чего не случится, когда решается дело о власти.

Вскоре до Александра дошел приказ Батыя: « Мне покори Бог многие народы: ты ли один не хочешь покориться державе моей? Но если хочешь сохранить за собою землю свою, приди ко мне: увидишь честь и славу царства моего».

Место старейшего князя ещё оставалось не занятым. От воли Батыя теперь зависело дать его тому или иному князю.

Александр с братом Андреем выехали в волжскую орду. По следам кочевья они нашли в степи многолюдный шатровый город, центром которого была разрисованная войлочная юрта хана Батыя.

Александр явился к Батыю не с голыми руками. Он нес хану письмо папы Римского, в котором тот просил Александра шпионить за передвижениями войск Батыя. Выдавая замыслы папы Римского, Александр выказывал свои верноподданнические чувства самому Батыю. Он выражал покорность татарской власти и побратался с сыном Батыя, Сартаком.

- Анды³², как одна душа, - произнес Сартак, и, сняв с себя несторианский³³ крест, отдал его Александру.

- Я твой верный брат, - Александр сдернул с груди православный крест и протянул Сартаку.

Сын Ярослава поклялся Батыю в верности и с радостью принял на себя звание улусника. Так волею Александра Русь на века становится улусом Золотой Орды. Костомаров пишет: «Руси предстояла другая историческая дорога, для русских ... людей - другие идеалы. Оставалось отдаться на великодушные победителей, кланяться им, признать себя их рабами и тем самым, как для себя, так и для своих потомков усвоить рабские свойства».

Приказ Туракинэ прислать в Каракорум Александра, Батый должен был выполнить. Это было в его интересах, борьба за власть в далекой Монголии продолжалась. И хотя на Великую кошму взошел Гаюк, Батый не оставил мысли возвести на неё своего друга и двоюродного брата Мункэ.

Он направил Александра в Монголию с поручением: связаться с Мункэ, передать ему серебро для дальнейшей борьбы и секретные наставления. Вместе с братом в Монголию пошел князь Андрей, который не раз поддерживал Александра в его делах.

В пути между братьями возникли разногласия. Пылкий и благородный Андрей почувствовал цинизм, с каким Александр рассуждал о предназначении власти, отводя русскому народу роль рабов. Впервые младший брат не согласился со старшим и остался при своем мнении.

18. ЦАРИЦА ОГУЛЬ - ГАЙМЫШ.

Хан Гаюк двинул свою орду на Запад, мечтая наказать Батыя за своё унижение. Вслед за ханом двинулся его двор и многочисленные жены. Главная жена Гаюка Огуль-Гаймыш была женщиной вздорной и недалекой. Она умирала от зависти, видя как Туракинэ, мать её мужа, правит рядом с Гаюком и принимает дорогие подношения от многочисленных послов и купцов, постоянно прибывающих в Каракорум.

В кибитке, запряженной тридцатью лошадьми, обитой изнутри китайским шелком, Огуль – Гаймыш предавалась мечтам о собственной власти и несметных богатствах. Трястись по пескам пустыни и умирать от

³² Анда – побратим /монг./

³³ Несториане – течение христианства.

жажды и жары, она не хотела. Когда её пальчики, утяжеленные перстнями, всыпали ядовитый порошок в чашу мужа, она и не предполагала, что снадобье получено от сторонников хана Мункэ.

Орда Гаюка не успела пройти и сотой части пути, как её повелитель занемог. Когда стало ясно, что Гаюк «собрался в страну предков», орда спешно развернулась назад, в Монголию.

Империю, созданную Великим Чингисханом в начале тринадцатого века, к середине того же века распирала уже внутренние раздоры, потому что второй поход монголов на Русь не состоялся.

К концу пути Александр и Андрей узнали, что хана Гаюка нет в живых, а Монголия снова готовится к курултаю. Они поспешили в Каракорум.

Великолепие Монгольской столицы потрясло корыстного Александра. Шатры, шитые золотом, шелковые ткани, красивые женщины, богатые базары, не шли ни в какое сравнение с суровой русской действительностью.

Ставку Огуль – Гаймыш братья Ярославичи нашли на берегу ручья, омывающего прекрасную долину. Великолепный шатер, поддерживаемый множеством, окованных золотом столпов, изнутри и снаружи был украшен шелковыми тканями. Огуль – Гаймыш восседала на троне, который был похож на мягкое ложе. Над её головой слуга держал зонтик, осыпанный драгоценными камнями.

Лицо женщины, облаченной в желтые шелковые одежды, было искусно накрашено, отчего скулы казались выше, а азиатские раскосые глаза, обведенные черной краской, широко открыты. Высокая ботта³⁴, глубоко сидевшая на лбу красавицы, была увенчана пучком страусовых перьев, и звенела золотыми подвесками.

Александр восхищенно, во все глаза смотрел на приоткрытый, накрашенный кармином, рот Огуль – Гаймыш, и она поняла, что произвела на русского богатура ошеломляющее впечатление. Ханша перевела взгляд на князя Андрея. Высокий красавец с русыми кудрями до плеч и здоровым румянцем на щеках, смотрел на Огуль с едва заметной насмешкой. Это задело её самолюбие.

Драгоценные соболя на царскую шубу и изделия русских золотарей больше не занимали её воображения. Огуль во все глаза рассматривала русских богатырей.

Братья Ярославичи выделялись из толпы монголов, окружавших трон парицы. Они были, как львы в стае обезьян. Особенно младший. Князь Андрей.

Вдова хана Гаюка, Огуль – Гаймыш, возжелала любви русского красавца – князя.

Каракорум братья Ярославичи покидали, став в одночасье врагами.

³⁴ Ботта – конусообразный головной убор монгольских женщин.

Младший брат Андрей Ярославич получил от Огуль – Гаймыш право на княжение во Владимире, что автоматически делало его Великим князем Руси. Александру ханша отдала разоренный Киев, который перестал существовать, не только как столица, но и как рядовой город. Мечты Александра о Великом княжении и о беспредельном господстве на Руси в очередной раз рухнули.

19. ЛЕТОПИСЕЦ - МОНАХИНЯ МАРИЯ.

Сколько может страдать женская душа!? И что могут родить страдания!? Об этом ли мыслила княгиня ростовская Мария Михайловна, когда перебирала в памяти жизнь свою, расколотую на две части войной с татарами. В той довоенной жизни, Ростовский князь Василько, старший сын Константина Мудрого, собирая дань по поручению отца, кружил по городам и весям, приглядывая себе невесту. Когда въехал на двор Черниговского князя, и увидел в толпе девушек, Марию, понял, что это её искал так долго.

Перед нашествием Батыя в семье князя Василько и Марии было уже двое сыновей. Старшему Борису пошел двенадцатый год, младшему Глебу около пяти. Призыв Великого князя Юрия выступить на бой с врагом, Василько встретил так, как подобало воину и защитнику отечества. Не дождавшись помощи ни от Всеволодовичей, ни от Ярославичей, он вместе с родными братьями Константиновичами принял бой на Сити. В бою был пленен воеводой татарским Бурундаем, который восхитился силе и мужеству и красоте ростовского князя. Бурундай предложил плененному Василько забыть обиды и послужить хану Батыю. Русский князь с гордостью отверг предложения Бурундая, и был убит в лагере врагов.

Оставшись вдовой, Мария Михайловна, ушла в монастырь с желанием писать летопись событий, чтобы оставить память о злых годах потомкам. Она написала житие своего мужа, в котором прославила его мужество и красоту и доброту:

« Был же Василько лицом красив, очми светел, и грозен, храбр паче меры на охоте, сердцем легок, до бояр ласков. Никто же от бояр, кто ему служил, и хлеб его ел, и чашу пил, и дары имал, тот никакому иному князю уже не мог служить за любовь его. Крепко же слуги своя любя, мужество же и ум в нем жили, правда же и истина с ним ходили. Был он сведущ во всем и искусен, и княжил он мудро на отчем и дедовом столе; а скончался так, как вы слышали»....

Благодаря писанию Марии Ростовской мы можем судить о том, что во времена Батыевой рати, были на русской земле истинные герои, но, как и положено истинным героям, они отдали жизни свои за освобождение отечества от врага.

Только любящая женщина могла написать такое:

Уж нам к своим милым ладам
 Руками не прикоснуться,
 Очами не дотянуться

И думами их не достать.
 Застонал, братья, Киев от горя,
 От напасти Чернигов.
 Печаль обильная потекла по Русской земле...

Прошло время, и другое потрясение пережила Мария. В Орде был убит её отец, Черниговский князь Михаил. Монашеский чин обязывал Марию быть кроткой, терпеливой, безропотной. И она молчала, но изливала свои слезы на пергамент. Так родилось «Слово о полку Игореве», где в иносказательной форме, выражался страстный призыв к соотечественникам, мстить врагам за погубленные жизни, за слезы вдов, за искалеченные судьбы русских людей, мстить, мстить, мстить....

Вступите же, господа, в золотые стремена
 За обиду сего времени
 За землю Русскую...

«Низовская земля» со столицей во Владимире при князе Андрее Ярославиче стала центром, куда съезжались те, кто мечтал о свободе своей родины. Мысли о сопротивлении распространялись по городам и весям и находили отклик в умах людей, заселяющих «низовскую» землю. Нужен был всеобщий призыв.

Тогда и появилось «Слово о полку Игореве», автором которого стала женщина, вдова князя Василько Константиновича, Мария Михайловна.

Мы же, русичи, бывалые воины!
 Под трубами повиты,
 Под шеломами взлелеяны!
 С конца копья вскормлены!
 Луки у нас натянуты!
 Колчаны отворены,
 Сабли наострены.
 Братья и дружина!
 Лучше нам порубленными быть,
 Чем без чести жить!

«Слово» потрясло русское общество. Его читали, переписывали, распространяли. Ему верили и готовились к сопротивлению.

20..ПРИНЦЕССА ХРИСТИНА.

Перед самой поездкой Александра в Монголию Параскева Брячеславна родила мужу третьего сына, которого назвали в честь брата Андреем. После похода в Монголию, это имя было ненавистным Александру.

Александр не поехал в, данный ему ханшой, Киев. Он вернулся в Новгород, и стал там княжить, стараясь подлаживаться под новгородскую вольницу. Вскоре туда же приехал митрополит Кирилл, который покинул Киевскую резиденцию, не будучи согласным с политикой Даниила Галицкого.

Митрополит Кирилл личность неординарная, широко мыслящая. Он задавался вопросом, почему Русь постигло такое бедствие, как нашествие варваров, чем объяснить это? Он искал ответ на свои вопросы в Библии, и нашел. В истории еврейского народа было нашествие на Иудею жестокого царя Навуходоносора. Тогда еврейский Бог ясно дал понять, что он наказует людей еврейского племени за грехи, умножаемые ими без числа. А чем лучше иудеев русичи, презревшие законы добра, родства и веры? В проповедях, а потом и в летописях стали появляться объяснения татарскому игу – за грехи людские Бог наказует. А посему следует не сопротивляться, а терпеть! Идея терпения будет звучать с амвонов православных церквей, смущая людей и бичуя их разум.

Вот так двое сильных мужей, разных по понятиям нравственности, найдут общий язык в вопросах порабощения народа русского. Один, митрополит Кирилл, идеалист, глава русской церкви, другой, князь Александр, корыстолюбец и властолюбец, сошлись на идее непротивления врагу.

Мысль о том, что младший брат нарушил наследственное право и владеет старейшинством, вызывала горькую обиду. Александр искал случая отомстить князю Андрею и восстановить справедливость. Лелея в себе злые чувства, Александр навлек на себя болезнь сердца. Татищев пишет: «и была болезнь его тяжка весьма, но Господь Бог умолен был о нем».

Весна 1251 года выдалась дождливой с великим паводком, «и потопило весь хлеб и сено и мост Великий в Новгороде снесло на Волхове».

Тем временем новгородские земли Лопь и Карелия продолжали подвергаться набегам финнов, которые были тогда под властью норвежского короля Гаккона. Александр, чуя болезнь свою, спешил уладить отношения с соседями. Он направил в норвежский Дронтгейм посольство. Королю Гаккону предлагалось прекратить набеги на новгородские земли. Послам российским так же приказано было узнать лично дочь Гаккона, принцессу Христину, чтобы посватать её за сына Александра Василия. Василию тогда исполнилось тринадцать лет, Христине восемнадцать.

Король норвежский был согласен на оба предложения. Он послал в Новгород собственных вельмож, которые заключили мир и возвратились домой с богатыми дарами.

В последующую осень Новгород постигла очередная беда. Ранний мороз побил все озимые. На разоренных Литвой землях разразился голод. Новгородцы отрядили тринадцатилетнего Василия Александровича со дружиной в «низовскую землю» за продовольствием.

Эта поездка открыла глаза сыну Александра на истинное положение дел в русской земле. Юный Василий увидел, что есть люди, которые не желают покориться монголам, есть силы, готовые сопротивляться захватчикам. Из похода в Суздальскую землю старший сын Александра возвратился повзрослевшим, и полным противоречивых мыслей.

Отец уже не казался ему героем, но человеком, добровольно принявшим на себя груз зависимости от монголов. Василий во многом был согласен с дядей Андреем.

Князь Андрей, не желая идти на мир с Батыем, нашел себе союзника в лице Даниила Галицкого, князя Юго – Западной Руси, который смотрел на католический Запад, как на спасение от свирепых завоевателей. Дружбу свою князья подкрепили женитьбой князя Андрея на дочери Даниила Галицкого Добраве.

Мысли о борьбе с захватчиками разделял с Андреем и его младший брат Ярослав Тверской. Заедино с князем Андреем стояли князь Борис Ростовский и князь Константин Ярославский, брат уморенного во Владимире Василия.

А в Новгороде неприязнь старшего сына Александра к отцу вылилась в постоянные споры и неожиданные стычки.

Очевидцы, ходившие к Гаккону, по секрету рассказали Василию, что Христина ростом длинна, телом плоска, как лодейное весло, с жидкими волосами и веснушками через всё лицо, да к тому же старше Василия на пять лет. Василий наотрез отказался жениться на норвежской принцессе, выражая непокорность отцу. Александр вскипел и пригрозил сыну темницей.

Тогда Василий в горячности выкрикнул в лицо Александру, что ему есть, где укрыться от несправедливого гнева отца. У дяди Андрея. Там собирается сила русская, на «низовской земле» зреют семена гнева. И месть за гибель земли русской близка. И худо придется всем татарским прихвостням. Этого Александр не ожидал от родного сына. Он вскипел, но внезапно лукавая мысль пронзила сознание князя новгородского. Он быстро собрался и отъехал с дружиной в кипчакскую степь, в ставку Батыя.

21. ПОГИБЕЛЬ БАТЫЯ.

Батый, был возмущен происками папы Римского против него, Великого завоевателя. Двинуть орду на Запад, чтобы покорить Европу до конца, было обычным делом, но несвоевременным. Батый ждал известий из далекого Каракорума. И оно, наконец, пришло.

Друг и соратник Батыя, Мункэ наконец – то взошел на Великую кошму. Первым делом он устроил грандиозный суд над Огуль – Гаймыш и сторонниками Угедея, Чагатая и Гаюка. Приговор суда Великого хана был страшен. Огуль – Гаймыш и ещё триста её приближенных были казнены самым жестоким способом. Семьи казненных были сосланы на окраины Великой степи, родственники бывших чингизидов пополнили армию низшего сословия монгольского общества, аратов.

Тот час же начала действовать договоренность между двумя двоюродными братьями. Один из них, Мункэ, принял власть над всей империей от Востока до Запада. Другой, Батый, провозглашен главой золотого рода Борджигинов. Теперь никто не смел сказать, что он сын

«наследника меркитского плена». Двоюродные братья поделили всю империю на двоих, расправившись с недружественными родственниками.

Теперь путь на Венгрию для Батыя оказался чистым.

Орда Батыя, гремя железными доспехами, скрипя телегами, и издавая животный рев кочевого скота, поползла на Запад. Тысячи конников перевалили через Карпаты и во второй раз вторглись в пределы Венгрии.

На этот раз Венгрия приготовилась к встрече с жестоким врагом. Маленькая Эржебет, дочь хана Котяна, вероломно убитого венгерскими магнатами, стала королевой, приняв предложение овдовевшего Белы. Она привела к присяге половецкие полки, и усилила королевское войско. Очередной заговор против Белы, в котором участвовала его сестра, был раскрыт. Заговорщики были казнены, сестру короля заключили в одну из башен Пешта.

В долине Дунайской низменности выросли неприступные крепости – замки. Окрестное население, узнав о приближении монголов, бежали под защиту крепостных стен, рассчитывая пересидеть нашествие варваров. Орда Батыя обтекала замки, видя их неприступность, и шла дальше.

Летописец пишет: «сестра короля бежаше к нему во град, но варвары достигли ею, пленише и к Батыю отведеша...»

Мечта венгерской принцессы исполнилась. Батый пленился красотой мадьярки и сделал её своей наложницей.

Король Бела узнал о бегстве сестры к врагу. Собрав все силы Венгрии в единый кулак, Бела Четвертый внезапно напал на Батыя и погнал его до Карпат. Сестра Белы, имея проводников в горах, попыталась вывести Батыя на земли Галиции, чтобы орда его могла там перестроиться. Орда Батыя сильно поредела и, впад в паническое состояние, уже не оказывала сопротивления гнавшим их венграм. Кочевники могли хорошо воевать только на открытых пространствах. Батый и принцесса, страшась погони, спрятались в одной из пещер в Карпатских горах. Но король на этот раз имел много сторонников. Проводники указали ему путь к пещере.

Летописец пишет: «сестра короля, тогда бежащая с Батыем, помогаше Батыю, их же король обоих погубил. Король на коне сидя и секиру в руке держа, ею же Батый убил...»

Так закончилась жизнь Великого завоевателя Батыя. К стыду нашему, не от русского меча, а от венгерской секиры. Венгры не захотели выю свою склонить перед Батыем и доказали, что сопротивление возможно. Именно венгры покончили с мифом о непобедимости монгольского войска, а не наши «славные и святые» князья.

22. ОБИДА.

Гонца, чудом вырвавшегося из кровавого венгерского котла, прошедшего через непроходимые снежные перевалы, и принесшего Сартаку правдивую весть о смерти отца, казнили мечом. Это была первая жертва на смерть Батыя.

Сартак принимал уверения в верноподданнических чувствах своих вассалов, когда появился Александр. Он, щедро расточая подношения женам Сартака и чиновникам, жаловался на брата Андрея, который захватил власть опричь его, Александра. Когда новгородского князя пригласили на прием к хану Сартаку, тому уже были известны обиды Александровы.

Сартак встретил Александра милостиво, посадил рядом с собой, угощал венгерским вином и вареным мясом. Для Александра принесли чашу с солью, зная любовь русских к посолу.

Когда вино было выпито, а мясо съедено, Сартак обратился к Александру:

- Анды³⁵ – одна душа. Что мучает моего брата, скажи!

Александр живо начал свой рассказ об обидах, нанесенных братом Андреем ему, Александру. Сартак слушал, не вникая в спутанную речь русского князя. Мало ли обид наносят друг другу несговорчивые русичи, разве можно принимать всерьез их слова и действия, пусть дерутся промеж собой. Так легче управлять русским улусом.

Когда Александр понял, что Сартаку не интересны его жалобы, он решился на предательство.

А знает ли хан, что брат Андрей породнился с Даниилом Галицким, и вместе они замышляют вооруженное сопротивление? А знает ли, Могучий Сартак, что во Владимир стекаются «богачества» земли Русской, усиливая войско Суздальского князя, а «выходы и тамги хану князь Андрей платит не сполна».

Недоплата дани это тяжкое преступление против монгольской власти. Этого Сартак стерпеть не мог.

- Твои враги – мои враги. Бери Неврюя и иди с ним на Андрея. У нас говорят: кто победил, тот и князь. Пусть Неврюй пленит твоего брата и пригонит его ко мне. Куремсе идти на Галицию, на Даниила. Мы напомним трусливым русичам время Батыево.

- Я отдарюсь, Сартак, серебром и золотом и конями и рабами... Мне бы ярлык ханский...на Великое княжение....

- Будет тебе и ярлык, Александре.... Иди и победи брата своего.

23. НЕВРЮЕВА РАТЬ.

Рать Неврюя и дружина Александра преодолели степное пространство и вошли в Суздальскую землю.

Для князя Андрея известие о приближении монгольского войска оказалось неожиданным. Когда гонец от дозора сообщил, что во главе вражьей рати идет Неврюй, а путь ему указывает князь Александр, Андрей запаниковал.

³⁵ Анды – побратимы / монг/

- Господи! Что же будет, если мы будем меж собою браниться и наводить друг на друга татар? Лучше мне уйти изгоем в чужую землю, нежели покориться татарам!

Княгиню Добраву Андрей немедленно отправил от себя в северные пределы. Он, дав ей охрану, приказал идти на Псков, да поспешать, чтобы враги не настигли. Если в Пскове появится Александр с татарами, то идти в Ригу под прикрытие Тевтонского Ордена и там схорониться.

- Я приду за тобой, лада, - успокаивал Андрей жену.

Простившись с женой, Андрей собрал войско своё, и выступил к Переславлю, где ждал его брат Ярослав Ярославич.

24 июля 1252 года у Переславля произошла битва русских князей с Неврюевой ратью. Сила победила отвагу. Многотысячное войско Неврюя разбило русские полки. Андрей и Ярослав бежали из под Переславля на север.

А Неврюй, взяв Переславль, предал огню вотчину Ярославичей, много людей убил, ещё больше взял в полон. Юную жену Ярослава Ярославича замучил до смерти, а его малолетних деточек увел на невольничий рынок.

Александр победил. Что чувствовал победитель, когда увидел разоренной свою вотчину, где родился и вырос, где знал каждый дом, каждое деревце, всех людей наперечет?

Александр отворачивался, когда мимо него проводили связанных волосяной веревкой пленных земляков. Они ловили его взгляд, протягивали руки, вопя о спасении. Спасения не было.

За победу над братом, за добытое Великое княжение надо платить. Александр отдал землю «низовскую» на разграбление победителям. Костомаров пишет: «Татары, опустошив Переславль, рассеялись по земле, истребляя людей и жилища; уводя пленных и скот, так как по правилу монгольскому за вину князя должна была расплачиваться вся земля».

Получив от Сартака ярлык на Великое княжение, Александр с пожалованием ханским, въехал в разоренный Владимир победителем. Митрополит Кирилл организовал пышную встречу своего единомышленника. Он «встретил Александра с крестами, и со всем священным собором, и со множеством людей». Звучало церковное пение, звонили колокола, но народ, стоявший по сторонам дороги от Золотых Ворот до княжьих палат, безмолвствовал. В каждом роду и каждой семье были потери. Александр, приведший Неврюеву рать на «низовскую землю», больше не казался ни героем, ни защитником.

Александр в благодарность митрополиту и во искупление греха предательства, начал восстановление стольного Владимира с построения церквей, разрушенных Неврюем.

Князь Андрей достиг Новгорода и встретился с молодым князем Василием Александровичем. Тот рад был дяде, но вящие люди Новгорода не желали осложнения с Александром и потребовали, чтобы князь Андрей покинул их город. Князь Андрей, испытав сполна долю изгоя, двинулся к Пскову, где его ждала Добрава Даниловна. Через Ревель изгнанники

отправились морем в Швецию. Там, обласканные шведским королем, князь Андрей Ярославич и Добрава Даниловна прожили несколько лет, пока не улегся гнев Александра и он, сведав о том, где находится брат, отправил за ним посла.

24. КНЯЖИЧИ ДМИТРИЙ И АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧИ.

Несчастливая Параскева разрывалась между Александром и Василием, примиряя отца и сына.

Она всё чаще вспоминала старую чудинку, пророчества которой на их свадьбе начинали сбываться. Не было мира не только между Александром и Василием, но не ладили между собой и младшие сыновья Дмитрий и Андрей. Они делили дедину и отчину, город Переславль. Каждый из них хотел быть в нем владетельным князем.

Переславцы, пленённые Неврюем, были отправлены в Кафу, на невольничьи рынки. Двоим из них удалось бежать от своих хозяев и с большими трудностями добраться до Переславля. Вернувшись, они рассказали о судьбе тех, кто дошел в невольничьем караване до южных пределов. Русских мужчин приобретали арабские купцы, для пополнения армии мамлюков султана Египта.

Русские женщины на рынках Кафы ценились особенно дорого. Их покупали купцы европейских стран для утех господ, и арабских стран для пополнения гаремов.

С интересом слушал рассказы бывших пленных князь Андрей Александрович. Он, младший сын Александра, ходил с отцом в Орду, не раз видел караваны пленников, бредущих по степям на рынки, но не знал цену рабам. Теперь младший княжич в каждом человеке видел источник серебра. Особенно присматривался к женщинам, как к дорогому товару.

Брат его, Дмитрий, не одобрял взглядов брата, и вражда между Александровичами разгоралась всё сильнее.

Параскева не могла примирить сыновей, так неуживчивы они были и скверно бранливы.

Княгиня Александрова, где бы ни прибывала: во Владимире ли, в Переславле ли, а то и в Новгороде, душой тянулась в святые храмы. Она грузно опускалась на колени и стояла так, меча земные поклоны перед ликом Спасителя. По лицу её текли слезы, а в устремленных к Богу глазах, читалась отчаянная надежда на вышнюю помощь.

Не желала она ни богатств, ни власти, ни почета, а только покоя и мира в своей семье. Всё чаще обращалась она мыслями к дням своей свадьбы с Александром. Слова старой чудинки про сыновей, что станут позором отца и матери, не выходили из головы....

25. «ЗАМЯТНЯ» В САРАЕ.

После гибели Батыя, Золотая Орда не избежала «замятни». Брат Батыя, хан Бергэ, по настоянию любимой жены, болгарской принцессы,

принял ислам. А Багдадский халиф Мустасим Габбас изъявил желание стать духовным наставником для хана Бергэ.

Чингисхан наказывал быть терпимым ко всем верам на земле, но самим Борджигинам предписывал следовать религии Бон, и поклоняться богу солнца, Мизиру. Младший брат Батыя, хан Бергэ, первым нарушил Ясу, приняв чужую веру. Под зеленое знамя ислама он собрал всех мусульман, пожелавших иметь хана – поборника «истинной веры». К Бергэ присоединился мурза Ногай, который не был религиозным фанатиком, но зато был хитер, коварен и жаждал власти.

Однажды ночью шатер Сартака окружили сторонники его дяди Бергэ. Они перебили охрану, и покончили с наследником Батыя. Мать Сартака, старая Баракчай, узнав о перевороте в Сарае, бежала с внуком Улавчи, за Урал, в ставку своей подруги Соркуктунни – беги, матери хана Мункэ.

Три дня и три ночи, не останавливаясь ни на мгновение, меняя лошадей на ходу, летел отряд турхаудов от погони, сопровождая Баракчай и Улавчи. К концу третьего дня Баракчай опустила поводья. Лошадь замедлила ход и встала.

- Я больше не могу...., - Тучная женщина в изнеможении съехала с седла и упала на руки турхаудам. Баракчай тяжело дышала, лицо её отекло так, что глаз совсем не было видно.

Решили встать привалом, не расседывая коней. Ровная степь была пустынной и навевала надежду, что погоня отстала. Не успели оросить запекшиеся рты, как послышался отдаленный гул земли, а на краю степного окоема вырос ряд копий. В лагере беглецов прозвучала команда: - Атас! Атас!

В один миг турхауды были в седлах, но Баракчай махнула рукой: - Не могу!

Копья вырастали справа и слева, и спереди. Бежать было поздно.

Мурза Ногай возвращался в Сарай – Бату с важными трофеями. На конце копья скалилась мертвая голова Баракчай, а её длинная косица качалась в такт шага коня. С другой стороны всадник Ногай вез голову юного внука Батыя, Улавчи.

«Бергэ останется доволен, - думал Ногай, - и я смогу снискать милость хана, обязанного мне своей властью».

Ногай, как безродный шакал, мечтал прижаться к волчьей стае Борджигинов. Но монголы говорят: « Кто стоит на цыпочках, того дрожь берет».

Для Александра смена власти в Сарае не могла быть желанной. Он лишился поддержки Сартака, и должен был налаживать отношения с новым ханом – мусульманином.

26. СЧЕТ ЗА ХАНСКИЕ УСЛУГИ.

Под 1257 годом летописец пишет: «Пошли в Орду князь великий Александр Ярославич владимирский, и князь Борис Василькович ростовский, и князь великий Андрей Ярославич суздальский со многими дарами,

которого брат Александр по слову ханскому вел с собою». Князь Андрей к тому времени примирился с Александром, и возвратился из Швеции. Он выразил смирение и получил на кормление Городец и Нижний Новгород.

Бергэ сразу выставил Александру счет за Неврюеву рать и за ярлык на Великое княжение. Александр пытался объясниться, что уже расплатился, что отдавал землю свою в «зажитьё» Неврюю и его воинам. Но Бергэ строго объяснил, что платить надо в казну хана.

- Пора и новгородцам платить за свой покой, - напомнил хану о богатствах Новгорода Ногай.

Решено было провести поголовную перепись всего населения русских земель.

- Численников в Новгород поведешь сам! – отдал приказ Александру хан Бергэ.

Александр представил себя во главе татарских численников, и тело его покрылось липким потом. С «низовскими» землями, по которым прокатились конники Батыя и Неврюя, он ещё мог бы справиться. Люди там не успели забыть жестокости завоевателей и, страшась за жизни свои и родичей, покорятся. Но Новгород... Как взять на себя дело столь неприятное и склонить к рабству народ гордый, ценивший превыше всего вольность. Александр предвидел упорное сопротивление и позорную для себя ненависть.

В землю рязанскую, муромскую, суздальскую хан направил численников под охраной баскаков. Баскаки ставили своих десятников, сотников, тысячников, темников, переписывали жителей для обложения их поголовной данью. Так на русскую землю пришла татарская администрация.

1257 год – год первой поголовной переписи населения на Руси, которую проводили ханские слуги. Не считали только «архимандритов, и игуменов, и иноков, и попов, и дьяков, и клиросников, и всего причета церковного, кто служит Божиим церквам». Расчет хана был прост. Церковь, владевшая умами прихожан, в благодарность хану, возведет власть его в закон. Хан Бергэ не ошибся. Уже при митрополите Кирилле, друге и соратнике Александра, возникнет идея Божьей кары за грехи народа и наказ церковников, терпеть и не сметь сопротивляться законной ханской власти.

Русский народ роптал, а кое – где и восставал против татарских численников. Так ярославский князь Константин, и прежде не считал нужным ходить в Орду за милостью, за ярлыком на власть в родной вотчине, законно доставшейся от отца и деда. Он ни разу не был в Сарае, считая себя законным властителем и защитником земли ярославской. Константин Всеволодович встретил численников татарских на подступах к городу, имея цель – не пустить татар в город и не дать переписать Ярославцев.

3 июля 1257 года разразилась сеча зла. Князь Константин и дружина полегли, защищая «люди своя», но татар в Ярославль не пустили. Потрепанный татарский чамбул едва собрал силы, чтобы уйти восвояси. Защитников города схоронили на месте сечи, насыпали холм велик, и

назвали его Туговой горой, куда Ярославны, жены погибших, приходили тужить по мужьям. Предание об этой сечи передавалось из уст в уста благодарными потомками и дошло до наших дней.

Сопrotивление Ярославцев завоевателям вызвало у Александра раздражение. В Новгород он шел с беспокойным сердцем, настроенный на жестокое подавление любой вольности. С Александром шли чиновники татарские.

27. КАЗНЬ У СВЯТОЙ СОФИИ.

Новгородцы, узнав о приближении татар, и о том, что их ведет на Новгород сам Александр, пришли в ужас. Посадник Михалко уговаривал людей смириться:

- Граждане Новгорода, сопротивление татарам бесполезно. Напрасно кровь прольется. Воля сильных, есть закон для слабых.

Народ ответил грозным воплем. Благоразумного посадника растерзали и тут же выбрали другого. Весь гнев народ направил на сына Александра, юного князя Василия. Его корили за действия отца, которого называли предателем.

Князь Василий, чтобы доказать свою непричастность к делам отца, по совету своей дружины и верного друга Алексы, покинул Новгород и убежал в Псков в полном отчаянии.

Численники вошли в Новгород, но новгородцы уклонялись от переписи. Ханские чиновники были возмущены и выразили своё недовольство Александру. Татищев пишет: «Пошли сами с численниками князь великий Александр Ярославич владимирский, и Андрей Ярославич суздальский, и князь Борис Василькович ростовский счет вести новгородской земли. Слышали новгородцы о сем и смутились весьма».

Вот так, Александр с друзьями пошли исполнять волю хана и лично начали вести перепись. Так велико было желание услужить золотоордынской власти.

«Татары начали просить дани, и не отказали в том новгородцы; и дали многие дары хану и послам его, а их отпустили с миром».

На этом дело не кончилось. Александр сам пошел в Псков и «выгнал» оттуда своего сына. Привел в Новгород и учинил над дружиной Василия суд за то, что юные советники возмутили сына против отца. Казнь по приказанию Александра чинили на площади перед храмом Святой Софии в присутствии татарских чиновников Беркая и Касачика.

Юных дружинников казнили на глазах у всего народа новгородского, чтобы утратить вольнодумцев. Александр сам выбирал наказание.

Указывая на самого юного, приказал:

- Руки долой!

Палач ловко зажал руки юноши тяжелой колодой. И одним махом широкой секиры отрубил обе кисти напрочь. Казненный закричал истошным ором, и свалился ниц у ног Александра. Толпа охнула единым вздохом. Окровавленного отрока подхватили слуги и унесли с помоста.

Второго юнца, дрожащего всем телом, подвели к Александру.

- Почто тебе уши, если не слушаете мудрых и перечите старшим? Уши отнять!

Острым ножом, ловко и без особых приготовлений, палач отделил одно за другим оба уха от головы несчастного. А на помост вволакивали третьего дружинника.

- Не можешь свой нос по ветру держать! Не чуешь, где истина, где ложь! Не носить тебе больше носа на своем лице.

Когда к ногам Александра подвели Алексу, лучшего друга Василия, у Великого князя заходили желваки от гнева.

- А! Это ты советник младоумный! Ты надоумил бежать моего сына! – и, не слушая оправдательного лепетания, закричал своим громовым голосом, - Ослепить! Ослепить! –

Татищев пишет: «иному нос и уши обрезал, другим же очи вынимал и руки отсекал.... И так численников татарских успокоил и усмирил». Беркай и Касачик

были довольны таким представлением и смеялись сытым смехом.

Чтобы угодить монголам, Александр не пощадил и сына своего Василия. Заковав «в железа», отправил его в Кострому под присмотр своего брата Василия Ярославича. Там, в Костроме, старший сын Александра, не сумев пережить казни друзей, и своего позора, спился от отчаяния и умер всеми отвергнутый и забытый.

Три века спустя потомок Александра, по имени Иван Грозный, следуя примеру Александра, так же расправится со своим старшим сыном и погубит его.

Татарские численники, с женами и помощниками «начали собирать дань в окрестностях Новгорода, но столь наглым и для бедных утеснительным образом, что... сделалось волнение». ³⁶

Чиновники монгольские потребовали у Александра стражу для своей безопасности. Александр приставил к ним посадника и детей боярских, но мятеж не утихал. Тогда Александр выехал из города с монголами, объявив, что предаёт новгородцев гневу хана, что навсегда уезжает во Владимир и не назначит им нового князя.

Новгород покорился. «Монголы ездили из улицы в улицу, переписывая дома; безмолвие и скорбь царствовали в городе»³⁷.

Взявши число, татары уехали. Вслед за ними отправился князь Александр, посадив на Новгородский стол своего, следующего по возрасту сына, Дмитрия.

Параскева Брючеславна, обмирая от зверств мужа и переживая за судьбу сына Василия, занемогла, и в один из зимних студеных дней, переступив порог горницы, вдруг грянулась оземь тучным телом. Слуги перенесли её в опочивальню, бережно уложили на супружеское ложе. Перекошенный лик княгини был страшен. Она пыталась что-то сказать,

³⁶ Н.М.Карамзин. т.4.стр 45.

³⁷ Там же.

шевелия искривленными губами и издавая стоны вместо слов. Темной тенью в низкую дверь опочивальни втиснулся Александр. Скрепив своё сердце, не давая ему ослабы, склонился к изменившемуся лику жены. Долго прислушивался к шепоту её губ. Вдруг резко выпрямился:

- Эй, кто там! В Нова город отправляйтесь, найдите мне ту старуху, Ильмару!

- Она, чай, смертью почил... Давно...- услышал голос за своей спиной.

Александр, обхватив голову руками, выпятился за порог, повторяя одно слово:

- Поздно.... Поздно....

Параскева вскоре умерла, приняв перед смертью монашеский постриг под именем Александры.

28. НАЧАЛО КОНЦА ИМПЕРИИ МОНГОЛОВ.

«Замятня» в Монгольской империи разрасталась. Внуки Чингисхана, ввергнутые в водоворот интересов многогранного мира завоеванных стран, не вдруг сделались врагами. Хан Белой Орды, Хулагу, вышел к границам Багдадского халифата и намеревался взять на меч Багдад – столицу мусульманского мира.

Хан Золотой Орды, Бергэ, и его тесть, болгарский эльтебер Ильхам, исповедуя веру Аллаха, и признавая над собой духовную власть Багдадского халифа Мустасима Габбаса, всячески оттягивали поход Хуагу, на братьев мусульман. Бергэ умолял верховного хана Монгольской империи Мункэ остановить Хулагу, подтверждая свою преданность беспрекословной данью, собираемой с местного завоеванного населения. Он посылал дары женам и советникам Мункэ, чтобы те вступились за мусульман Ближнего Востока. Некоторое время хану Золотой Орды Бергэ удавалось сдерживать натиск монголов на Багдад.

Но Багдадский халиф Мустасим Габбас, хоть и был потомком пророка Мухаммеда, большой мудростью не отличался. Халиф Багдада не сделал выводов из опыта стран завоеванных монголами. Он позволил воинствующей толпе фанатиков – мусульман оскорбить послов, прибывших из Персии, где в это время обосновался повелитель Белой Орды Хулагу – хан.

Для монгольского темперамента Хулагу, не испытывавшего религиозной страсти, это было слишком. Он испросил разрешения у Мункэ – хана перейти границы Багдадского халифата и достойно наказать «невежу» Мустасима Габбаса. Кроме того, Хулагу доложил о том, что хан Золотой Орды Бергэ, не может достойно собирать дань с завоеванных народов, что численники, посланные в города Руси, были побиты и изгнаны из городов и что в Монголию направляется только ничтожная часть дани.

Великий Монгольский хан Мункэ на этот раз поддержал брата Хулагу в его справедливом возмущении невежеством Багдадского халифа и приказал ему вторгнуться в пределы Багдадского халифата.

Раздосадованный известием о не эффективности власти хана Бергэ, он распорядился не выдавать в Сарай ежегодную долю серебра, то есть, отказал Золотой Орде в обязательном трансферте. Верховный хан Монгольской империи приказал хану Бергэ направить отряд воинов в состав армии Хулагу. Кроме всего этого, Мункэ распорядился направить в Золотую Орду лучших сборщиков дани и проверить правильность уплаты ясака, направляемого в Каракорум.

Как стремительный горный поток, растеклись конные отряды хулагидов по дорогам Багдадского халифата. Города падали под натиском степняков один за другим. Наконец, орда Хулагу окружила Багдад. Сорок дней и ночей длилась осада древнего города.

Когда были перебиты защитники Багдада, Мустасим Габбас открыл свои сокровищницы и вышел навстречу победителям со своей семьёй. Растворились ворота города, и черная лавина монгольских всадников понеслась по улицам Багдада, сея смерть и проливая кровь побежденных. Габбас и его семья были растоптаны мохнатыми низкорослыми монгольскими лошадами.

Несметные богатства города «Тысячи и одной ночи», накопленные веками, были свалены в кучи вокруг ставки хана Хулагу.

«Горы трупов дыбились на улицах и базарах, дожди мочили их, а кони топтали копытами... С тех пор, как Бог сотворил Адама, и до нашего времени мир не видел подобного испытания, - напишет арабский летописец Ибн-аль-Асир, - может быть люди не увидят подобного до скончания мира, исключая, разве Гога и Магога. Даже Антихрист пощадит тех, кто ему подчинится, и погубит только тех, кто будет ему сопротивляться. А эти не щадили никого...»

Как ребенок, рыдал хан Бергэ, узнав об участии своего духовного отца, Мустасима Габбаса. Он поклялся отомстить двоюродному брату хану Хулагу. Так две части огромной империи монголов, Белая Орда и Золотая Орда, открыли эпоху противостояния Чингизидов и тем положили начало развала империи Чингисхана.

Для ведения войны на Ближнем Востоке хану Бергэ потребовались большие средства. Собрать их можно было только с завоеванных земель. Но сбор дани процесс долгий и многотрудный, сопряженный с недовольством и бунтами. Тогда советники хана, среди которых было много мусульман из арабских стран, предложили отдать дани на выкуп иноземным купцам. Богатые хивинские торговцы выкупили дани у Бергэ, дали ему столько денег, сколько было нужно для укрепления армии, а сами под охраной баскаков отправились по городам и весям русской земли собирать ясак, с тем, чтобы с большой прибылью вернуть себе потраченное.

29. ЮНАЯ ВАССА.

Александр опечалился смертью Параскевы Брячеславны. Но жизнь брала своё. «И пошел /Александр/ в Ростов, и княгиня Мария Михайловна /мать Бориса/, и князь Борис, и князь Глеб чествовали его со

многую любовью. Он же, пребыв у них некоторое время в **любви многой**, пошел во свою вотчину во Владимир». ³⁸

Здесь не случайно дважды автор говорит о любви многой и о пребывании в гостях некоторое время. Видя его печаль – тоску по умершей жене, князь ростовский Борис и его жена Мария Ярославна, принялись утешать Великого князя. В Ростове Александра встретили, оказав почет и уважение, долго не отпускали, а потом он и сам перестал торопить свой отъезд. И на то появилась особая причина.

Весна 1259 года зародила в душе Александра новое чувство к прекрасной ростовчанке по имени Васса. Кем была эта юная особа, княжеского ли рода или боярского, или простолюдинка смышленная и красивая, не известно. Летописцы о том умалчивают. В некоторых источниках даже имя её стоит под знаком вопроса.

С приходом на русский трон династии Романовых, многие старые летописи были переписаны с целью доказать законность перехода власти к Романовым. Факты спорные или умаляющие достоинство царского рода, были просто опущены при переписи. Так было надо. Опущено было и происхождение второй жены Александра. Ведь она стала родоначальницей Московской династии Великих князей и, не дай Бог, вдруг оказалась бы простолюдинкой.

Александр во второй раз женился в 1259 году.

Не тогда ли появились на Руси сказки о русской красавице именем Василиса Прекрасная и Василиса Премудрая, о простолюдинке превосходящей красотой и умом многих родовитых женщин?

30. ВОССТАНИЯ 1262 ГОДА.

Юная жена Александра, Васса, в декабре 1261 года, в дни памяти Даниила Столпника, родила Великому князю сына, которого назвали в честь святого. Даниил Александрович будет основателем новой династии Московских князей, которые хитростями, коварством и обманом приберут к рукам соседственные земли и будут обходиться с русским народом, как завоеватели, переняв у монгольских ханов самовластное высокомерие, холодную надменность и страшную жестокость.

Александр заранее постарался обеспечить столом младшего сына и юную жену свою. Тогда Москву нередко называли Кучковым полем, по имени боярина Кучки, поселившегося на берегах Москвы реки ещё в одиннадцатом веке и основавшего здесь красные села. Москва была уделом скудным, незавидным и расчет Александра был прост: не будут его

³⁸ В.Татищев т.3 стр 25.

неуживчивые сыновья, Дмитрий и Андрей, драться с младенцем Даниилом, из-за такого тощего куска.

Урядив право Вассы и Даниила на московское княжение, Александр направился в Новгород, чтобы с дружинами сына Дмитрия и брата Ярослава Ярославича Тверского начать приготовления к Ливонской войне против немцев.

В то же самое время в Сарай подоспели сборщики дани из Монголии. Они объявили Бергэ волю Монгольского Великого хана, который лишал его ежегодной доли серебра из общей казны, и прислал своих чиновников, для сбора недоимки с русского улуса.

По «низовской земле» уже прошли бесермены, собирая ясак от имени хана Бергэ. Теперь предстояло сборщикам хана Мункэ вновь пройти тем же путем. Во многих русских семьях не осталось запасов хлеба на зиму, не осталось скота для поддержания жизни, отдать хану было нечего. Тогда сборщики начали забирать старших детей и не каждого десятого, как предписывал порядок, а каждого третьего или четвертого. Люди были отличным товаром, дорогим и прибыльным. Пустели села, деревни, пригороды и малые города. Русь обезлюдела. Народ взроптал.

Видя это, князья возмутились вместе с народом и обратились к Великому князю за защитой. Вот тогда – то и поступила известная по летописям грамота Александра. В ней предписывалось избивать сборщиков, пришедших от хана Мункэ из Монголии, но золотоордынцев хана Бергэ не трогать. В городах забили набатные колокола, народ пришел в ожесточение. Городские веча требовали изгнать всех сборщиков дани без разбора, не взирая на имя хана, от которого они были посланы. Под горячую руку русских мужей попали все инородцы, которым присвоили имя «бесермены»³⁹ или «басурманы». Мужики русские взяли за оружие. Летописи называют семь городов, где произошли восстания: Владимир, Суздаль, Ростов, Переяславль, Кострома, Устюг и Ярославль. То есть возмутилась вся «низовская земля».

И опять выделяется отчина Константина Мудрого, Ярославль, где после гибели на Туговой горе князя Константина с дружиной, городом правила жена князя Василия, княгиня Ксения. Факт правления женщины исключительный, но говорящий о том, что в то время существовали мятежные центры во главе с такими князьями, и княгинями, которые не желали подчиняться порядку, установленному монгольскими завоевателями и их приспешниками – Великими князьями Ярославом Немудрым и его сыном Александром.

В Ярославле сожгли дома, где разместились ханские сборщики дани, а баскака именем Зосима, бывшего монаха, «расстригу и пьяницу, вступившего в ложную веру Магомета», растерзали. Расстриженный монах Зосима - пример того, как русские авантюристы, пытались сколотить

³⁹ Бесермен – басурманин – неверный, нехристианин, не православный, часто неприязненное значение в отношении к мусульманам. В.И.Даль.

состояние, шли на службу к ханам, меняя веру, меняя хозяина, не стесняясь, утеснять своих соотечественников. Тело предателя обезглавили, и выбросили на дно Медвежьего оврага, «псам на снадение». Ярославцы, конечно, знали о страшной мести, которая может последовать от хана за смерть его послов, но святая ненависть к притеснителям была сильнее страха.

В Устюге также поднялся народ, именно там впервые появилась грамота от Александра Ярославича с призывом, бить ханских слуг. И устюжане постарались. Перебили всех чиновников, кроме одного именем Буга, которого спасла местная женщина, полюбив татарина по-русски преданно и беззаветно. Пришлось Буге жениться на русинке, принять веру Христову и остаться жить в древнем Устюге, чем навсегда и войти в историю Руси. Так татарские мужи, приходя на русскую землю, сливались с русским народом.

До Новгорода дошла весть, что сопротивление монгольским сборщикам дани перешло в широкое восстание. Прибывшие от хана Бергэ послы вели себя надменно, обвинили Александра зачинщиком сопротивления, ссылаясь на грамоты, ходящие в народе от имени великого князя. «Герой Невский» не на шутку испугался. Вместо того, чтобы готовиться к войне с немцами, он повернул свою дружину на юго – восток и начал разборку с восставшими городами.

Александр сурово судил и казнил зачинщиков, он потребовал разогнать вече во всех городах, приказал уничтожить набатные колокола, и впервые показал народу, что ханская власть для русского князя выше решений местных собраний. Это было покушением Александра на народную демократию, на вечевой строй.

Разобравшись с восставшими городами, Александр, под конвоем ханских слуг, «с оправданиями и дарами»⁴⁰ должен был идти в Сарай, каяться и искать милости хана.

31. ПОСЛЕДНИЙ ГОД В САРАЕ.

«Сии происшествия должны были иметь следствие весьма несчастное: россияне, наказав лихоимцев хазарских, озлобили татар и их покровителей /Монгольского хана/».⁴¹

Александр видывал расправы над князьями и боярами в Орде. Особо жестоко монгольские ханы казнили за недоплату налогов. «На правеж» ставили, не взирая на чин, заслуги и возраст. Дани выбивали кнутом по ногам и спине искусные мастера заплочных дел - каты⁴².

Александр, зная, что его ждет в веже хана, отказаться от поездки в Орду не мог, но всё оттягивал, оттягивал отъезд.

⁴⁰ Карамзин. Т.4 стр 50

⁴¹ Там же.

⁴² Кат - палач.

«Уже готовый к отъезду, Александр послал дружину в Новгород и велел сыну Дмитрию идти на ливонских рыцарей»⁴³. Это было последнее его распоряжение на отчей земле.

Александр нашел ставку хана в городе Сарае. Сарай с последнего прихода Александра сильно изменился. Бергэ любил искусства и науки, привечал ученых и художников, используя даннические деньги. Хан украсил свою столицу новыми каменными постройками.

Еще год назад в Сарае была построена православная церковь и митрополит Кирилл учредил там особую епархию, во главе с владыкой Феогностом, чтобы христиане, вольно или невольно попавшие в столицу Золотой Орды, могли молиться и свободно обращаться к Богу.

Ещё многое изменилось в Сарае. Там не было прежних чиновников, служивших Батыю и Сартаку, с которыми у Александра установились доверительные отношения. Не было покровителей, а хан Бергэ не питал к русскому князю добрых чувств.

Хан Бергэ долго не принимал Александра, а слуги его провели дознание о невыплаченных сборах, об убитых сборщиках. Великому князю приходилось объясняться с многочисленными ханскими чиновниками и, оправдываясь за восставший русский народ. Дознание велось с пристрастием, и вполне вероятно, что обходились с Александром так, как положено было обходиться с неплательщиками налогов. Должно быть его ставили «на правож», а это означало, что били по ногам кнутом, требуя признания в сокрытии дани. Предъявили согласно переписи требования долга с процентами роста и пенями.

Александр взмолился отпустить его, он поклялся собрать дань полностью и расплатиться с ханом.

Только через полгода мытарств в Орде, хан Бергэ принял Александра. Униженный, измученный, иссеченный кнутом, Александр должен был покорно целовать туфлю хана и давать клятву во имя всех святых угодников, что соберет дань сам, без бесерменов и баскаков и привезет в Сарай сполна своим ходом. Тогда хан Бергэ приказал от каждого русского двора взять по одному человеку мужеска пола для пополнения военной орды, воюющей на Кавказе с ханом Хулагу. Александр, хоть и испытывал страх перед грозными очами хана, но взмолился, что нельзя этого делать, что множество людей выведено из русской земли сборщиками дани на южные невольничьи рынки, поэтому некому на Руси хлеб возвращать, и число плательщиков дани, которое установили численники ханские, значительно уменьшилось.

Не людей Александр отмаливал от ханской неволи, но за себя боялся, что с обезлюдевшей по его недомыслию земли, не соберет ясак сполна, и вновь его поставят на правож.

⁴³ Там же.

Хан, не желая подставлять своих сборщиков под гнев русичей и верную смерть, приказал русским князьям самим собирать дань и привозить в Сарай своим ходом.

Поразмыслив, и приняв во внимание доводы Александра, Бергэ отказался от воинской повинности с русской земли, но обязал самих князей с их дружинами участвовать в войнах хана. С тех пор дружины русских князей исправно ходили в военные походы и достигали Египта, Персии, Китая и Индии.

Только через год хан отпустил Александра восвояси. Тот был так слаб, что верхом идти не мог и отправился от Астрахани до Нижнего Новгорода водным путем. Стояла осень 1263 года.

«Истощав силы душевные и телесные в ревностном служении отечеству, перед концом своим он /Александр/, думая о Боге, постригся, принял Схиму, и, слыша горестный плач вокруг себя, тихим голосом, но еще с изъявлением нежной чувствительности сказал добрым слугам: «Удалитесь и не сокрушайте души моей жалостью!»⁴⁴

Истерзанным разумом Александр, думая о Боге, наконец, понял ту, непоправимую ошибку, которую совершили он и отец его, Ярослав, отдавая темному врагу Русь на поругание. Принимая Схиму, князь Александр отрекся от славы тленной жизни. Разум его прояснился, но слишком поздно.

Умер Александр в Городце, ночью 14 ноября 1263г.. «И принесли тело его во Владимир, и положили во церкви пречистой Богородицы того же месяца ноября в 23 день».⁴⁵

Александр в тот год исполнилось 43 года. Князь Андрей Ярославич, мятежный брат Александра, умер через год в 1264 году.

После смерти князя Александра и князя Андрея, осталось два претендента на Великокняжеский русский стол из семьи Ярославичей, братья Александра – князь Ярослав Ярославич Тверской и мизинный⁴⁶ князь Василий Ярославич Костромской по прозвищу «Квашня». Борьба за власть неуживчивых Ярославичей продолжилась.

32. ПЕРВЫЕ ИТОГИ.

И так: в середине тринадцатого века Русь оказалась в центре исторических событий. Она была зажата между двух враждебных сил. Одна сила – лукавый Запад и папизм, распространявший своё влияние на мир путем окатоличивания населения и захвата земель рыцарскими Орденами. Другая сила – взбесившийся Восток – орды кочевников, движимые идеей покорения мира и объединенные в единый ударный кулак.

Великим князьям и митрополитам, представлявшим светскую и духовную власть на Руси, история дала возможность решить судьбу земли и народов, заселяющих её. Из двух зол выбрать меньшее.

⁴⁴ Н.М.Карамзин История государства российского. т.4. стр. 51

⁴⁵ В. Татищев. История Российская т.3 стр 26.

⁴⁶ Мизинный – младший /др. русск./

Мы знаем, как решили эту политическую задачу Великий князь Ярослав и его сын Александр, «герой Невский». Они выбрали зло большее и, надеясь, что лично их это зло не коснется, отдали отчину и днину Рюриковичей под монголов. Отец и сын теряли голову от счастья явиться к ханскому престолу и быть обласканными сильными мира сего. Но оба погибли от жестокости своих господ.

А народ!?! Что такое народ для того, кто стремится к самовластию!?! Только средство для красивой жизни. Стоны и проклятия простых людей не волновали ни Ярослава Немудрого, ни его сына Александра Невского. Монгольская система вполне устраивала корыстных русских властителей. Поэтому иго татарское сами они и ввели на вверенной им Богом земле. А православная церковь, управляя умами людей, поддерживала в своей пастве раболепие, как узаконенное Богом состояние кары Небесной.

33. ДОБРЫЕ РОСИЯНЕ - АЛЕКСАНДРУ НЕВСКОМУ.

Н.М. Карамзин пишет: «добрые россияне включили Невского в лик своих Ангелов хранителей и в течение веков приписывали ему, как новому Небесному заступнику отечества, разные благоприятные для России случаи».

Незлопамятный русский народ, легко внушаемый, не только простил все зверства средневекового феодала, но и примирился с мыслью о его святости.

«23 ноября /6 декабря/ православные христиане празднуют память «благочестивого князя Александра Невского, в схиме Алексия».⁴⁷

Вспомнили об Александре Невском накануне Куликовской битвы. Призыв на битву с Золотой Ордой был долгожданным. Поднялась вся Русь в едином патриотическом порыве: князья, их дружины, ополчения городов. И только праправнук Александра Невского, князь Дмитрий Иванович Московский колебался. От природы быв трусоватым, он уклонялся от предложения возглавить русские полки против узурпатора Мамаю. Для успешного разрешения Куликовской сечи, нужно было чудо. Духовный отец Дмитрия по примеру Чудина Пелгуя, поведал князю о чуде, которое произошло во Владимире.

- Княже, помнишь ли, как победил шведов твой прадед Александр?! Ему пришлось на помощь Воинство Небесное. Чудин Пелгуй видел насад на море и в нем витязей лучезарных. То были святые угодники Борис и Глеб. Они сказали, мол, поможем своему сродственнику Александру. И ведь помогли!

Дмитрий хмуро выслушал духовника, не проявляя интереса к рассказу о давно минувших днях, ибо «книгам не учился добре», а «крупными талантами или яркими доблестями не отличался, как и все князья московские»⁴⁸.

- Княже, открою тебе секрет, - пытался заинтересовать духовник князя, - Сказывают, что на днях в церкви Рождества Богоматери во Владимире, пономарь чудо видел. Будто ночью загорелись свечи в церкви, где лежит

⁴⁷ Н.М. Карамзин История государства российского. Т.4. стр 387.

⁴⁸ В.О.Ключевский Сочинения т.2, Курс русской истории часть 2. стр50.

тело Великого князя Александра Ярославича. Из алтаря вышли два старца в белых одеждах убеленные сединами. Они приблизились ко гробу Александра и один из них сказал: «Александр! Восстань и спаси правнука твоего, Дмитрия! Ибо одолели его иноплеменные!»

Дмитрий перекрестился, и видно было, как волна суеверного страха пробежала по всему его телу.

- Александр встал из гроба, - понижая голос до шепота, продолжил рассказ духовник, - и скрылся из церкви с этими двумя старцами!

- А пономарь, что?! – сдерживая дрожь, спросил Дмитрий.

- Пономарь, видя сие чудо, поведал о том благочестивому архимандриту Евфросину. А тот повелел выкопать мощи Александра из земли. Они оказались нетленными!

- Ах! - ужас и удивление Дмитрия были в том вздохе.

- К мощам тем прикоснулся хворый калика и исцелился. А когда благочестивый Евфросин подошел к раке, то увидел, как свечи у изголовья Александра сами собой загорелись.... Так что не робей, княже, пращур твой, Александр и Воинство Небесное заступом встанут пред полками погаными.

Куликовскую битву выиграла, хоть и не мужеством Дмитрия, который скрылся с поля сражения и весь день, пока лилась кровь, просидел в лесу под корягой, но доблестью князей и дружин Белозерских, Ростовских, Ярославских, Угличских и многих других.

С тех пор чудеса у раки Александра, якобы, умножались и записывались дотошными монахами.

«После венчания Ивана Васильевича Грозного на царство в 1547 году, митрополит Макарий обратил его внимание на благопотребную нужду русской церкви в прославлении всех русских угодников. Был созван тогда же, в 1547 году, собор, а после него в 1549 году другой собор с той же целью канонизации русских угодников. На обоих соборах митрополит провозгласил 39 святых».⁴⁹

Среди этих провозглашенных был и Александр Невский. Как видим, его тогда ещё не выделяли среди сонма других героев.

Дальнейшие события русской истории были благоприятны для памяти князя Александра. Закончив победоносную войну со шведским королем Карлом Двенадцатым, Петр I, дабы закрепить свои победы, распорядился построить в устье Невы европейский город и перенести в него столицу Российской империи. Этот молодой город нуждался в духовном защитнике. Таким святым кумиром провозгласили Александра Невского, вся жизнь которого тесно была связана с Северо – Западом Руси.

«...государь Петр I вздумал перенести сии остатки бессмертного князя на берега Невы как бы посвящая ему новую свою столицу... В 1710 году он заложил в Петербурге Свято - Троицкий Александро - Невский монастырь /с 1797г. ныне широко известная Александро – Невская лавра/ на

⁴⁹ А.В.Карташев Очерки по истории русской церкви.т.1, стр 432.

том месте, где Александр Невский нанес поражение шведам в 1240 году /оно было определено ошибочно/. Строительство монастыря по проекту знаменитого Трезини продолжалось более десяти лет, общий срок возведения – несколько десятилетий. В 1722 году были возведены Благовещенская и Александро – Невская церкви. В последнюю, торжественно, в 1723 году перенесены останки Александра Невского. В 40 – 50 годы восемнадцатого века там был создан грандиозный мавзолей, включавший саркофаг, серебряную раку с эпитафией М.В. Ломоносова, воинские доспехи и оружие. В 1922 году могила и мавзолей были разорены, ценности частично попали в экспозицию Эрмитажа, а мощи святого благоверного великого князя в фонды Музея истории религии и атеизма, откуда торжественно возвращены в тот же храм 3 июня 1989г.».⁵⁰

На этом прославления Александра Невского не закончились. В тридцатые годы двадцатого столетия «вождь всех народов» И.В.Сталин сделал заказ на фильм, который бы поднял патриотический дух народов Советского Союза. В 1938 году усилиями гениальных художников – режиссера Сергея Эйзенштейна, актера Бориса Черкасова и сценариста Петра Павленко был создан героический фильм «Александр Невский».

Но вскоре борьба русского князя против немцев и разгром их на Чудском озере перестали быть актуальными, потому что в том же 1938 году был заключен пакт с Германией о ненападении. Фильм был запрещен, как политически неправильный. Память об Александре Невском в тот год осталась не востребованной.

Зато в 1941 году после вероломного нападения Гитлера на Россию, Сталин обязал все кинотеатры страны показывать этот фильм. Обаяние Александра Невского в исполнении Черкасова было так велико, что все зрители, а это граждане всего Советского Союза, на всю оставшуюся жизнь поверили в бесспорный героизм и святость Новгородского князя.

Шла война с немцами 1941 – 1945г.г.. Мальчишки мастерили себе мечи из деревянных досок, вырезая удобные рукоятки, клеили из картона шлемы – шишаки и выпиливали из фанеры щиты, разрисовывая их фиолетовыми чернилами, стремясь походить на Александра Невского. И это было «круто», как сказали бы сейчас. Все хотели идти на войну с врагом и умереть за Родину, за Сталина.

Сталин, пропагандируя Александра Невского, достиг всеобщего желая совершать подвиги в своё имя. В 1942 году вождь приказал учредить Орден Александра Невского. Указом Президиума Верховного Совета от 29 июля 1942 года орден Александра Невского был учрежден. Это была высшая боевая награда за проявление **командирами** Красной Армии личной отваги, мужества и храбрости.

⁵⁰ Н.М.Карамзин История государства российского т.4 стр 387 Комментарии.

ПРОКЛЯТЫЕ ЧУДЬЮ.

Часть вторая

1. ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ - СЫН ОТЦА СВОЕГО.

Рождение Дмитрия Александровича в исторических источниках датируется не точно. Около 1250 года, следовательно, до похода Александра Невского и его брата Андрея в Монголию к царице Огуль – Гаймыш.

Первые упоминания о Дмитрие Александровиче появляются в древней литературе под 1257 годом. Тогда Александр рассказал советников старшего сына Василия на городской площади Новгорода, а самого юного князя выслал «в железах» в Кострому. Расправившись с ослушниками, на княжение в Новгороде он поставил своего следующего по возрасту сына, Дмитрия, которому в то время было не более семи лет от роду.

Второй раз встречается имя Дмитрия Александровича под 1262 годом. Это год восстания «низовской земли» против сборщиков дани – «бесерменов». В то время Александр, его брат Ярослав Ярославич и князь Дмитрий готовились к войне с Ливонией. Дмитрию тогда было лет 12 или 13. По сегодняшним меркам сын Александра ещё подросток. По меркам тринадцатого века, когда срок жизни людей был короток, в тринадцать лет князя уже возглавляли дружины, ходили в походы, владели оружием и готовы были к семейной жизни.

Александр, узнав о масштабах русского восстания, оставил войско, готовое к войне с Ливонией и спешно пошел из Новгорода в «низовскую землю» наводить порядок. Разделавшись с вечевыми городами, Александр отправился в Сарай держать ответ за князей - мятежников. Перед отъездом Великий князь отправил в Новгород к сыну Дмитрию и брату Ярославу гонца с приказом, не откладывая войну с немцами, а для этого соединиться с войском литовского князя Миндовга.

Целью ливонского похода был город Дерпт, основанный Ярославом Мудрым под названием Юрьев. Немцы захватили его и укрепили тройным кольцом каменных стен, а по верху выстроили оборонительные сооружения. «Был город Юрьев тверд, - говорит летописец, - в три стены и множество, людей в нем всяких, и оборону себе пристроили на городе, крепкую».⁵¹

Литовский князь Миндовг пришел в назначенное место первым. Долго ждал союзников, но, не дождавшись, разорил землю, на которой стоял и ушел восвояси. Когда пришли войска Ярослава Ярославича и Дмитрия, то они взяли посад приступом, сожгли его. Крепости взять не смогли, потому

⁵¹ С.М. Соловьев. Сочинения книга 2, стр 157.

что слышали о приближении магистра Вернера фон Брейтгаузена, который шел во главе рыцарского полка. Русские истребили жителей, взяли в плен много народу и товара всякого и отяжеленные добычей, отошли в свою землю. Магистр, было, пустился по их следам, но болезнь принудила его вернуться назад.

Так закончился этот поход на Дерпт, среди организаторов которого, был юный Дмитрий Александрович, унаследовавший от отца отчаянную воинственность и страсть к захвату добычи.

Новгородцы, остались недовольны князем Дмитрием и результатом похода на Дерпт. Под стенами этого немецкого города было убито много «очень храбрых и весьма удалых мужей», как пишет В.Татищев. Пока длились скандальные разборки похода на Дерпт, пришла весть о смерти по дороге из Орды Александра Невского. Дмитрий Александрович, не имея больше поддержки влиятельного отца, был изгнан из Новгорода, и выехал в свою отчину Переславль, как когда – то и сам Александр после Невской битвы,

Но в Переславле возник раздор между братьями Дмитрием и Андреем. Князю Андрею отец выделил в наследование Городец Волжский, близ Нижнего Новгорода, но в то время это было небольшое поселение, не могущее равняться с древним, обустроенным Переславлем. Андрей Александрович негодовал и высказывал недовольство своё при каждом удобном случае.

Сарайскую администрацию в «низовской земле» представлял тогда татарин Амраган, человек большого ума и образованности. Он объезжал русские города, знакомился с князьями и их советниками, благоволил православным церквям, и, обучая русскую аристократию приемам администрирования, рассказывал о том, как устроено монгольское общество. От него же князь Андрей Александрович узнал, что «по монгольскому праву владельцем отцовского улуса считался младший сын, хотя он должен был в политических делах подчиняться старшему брату. Предполагалось, что старший брат успеет обрести имущество, а младшего следует обеспечить».⁵²

В шальной голове Андрея заработала мысль, отнять отчинный Переславль у Дмитрия а, Бог даст, и Великое княжение взять вперед старшего брата. Ведь теперь Русь живет по законам Орды.

Распря между детьми Александра всё больше и больше разрасталась, усугубляясь амбициями младшего княжича Андрея.

2.У ГРОБА ОТЦА,

Скорбь Дмитрия по отцу, неожиданное сиротство, конфликт его с Новгородом, легли на душу тяжким бременем. В ушах стояли обидные слова новгородского посадника:

⁵² Л.Гумилев. «Древняя Русь и Великая степь» М.АСТ 2000. стр.579 прим.2.

- Дмитрий! Ты принес зло Великому городу. Добрых и весьма храбрых мужей утратила земля наша. И хоть не будет князя у Новгорода, но и тебя не хотим. С нами Бог и Святая София.

Со скорбно опущенными плечами стоял Дмитрий у гроба отца, вновь и вновь переживая обвинения людей, за благополучие которых он бился честно.

- Война без павших не бывает..., - хотел оправдаться молодой воевода перед новгородским вечем, но его не стали слушать.

Дмитрий всматривался в, когда – то грозный, а ныне упокоенный лик отца, ища ответа на свои обиды. А на память приходили те, недолгие и нечастые дни, когда Александр мог пребывать в семье с сыновьями. Так уж повелось на Руси, с младенческих лет княжичей сажают на уделы под присмотром бояр - пестунов и наставников, с молодых ногтей, приучая к решению сложных, общенародных уроков. Возращивают, как сирот, на чужих руках, под неродным оком, чтобы вылепить добрых управленцев – воевод и судей, любезных народу. И не дай Бог младенцу – княжичу, проявить слабость при встрече с родителем, прижаться лбом к плечу отцовскому или губами к щеке батюшки, укорят, осрамят, и на смех поднимут.

Казнь старшего брата Василия и его дружины в Новгороде была уроком для семилетнего Дмитрия. На его детских глазах пытали отроков боярских. Страшно! Долго маячила перед глазами широкая дубовая плаха, залитая алой молодой кровью с кусками отрубленной, вырванной из тела, человеческой плоти и гневом перекошенное лицо отца, и ужас в глазах, сломленного позором, старшего брата Василия. Никогда! Никогда более не смел послушаться отца Дмитрий. Знал, что пощады не будет. Но с той страшной поры старался реже встречаться с отцом и не радовался уже его пребыванию в Новгороде. Больше не возникало желания прижаться к плечу крепкому родного батюшки.

А нынче тело отца бездыханное покоится в дубовой домовине⁵³ и всё, что хотелось когда – то высказать, при себе осталось. Поздно....

Чтобы не впадать в кощунство, Дмитрий не отвечал на выпады младшего брата, Андрея, искавшего повода для ссор. Андрей куражился. Он, то истерично рыдал, причитая над телом отца, то бросал обвинения в адрес овдовевшей Вассы, и даже младенца Данилку оттолкнул от домовины, когда тот, по детской наивности, затесался наперед, и повис на руках, вцепившись в край гроба, не понимая, что происходит в большом сводчатом храме.

23 ноября 1263 года тело Александра было погребено во Владимире, в монастыре Рождества Богородицы.

После тризны собрался совет князей, на котором зачитали духовную Александра, в которой он оделил сыновей отчинами: старшему сыну, Дмитрию, отдавал старый, богатый Переславль, среднему, Андрею, отказал Городец, мизинному Данилке – Москву. Про сосланного в Кострому Василия

⁵³ Домовина – гроб. / др.русс./

умолчал. Так велик был гнев отца на непокорного сына, что даже перед смертью, Александр не простил его.

Совет провозгласил Великим князем брата Александра, Ярослава Ярославича Тверского. Великий князь, вступив в права, произвел передел земель. Он отнял у молодого князя Юрия Андреевича, сына мятежного Андрея Ярославича, Нижний Новгород, и передал его Андрею Александровичу в придачу к Городцу, чтобы погасить недовольство вздорного племянника. Малолетнему Данилке, завещанную отцом Москву, не дал, а посадил там своего тиуна.⁵⁴ Молодой вдове, Вассе, приказал идти в Тверь вместе с сыном Даниилом и доживать век свой под присмотром Великой княгини Оксиньи. А Дмитрию Александровичу приказал отказаться от возвращения в Новгород Великий и не мечтать об этом богатом городе. Великим Новгородом распоряжался теперь Великий князь и был этот богатый город, как приложение к столице Владимиру.

С Владимирского съезда князья разъезжались недовольные друг другом и старейшим князем. Многие считали себя обделенными и затаили злобу на Ярослава Ярославича.

Васса со слезами на глазах отпросилась у Ярослава Ярославича посетить родное гнездо в Ростове, откуда она пошла замуж за «героя Невского». Дмитрий Александрович предложил мачехе проводить её с маленьким Данилкой до Ростова, через него лежал путь на Переславль. Едва забрезжил рассвет, как они выехали из Владимира. Дружинники князя окружили возок княгини – вдовы с дитём, и двинулись на Ярославль, Ростов, а там налегке и в Переславль.

Следом за дружиной Дмитрия Александровича должны были двинуться князья Белозерские, и Великий баскак Руси, Амраган, с сыном Айдаром и другом Айдара, ростовским баскаком Сары – ходжой. Но дела золотоордынские и великокняжеские задержали их на несколько дней во Владимире.

Начался период правления нового Великого князя, Ярослава Ярославича, брата Александра Невского.

3. КНЯЗЬ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОРОДЕЦКИЙ.

Урядив дела княжения, Андрей Александрович не пошел ни в Городец, ни во вновь доставшийся ему Нижний Новгород, а отправился вместе с Амраганом и ростовскими князьями в Ростов. Там его ждала невеста Перелепа, внучка ростовского воеводы Торопа. С Перелепой Андрей Александрович был уже год, как сосватан. Ждали возвращения Александра Ярославича из Орды, чтобы сыграть свадьбу, а дождались домовину дубовую.

Предстоящая встреча с невестой радовала Андрея. Он, молодцевато подбоченясь, поглядывал на спутников, и хвастался красотой девицы и её к нему предпочтением. Будто позабыв, что идет с похорон отца, шумел не в

⁵⁴ Тиун – судья. В.И.Даль.

меру и веселился. Да и было с чего. Получить на кормление кроме Городца ещё и Нижний Новгород, стоящий на волжском торговом пути, было большой удачей, которую он относил за счет своего ума.

Айдар и Сары – ходжа переглядывались, и прятали хитрые улыбки в отвисшие до подбородков, усы.

- Ова! К чему так потешаешься, Айдар? – удивился князь Андрей, заметив насмешки татарских друзей.

- Женщина – добыча сильного, - сказал, как отрубил, сын Амрагана,

- Давай бороться, Андрей. Кто победит, тот Перелепой владеть будет! – прищурился хитрым глазом Сары – ходжа.

- Перелепа – моя женщина. А с тобой, Сары – ходжа, не буду бороться. Ты баскак. А у меня кулачищи, вон какие! Убью ненароком, а потом держи ответ перед ханом, - не на шутку испугался князь Андрей и, дернув за повод, повернул коня в сторону.

- Куркак кеше, ⁵⁵- услышал Андрей за своей спиной татарские слова, и понял, что его называли трусом.

«Ну и пусть, - подумал князь, - с татарами лучше не связываться. До Ростова доберемся, а там одним днем обговорю с епископом Игнатием венчание, да и сигану до Городца».

К Рождеству Христову, к Великому праздничку, собралась в стенах Ростовского кремля родня княжеская. К Ростову, как к бывшему центру земли Низовской, сбегались дороги со всех соседственных княжеств. Князья Ростовские со времен Константина Мудрого славились хлебосольством и приветливостью. Потому тут были сватья Муромские, сам князь Ярослав с княгиней и с дочерьми. Прибыла княгиня Ксения Ярославская с дочкой и зятем Федором Чермным. Пожаловал Глеб Василькович Белозерский с женой Алголь - Феодорой, внучкой самого Батыя.

Ранним утром появился у стен города Андрей Александрович с дружиною и обозом. Две недели назад, идя с похорон отца, он обговорил с епископом Игнатием венчание в стенах храма Рождества Богородицы и теперь, поспешно возвратившись, вез дары храму, и подношения всей родне, и дворне и горожанам, по случаю женитьбы его на Перелепе.

До вечерней звезды говели, укрощая плоть, и слушая духовное пение и наставления священников, а после расселись на дубовые лавки вокруг обильных столов, и, выслушав благословение епископа Игнатия, освятившего трапезу, дружно зазвенели кубками, застучали ложками, веря в святость рождения Сына Божьего и простодушно радуясь празднику. За длинными столами уселись гости дорогие князя ростовского и бояре с женами и детьми боярскими.

⁵⁵ Куркак кеше – трус. /тат./

Пришел старый Тороп, знаменитый воевода, отстоявший когда – то хитростью Ростов от конников Батыя и Субудая – богатура. Сам князь Борис Василькович поднялся навстречу ветхому старику, облобызал, подхватив под руки, повел на почетное место. Рядом с Торопом посадили внучку его распрекрасную Перелепу.

Князь Андрей, сидя у противоположной стены, напротив невесты, глаз с неё не сводил. Белокожа, круглолица, румяна, с кротким взглядом из – под длинных ресниц, появилась, будто из древнего сказа про красу ненаглядную и вот – вот упорхнет, растает нежным облачком.... Даже боязно.... Боязнь усилилась, когда увидел, жгучий взгляд баскака Сары – ходжи, устремленный на Перелепу. Вспомнились насмешки его и Айдара по дороге из Владимира.

К середине ночи, когда епископ Игнатий, перекрестив шумную трапезу, ушел, нагрянули ряженые, в вывернутых на изнанку шубах, в страшных рогатых ухарях, наглухо закрывающих лица. Они кружились по трапезной палате, присвистывая и приплясывая, и приглашая честной народ на улицу, на свет рогатого месяца. Молодежь боярская, высыпала на княжий двор, растирая разгоряченные лица снегом.

Андрей двинулся к выходу, глазами провожая, вспорхнувшую из – за стола Перелепу. Невеста, не глядя на жениха, втиснулась в толпу девушек и исчезла из глаз Андрея. Друг Андрея, молодой боярин Акинф, задержал князя, указывая на хозяина застолья, Бориса Васильковича. Тот, стараясь перекричать шум праздника, звал Андрея к своему месту.

- Окажи честь, откушай чарочку со мной и воеводою Торопом, - давая знак виночерпию, чтобы наполнил кубки, князь Борис обнял племянника за плечи и усадил возле себя.

Пили за здоровье и удачу, за крепость земли отчинной, за родственные связи. Душу молодого князя тешила честь, с какой его дядя Борис Василькович, зрелый воин – князь, принимал его, младшего по возрасту родственника. А голову сверлила мысль о Перелепе, которая ускользнула от его взгляда и теперь неизвестно где и с кем творит радость.

Ярослав Муромский, тесть князя Бориса, всё пытался угнездиться рядом с зятем и больно толкал Андрея под бок. Наконец, Андрей поднялся, и нетвердо ставя ноги, направился к выходу из трапезной. В сенях его подхватил под руку боярин Акинф.

- Эй, княже, пойдем борзо.

- Перелепа где? – едва ворочая языком, спросил Андрей.

- Должно быть, там, у озера. Там все хороводятся. Вон, глянь, костры жгут.

С высокого княжьего крыльца видно было, как один за другим вспыхивали костры на ледяной глади озера Неро и светом озаряли резвящиеся на снегу фигуры парней и девушек.

Андрей с Акинфом поспешили под горку, притормаживая валенными сапожками на скользком склоне, и отдаленный девичий смех и задорные

крики парней, радостью отзывались в сердцах.. Вдруг послышалось ржанье коней и отдаленный топот, и опять крики, но уже тревожные и громкие. Акинф толкнул Андрея в спину и вырвался вперед. Подбегая к толпе молодых ростовцев, друзья слышали тревожные слова: «татары, полон, похитители...» У Андрея сжалось сердце от нехорошего предчувствия.

- Перелепа! – крикнул, оглашая окрестности озера, но ответа не последовало.

- Где Перелепа?! – допытывался Акинф у людей.

- Татары унесли! Татары! – загалдели девушки, показывая пальцами в сторону дороги, идущей вдоль берега озера Неро, - налетели кучно конники, подхватили Перелепу, бросили поперек седла и ускакали... туда..., - показывали направление ускакавшего отряда перепуганные девушки.

От города уже скакали всадники на наспех оседланных лошадях, направляясь на озерную дорогу в погоню за татарами.

Андрей обхватил голову руками и рухнул на снег:

- Это Сары – ходжа! Проклятый! Проклятый! – он катался на снегу и выл, ударяя кулаком по слежавшемуся снегу.

Погоня возвратилась, когда уже прогорели костры и все разошлись, обсуждая случившееся.

Князь Борис расспрашивал молодых дружинников, про ночное происшествие, про то, чьи были татары и куда ускакали. У старого Торопа мелким трусом тряслись кулаки, тяжело лежавшие на столешнице.

- Мы преследовали их не одну версту.... У Караша⁵⁶ заслон татарский стоит, далее нас не пустили, - дружинник виновато мнет в руках шапку.

- Похитители там остановились? – допрашивал Борис.

- Они дальше в Баскачи⁵⁷ поскакали. Перелепа с ними.

Андрей забился в угол и не мог придти в себя от позора, свалившегося на его бесталанную голову.

- В Баскачи, говоришь!? Там юрт⁵⁸ Сары – ходжы стоит....., - князь Борис хорошо знал свою землю.

- Я к брату пойду, к Дмитрию! Мы покажем вашим баскакам, как чужих невест похищать! – наконец, пришел в себя Андрей, - я башку отрублю этому Сары – ходже! Верну свою невесту...

- Бранись, бранись, племянничек. Только, что к татарину попало, то пропало, - безнадежно махнув рукой, заключил князь Борис.

Брат Дмитрий выслушал Андрея молча. На его призыв, напасть на юрт Баскачи и отобрать у Сары – ходжи полонянку, ответил отказом. Помнил наказ отца – с татарами не борись, себе хуже сделаешь.

В очередной раз братья расстались врагами.

⁵⁶ Караш – селение в ростовской земле, основанное в 13 веке татарскими сборщиками дани. Караш от слова кара – казнь, наказание /тат./

⁵⁷ Баскачи – селение в ростовской земле, место стана ростовского баскака Сары – ходжи, основано в 13 веке.

⁵⁸ Юрт – по – татарски, владение. В.И.Даль.

4. РАКОВОРСКАЯ КАМПАНИЯ.

Великий Новгород, чувствуя свои силы, готовился к войне с немцами за спорные земли. Псков с согласия Новгорода пригласил к себе на княжение князя Довмонта. Этот князь был родом из литовского племени, но принял христианство и честно служил псковитянам, не только защищая псковские земли, но и совершая набеги в соседственные пределы.

Только что возведенный на Великокняжеский стол, Ярослав Ярославич, досадуя на псковитян, за самовольное избрание князя Довмонта псковским воеводою, привел свои полки к Новгороду, чтобы наказать псковитян. Но новгородцы вступились за князя Довмонта и слышать не захотели о междоусобной войне с Псковом. Вольные города Псков и Новгород не сочли нужным считаться ни с волей Великого князя, ни с его капризами, ни с его самодурством. Великий князь Ярослав Ярославич вспылил, ушел из Новгорода и увел свои полки.

Между тем новгородцы, не слушая упреков Ярослава, ходили на эстонский город Раковор, подвластный датчанам, но взять его не смогли. Тогда, пригласили татарского умельца Тогала, хорошо заплатили ему и приказали строить огромные стенобитные машины на дворе архиепископа. Когда техника была готова, дело встало за хорошим воеводою и, поразмыслив, новгородцы направили посольство в Переславль за князем Дмитрием.

Князь Дмитрий Александрович, соскучившись по ратной работе, забыл свои обиды на новгородцев, споро собрался, и пошел на помощь Новгороду. Забыл он и обещание своё Великому князю Ярославу Ярославичу отступить от Новгорода и не претендовать на новгородское воеводство.

Рыцари Немецкого ордена, узнав о приготовлениях русичей к походу, послали в Новгород своих лазутчиков под видом послов от Риги, Феллина и Дерпта. Послы призвали новгородцев к миру и дружбе, и клялись, что не думают помогать датчанам и не вмешиваются в их дела с россиянами. Новгородцы, мало веря немецким послам, отправили в Ригу боярина Лазаря Моисеевича, чтобы епископы и чиновники «дворян Божьих» подтвердили всё, что высказали их послы. И целовали немцы крест, клянясь в дружбе и верности.

Считая немцев друзьями, новгородцы рассчитывали легко управиться с датским гарнизоном Раковора. Тремя путями шли русичи на Раковор в силе могучей. Во главе похода встал Дмитрий Александрович, с ним выступили сыновья Великого князя Ярослава Ярославича, Михаил Ярославич и Святослав Ярославич. Привели свои дружины Довмонт Псковский и сын князя Андрея Ярославича и Добравы Даниловны, Юрий Андреевич.

Шли смело, поджигая селения и убивая мирных жителей. А когда сведали, что жители эстонских сел, со всем своим именем скрываются в одной из неприступных пещер, окружили то место. Пещера, где укрывались

эстонцы, и впрямь была неприступной, и войско простояло перед ней три дня. Основательность, с какой бедные люди укрылись в пещере, вызвала гнев вспыльчивого Дмитрия. Он призвал к себе татарина Тогала. Летописи пишут, что тот умелец пустил в пещеру воду при помощи какой – то искусственной машины. Спасаясь от наводнения, несчастные эстонцы вынуждены были покинуть укрытие. Тогда Дмитрий приказал изрубить всех, кто спасался от воды. Не пощадили никого, ни стариков, ни женщин, ни чадушек малых. Все без милости были изрублены на куски. Добычу, найденную в пещере, новгородцы отдали князю Дмитрию в счет платы за руководство походом.⁵⁹

Соединенное русское войско приблизилось к Раковору и встало на берегу речки Кеголи. Лагерь ещё не был разбит, как увидели на подходе сильные полки немецкие. Ими предводительствовали сам магистр Ордена Отто фон – Роденштейн и епископ Дерптский Александр. Это вызвало изумление тем паче, что ещё недавно немцы клялись в дружбе и верности новгородцам, а ныне взяли сторону датчан.

18 февраля 1269 года произошла жестокая Раковорская сеча. Русские полки перешли реку и встали против железного немецкого полка. Закованные в латы, рыцари выстроились острым клином, готовые расчленив русские силы и разбить их поодиночке. Дмитрий помнил рассказ отца, о сражении с рыцарями на Чудском озере, он использовал опыт отца и приказал своим воинам стоять дружно.

«Ни отцы, ни деды наши не видали такой жестокой сечи», - говорит летописец. Многие новгородцы, псковичи и ладожане были убиты. И не выдержал сын князя Андрея, Юрий и, втянув голову в плечи, показал спину врагу, и, изменив своим, бежал с поля битвы. Летописец запишет : «. . . . а Юрьи князь вда плечи, или перевеет /измена/ были в нем, то Бог весть. . . .»

Бог пособил князю Дмитрию и новгородцам, и погнали они рыцарей до города и гнали их тремя путями, и усеяно трупами было семь верст. Летописец запишет, что « даже не мочи и коням ступить по трупиём», так были дороги усеяны побитыми немцами.

Трубачи только что протрубили победу, и тут увидели от города движутся иные полчища и «узрели Свинью великую». Пришлось вновь вступить в сражение, которое длилось до самой ночи. Боясь в темноте изрубить своих, решили остановиться и переждать до утра. А утром ни одного немца не было видно. Они отступили, пользуясь темнотой, боясь вновь ввязаться в бой против русичей. Три дня стояли новгородцы и псковичи «на костях», но на четвертый день решили уйти восвояси. Потерпев большой урон, крепости брать не стали. Вместо добычи они принесли с собой трупы убиенных и знатных бояр. Эту кровопролитную битву ещё долго помнили в Новгороде и в Риге. Если верить ливонским историкам, на месте сражения полегло 5000 наших и 1350 немцев. В числе убитых оказался и Дерптский епископ Александр.

⁵⁹ Об этих событиях сообщает Карамзин. Т.4 стр.57.

Немцы после этого осадили Псков и грозились стереть его с лица земли, приготовив стенобитные орудия. Не известно, как бы решился этот вопрос, но в Новгород вместе с князем Ярославом Ярославичем пожаловал татарский баскак Амраган со своим полком. Немцы испугались татарского полка и попросили мира.

Великий князь Ярослав Ярославич остался недоволен войной с немцами и потребовал сменить чиновников Новгорода. После чего объявил поход против корельского племени. Новгородцы, не успевшие ещё осушить глаза с похорон своих близких, убитых при Раковоре, просили Ярослава не трогать несчастную корелу, но Ярослав настаивал на своем. Видимо, слава Дмитрия, и его успехи не давали покоя великому князю. Тогда возникло военное противостояние и новгородцы по своей давней привычке, приказали Великому князю покинуть Новгород.

«Иди, куда хочешь, а мы найдем себе князя». Ярослав испугался гнева народного. Он послал на вече своего сына с уверениями, что сделает всё так, как хотят новгородцы. Но гордые граждане ответствовали:

«Не хотим тебя, Ярослав. Удались или будешь немедленно изгнан!».

Ярослав в испуге покинул Новгород, а граждане направили послов к Дмитрию Александровичу, чтобы пригласить его на княжение.

Это был акт доверия и признания заслуг сына Александра Невского. Дмитрий был воином, но не властелином. Он довольствовался добычей, приобретенной в боях с врагом, а власть, добытая опричь дяди, его не устраивала. Он знал, что рано или поздно будет Великим князем, ведь он оставался старшим среди своих двоюродных и родных братьев. Нужно было только выждать время.

Дмитрий ответил новгородцам:

- Не хочу престола, с коего вы согнали моего дядю.

Такого ответа новгородцы не ожидали, и это озадачило их.

А в Костроме на Волге подрос самый младший из сыновей Ярослава Всеволодовича, князь Василий Ярославич, из-за тучности тела прозванный «Квашнёй». Войдя в зрелый возраст, младший брат Александра Невского, Василий «Квашня», почувствовал тягу к власти. Он взял на себя роль заступника за новгородскую землю и интриговал в Орде против брата, Великого князя Ярослава Ярославича.

Сыновья Ярослава Немудрого не умели жить в мире со своими братьями.

5. ДИДЖЕК – ХАТУНЬ, ЖЕНА МЕНГУ – ТЕМИРА.

Мурза Ногай сильно старался, ползая у ног хана Бергэ, так старался, что Бергэ совсем утратил осторожность. Советы Ногая были неожиданными, и всегда казались хану Золотой Орды мудрыми. Ногай посоветовал мусульманину Бергэ приблизить к себе брата Менгу – Темира, молодого и отважного воина, который с охотой воевал на Кавказе с хулагидами и часто побеждал в схватках. А жена Менгу – Темира и сестра Ногая, прекрасная

Диджек – хатунь, украшала женскую половину шатра хана Берге. И хотя в наложницах и женах у золотоордынского хана недостатка не было, глаза его отдыхали, когда он видел перед собой жену брата Менгу – темира.

Пребывая в обществе прекрасной Диджек, Берге перестал обращать внимание на слова доносчиков, которые нашептывали хану об опасностях власти и о возможных врагах хана. Знатные чингизиды были недовольны тем, что Бергэ, приняв ислам, отказался от веры отцов и нарушил Закон Чингисхана – Ясу. Стараниями Ногая и Диджек – хатунь врагов у золотоордынского хана становилось всё больше. Однажды ночью Бергэ почувствовал, как острый клинок чужого кинжала вошел между его лопаток. Берге дернулся, хотел позвать на помощь, но захлебнулся собственной кровью и затих.

Прекрасная Диджек – хатунь, была женщиной умной и прозорливой. Сестра темника Ногая, она использовала брата для достижения собственной цели. Наконец – то её муж Менгу Темир взошел на Великую кошму Золотой Орды. Столица Сарай Бергэ ликовала. Дымились костры, разнося запахи вареного мяса, а кумыс и айран заставляли ноги степняков двигаться в неистовых ритмах так усердно, что у каждой юрты земля была втоптана почти по колено. И было отчего ликовать – Менгу – Темир был настоящий чингизид, он соблюдает Ясу, он молится богу Мизиру и почитает Чингисхана, как Бога. А это значит, что предки монголов всегда придут на помощь.

Только Менгу – Темир испытывал беспокойство. К Кавказу, завоеванному ещё Батыем, вдруг стал проявлять интерес его двоюродный брат Хулагу, покоривший Персию и Багдадский халифат. Внукам Чингизхана стало тесно на просторах Земли. Они хотели вечной войны, ведь их многочисленные воины, составляющие боевые тумены⁶⁰ должны быть довольны жизнью. Хулагу действовал стремительно, ведь его поддержал брат Мункэ, Великий хан Монгольской империи.

Диджек – хатунь подсказала брату Ногаю мысль, жениться на дочери византийского кесаря, Михаила Палеолога, и тем улучшить свой род. Ногай был доволен. Тучная принцесса Евфросиния была желанной для малорослого, худощавого монгола из племени тата, большую часть жизни проведшего в седле и оттого имевшего ноги схожие с колесом обозной телеги. Евфросиния, став главной женой Ногая, принесла в кочевую жизнь Ногайской Орды пышность византийского двора. Она всеми силами насаждала трепетное поклонение господину Ногаю и его главной жене.

Ногай по приказу Византийского кесаря направил свои полки в Дунайскую Болгарию и усмирил восставшее население Балканской страны. Болгария попала под протекторат монголов.

⁶⁰ Тумен – военно=ая единица – 10 000 воинов

Власть Ногая распространялась от Дуная до реки Яик. Две Ногайских орды, Западная и Восточная, были, как два крыла одного хищного животного, который должен был рано или поздно показать свой оскал.

В то время, как усиливался Ногай, во дворце Менгу – Темира происходили важные события, касающиеся личной жизни хана и его близких. Зять ярославской княгини Ксении, Федор Ростиславич Чермный⁶¹, явившийся в Сарай по приказу хана, произвел сильное впечатление на Диджек – хатунь.

«Видя святолепное благородие лица его, мужество же и храбрость»... жена хана полюбила его и «уязвилось сердце её, еже любить его, яко египетская царица Иосифа». ⁶² Благодаря любви главной ханши, русский князь Федор Чермный попадает в высокий фавор золотоордынского хана. Сам хан сажает его напротив себя и принимает чашу с вином только из рук Федора.

Всеобщее обожание Федора в Орде привело к тому, что юная дочь хана Юлдуз влюбилась в ярославского князя, она умоляла отца благословить её на брак с Федором. Менгу – Темир не сразу согласился на каприз дочери. Не смотря на достоинства русского князя, Федор всё – таки был улусником хана, а, следовательно, его холопом. По мнению Менгу – Темира, брак его дочери и русского князя Федора, был неравным. Здесь сыграла свою роль мудрая Диджек – хатунь. Чтобы отвести подозрения от себя, потерявшей голову от любви к Федору, хитроумная женщина дает совет хану, отдать Юлдуз в жены ярославскому князю.

Федор был не рад такому предложению. Смертельно рискуя, он отказался от брака с Юлдуз, оправдываясь тем, что у него уже есть жена в Ярославле, а по обычаям веры, православным христианам нельзя иметь двух жен. Золотоордынский хан был обескуражен, человек, отказавшийся от милости господина, от чести взять в жены его дочь, достоин смерти. Но, князь, исполняющий законы своей земли, достоин уважения. Менгу – Темир являлся гарантом исполнения светских и церковных законов, поэтому он не мог наказать Федора, но сослал его на войну с Волжскими Болгарами.

После смерти первой жены в Ярославле, Федор возвратился в Сарай, и женился, наконец, на принцессе Юлдуз, которая по его настоянию приняла православие и получила имя Анна. С тех пор русский князь Федор Ростиславич являлся советником хана, и все решения русских вопросов проходили при его участии.

6. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ЯРОСЛАВИЧ «КВАШНЯ»

Под годом 1271 летописец пишет, что в пятую неделю великого поста до обеда погребло солнце и вновь наполнилось. Затмение предсказывало беду. В тот год умерла ростовская княгиня Мария Михайловна, вдохновитель борьбы с золотоордынским ханом и переписчик «Слова о

⁶¹ Чермный – красивый /др. русск./

⁶² Житие Благоверного князя Федора Ростиславича.

полку Игореве». Спившись, умер старший сын Александра Невского князь Василий, сосланный в Кострому.

Произошли изменения и на Великом Владимирском столе. Идя из Орды, преставился Великий князь Ярослав Ярославич, держащий Великое княжение после брата Александра Невского 8 лет, как пишет В.Татищев.

На Великий стол взошел мизинный сын Ярослава Всеволодовича, младший брат Александра Невского, костромской князь Василий «Квашня».

Получив ярлык на княжение в Орде, мизинный сын Ярослава Немудрого сразу показал свой нрав. О своем заступничестве за Новгород Василий Ярославич тут же забыл. Он подступился к Новгороду, грозя войной и требуя себе вольностей, которые утратил до него брат Ярослав Ярославич.

Новгородцы послали вновь за Дмитрием в Переславль, призывая его к себе княжить. Тогда на Новгород ополчились рати суздальские, тверские и татарские во главе с Амраганом и его сыном Айдаром. Дмитрий Александрович держал оборону и сопротивлялся, защищая Новгород. Но вновь встретился с переменчивостью новгородцев, которые испугались татарских полков и «начали отметаться от князя Дмитрия». Дмитрий, в который уже раз вынужден был отступить от Новгорода, и покинуть его в большой обиде.

Утишив новгородцев, Василий «Квашня» провел сбор урочной дани с населения своими силами. Брал он по полугривне⁶³ с сохи, а в сохе числили 2 мужа работных. Придя в Орду с данью, Василий преподнес хану дары многие и ещё выход особый, чтобы задобрить господина. Менгу – Темир принял подношения с честью, но сказал:

- Ясак мал есть, а людей много в земле твоей. Почему не от всех даешь?
 - Господин мой, Великий хан, как твои численники исчислили людей моих, так я тебе и даю дань, - оправдывался тучный Квашня, отирая пот с красного лица.

Вполне возможно, что Великого князя Василия хан поставил бы «на правож», как когда – то его брата, Александра Невского, если бы не заступничество князя Федора Чермного. Русские князья завидовали фавориту хана, но это не мешало им пользоваться его близостью к Верховной власти.

Хан Менгу – Темир выслушал совет зятя, и уважил его мнение.

- Повелеваю послать новых численников во всю землю Русскую, во все грады. Да не утаят людей! – приказал хан Менгу – Темир.

При Великом князе Василии «Квашне» была проведена вторая перепись населения. Проходила она мирно, русский народ свыкался с игом иноплеменным и более не выступал против татарских численников.

⁶³ Полугривна с сохи – гривна – денежная и весовая единица в др. Руси. « При Ярославе в гривне было 20 ногат или 50 резаней, полая по 2 резаня на куну или мордку или 40 гривен на 7 фунтов серебра» В.И.Даль. Если считать, что фунт равен 400 гр. Серебра, т.е. 40 гривен это 2800 г. серебра. Значит, в одной гривне было 70г. серебра. Полугривна это 35г. серебра. Если учесть, что своего серебра на Руси не было, а хозяйство было натуральным, конечно, полугривна составляла обременительный ясак для крестьянина – пахаря.

Управлять Русской землей, раздираемой усобицами князей – родственников, наполненной горем людским и недовольством, было нелегко даже для молодого и полного сил правителя, каким был Василий «Квашня».

7.ХОЛОПЫ ТАТАРСКОГО ЦАРЯ

Предсказания старой Ильмары и проклятья чудского племени сбывались.

В 1276 году князья русских земель съехались в Кострому на похороны последнего Ярославича, младшего брата Александра Невского, Василия «Квашни». Князь Василий Ярославич умер, не оставив после себя наследников «мужеска пола».

В семье Ярославичей из детей, старшими оставались Дмитрий Александрович и следом за ним Андрей Александрович. Сыновья Александра приехали в Кострому, и каждый из них был непоколебим в желании, встать во главе русской земли.

Как, когда – то, после смерти Ярослава Немудрого, в 1249 году, на Владимирском съезде произошли неожиданно злые события, и в борьбе за власть погибли князья Владимир Угличский и Василий Ярославский, так и в 1276 году на Костромском съезде началась смертельная борьба за великокняжеский трон.

Кроме братьев Александровичей среди других князей, на съезд пришли внуки Константина Мудрого, Борис Василькович Ростовский и Глеб Василькович Белозерский. А также бывший Ярославский князь, а ныне зять Менгу – Темира, Федор Чермный.

На съезде сын Александра Невского, Дмитрий, заявил о своих претензиях на Великокняжеский титул, тогда ему напомнили, что он внук не старшего Всеволодовича, а только третьего по счету, Ярослава. А внуком старшего Всеволодовича, Константина Мудрого, является князь Борис Василькович Ростовский, он то и должен быть объявлен старейшим князем всея Руси по дедине.

Александровичи не желали выпускать из рук верховенство. Старый лествичный порядок, по которому власть передавалась старшему в роду князю, их больше не устраивал. Завязалась перебранка с Васильковичами, которая переросла в вооруженную драку. Тут вмешался Федор Чермный. Он, был огромного роста, недюжинной физической силы, светлого ума и безотчетной храбрости. Поднявшись с места, ханский любимец разметал спорщиков по разным углам и вонзил в дубовый пол свой меч, давая понять, что не потерпит распри в роду Рюриковичей. Затем, напомнив русским князьям, что все они - холопы Царя Ордынского, приказал идти в Сарай на суд хана Менгу - Темира.

Ростовский князь, Борис Василькович, почти год обивал пороги чиновников, приближенных к хану Менгу – Темиру, ища справедливости. При Борисе находились его жена Мария Ярославна и сын Дмитрий

Борисович. Настроение хана Менгу – Темира клонилось то в сторону Бориса Васильковича, то в сторону Дмитрия Александровича. Вопрос с Великим княжением решился неожиданно просто. Растратив казну ростовскую на подношения, Борис стал никому не интересен в Сарае. Какое – то время он вынужден был одалживаться у своих родственников, выпрашивая не только серебро, но и зерно, овощи и продукты. И тут произошло нечто необъяснимое: пышущий здоровьем Ростовский князь, внезапно занемог. Точно так же, как в 1249 году, когда на Владимирском съезде решался вопрос о власти, сперва занемогли, а потом погибли князья старшей ветви рода, наследники Константина Мудрого, Владимир Угличский и Василий Ярославский.

Борис Василькович почувствовав кончину свою, попросил, чтобы его постригли в монахи. Жена его, Мария Ярославна мысли не допускала о смертельном исходе болезни. Она не пустила к мужу епископа Сарайского Феоноста и не дала разрешения на постриг Бориса. 16 сентября 1278 года князь Борис Василькович Ростовский умер в столице Золотой Орды.

Теперь сыновьям Александра Невского мог помешать Глеб Василькович, князь Белозерский, женатый на внучке Батыя, Алголь – Феодоре. Но сыновья Александра Невского не могли допустить этого. Не прошло и года, как князь Белозерский в расцвете лет ушел из жизни, оставив после себя сына Михаила.

Старшему сыну Александра Невского, Дмитрию, больше никто не мешал утвердиться на Великокняжеском Суздальско-Владимирском столе..... разве что младший брат, Андрей Александрович.

8.ЗЛОБНЫЙ СЫН ОТЦА ВЕЛИКОГО.

Боярин князя Василия Квашни, Семен Тонилович, после смерти своего господина, перешел на службу к князю Андрею Александровичу Городецкому. Это вызвало недовольство старого друга и советника Андрея, боярина Акинфа. В стане Андреевом началось соперничество двух партий – Акинфа и Семена Тониловича.

Родина Семена Тониловича, Кострома, оставалась не занятой, наследников «мужеска пола» князь Василий Квашня не имел. Костромской боярин настраивал князя Андрея потребовать у брата Кострому в управление. После бурных объяснений, угроз и настойчивых требований, Дмитрий согласился отдать Андрею Кострому. Худой мир лучше доброй ссоры, решил старший брат. Таким образом, Андрей Александрович получил ещё один город, связанный с Городцом и Нижним Новгородом речным волжским путем. Сравнительно легкая добыча Костромы укрепила силу хищного и завистливого Андрея Александровича и разожгла его аппетиты.

Тогда и сводный брат Дмитрия, Даниил, потребовал от Великого князя упразднить тиунов в Москве и вернуть ему город, отказанный отцом, Александром Невским, младшему сыну по духовному завещанию. За Данилку замолвил словечко сын Дмитрия Александровича, Иван, который

приходился московскому князю племянником. Иван и Данилка росли вместе и, будучи почти ровесниками, крепко дружили. Дмитрий вынужден был согласиться с молодыми князьями, этого требовала справедливость. Данилке шел в то время шестнадцатый год, и он пожелал стать самостоятельным правителем.

Удел Великого князя Дмитрия сократился, но в его власти оставался богатый Новгород, который стоил многих городов Руси.

Дмитрий Александрович явился в Новгород уже не приглашенным воеводой, а самовластным Великим князем Русской земли. Новгородцы приняли Дмитрия с честью, и он потребовал себе участок земли для строительства крепости Копорье, когда – то разрушенной врагами. По старым договорам с Новгородом, князья не имели права ни приобретать, ни силой захватывать в личное владение земли Новгорода, но Дмитрий Александрович настаивал на «своей воле», грозя новгородцам войной, которую вскорости и развязал. Вместе со своими союзниками он разорил и опустошил новгородские земли. Племена весь, чудь, корела были безжалостно истреблены.

К этому времени относится легенда об уходе «под землю», в пределы богини Макоши Чудной людей чудского племени. Чудь белоглазая, не в силах сопротивляться злобной агрессии новгородских князей, приняла решение покинуть поверхность земли. Легенда далее гласит, что, связанная таинственными узами с русским народом, чудь, загадочно исчезла, «ушла тайными подземельями в неведому страну», обещая вернуться со всеми добытыми сокровищами, когда придет счастливое время, и придут люди из Беловодья, и принесут с собой великую науку, и установят вечный мир на земле без злых князей сорного семени.

Новгородцы были напуганы последствиями истребления окрестного народа. Не все горожане были христианами. Многие верили в Святого Олава, и других языческих Богов, но все знали, что чудь нельзя убивать. Проклятья волхвов чудского племени всегда сбывались и оборачивались страшными карами.

Новгородцы вынуждены были пойти на невыгодный для себя мир, и уступили Дмитрию землю, на которой тот построил для себя крепость. Всё это вызвало неприятие нового властителя и споры в среде горожан и чиновников вечевого города.

Чтобы закрепить на Северо – Западе, Дмитрий отдал свою юную дочь замуж за старого и воинственного литвина Довмонта, который со времен ещё Великого князя Ярослава Ярославича княжил в Пскове, успешно защищая город от набегов местных племен и посяганий Тевтонского Ордена. В житии Довмонта сказано: «испроси за себя князь Довмонт у Великого князя Дмитрия Александровича, дочь княгиню Марью». Была ли согласна с решением отца малолетняя Мария Дмитриевна, никого не интересовало. Дмитрий Александрович создавал коалицию князей, могущую поддержать его в случае новых притязаний брата Андрея. Слезы дочери во внимание не принимались.

А брат Великого князя Дмитрия, Андрей Александрович даром времени не терял. Он, собрав дани со своих городов, отправился в Орду к трону Менгу – Темира. Там, всячески унижаясь и выражая свою покорность и преданность золотоордынской власти, он оговорил Дмитрия перед ханом. Жажда овладеть великим княжением, действовал по наущению костромского боярина Семена Тониловича. В. Татищев пишет: «И многие дары дал хану и князьям ордынским, и всех наполнил богатством, и уговорил, и уласкал всех, и испросил себе княжение великое Владимирское».

Андрей Александрович доказал хану, что Дмитрий не пылает желанием подчиниться сарайской власти, что дань, собранную с «низовской земли» и Новгорода, Дмитрий придержал и не полностью расплатился с казной хана. Самый страшный навет был в том, что, Дмитрий, якобы, собирает рать, не хочет ханскому слову покориться, готовит войну против хана и для этого на Северо – Западе начал строительство военных укреплений. Копорье тому пример.

Хан Менгу – Темир был разгневан не на шутку. Он приказал зятю своему, Федору Чермному, совместно с тверским Михаилом и московским Даниилом, идти на Дмитрия и наказать ослушника. Андрею Александровичу, богато одарившему хана, был выдан ярлык на Великое княжение. А воеводам Кавкадыю и Алчедаю приказано было сопровождать нового Великого князя и оказывать ему военную поддержку.

Князь Андрей, как, когда – то его отец, Александр Невский, повел ордынские полки на отчину Переславль, где засел его старший брат. Дмитрий не стал защищаться и бежал со всей семьей и дружиной в новгородские земли, под прикрытия стен вновь построенной крепости Копорье. Страх русичей перед ордынскими полками был ещё велик, и в открытую борьбу с татарами вступить не решался даже такой опытный воин, как Дмитрий Александрович.

Хитрые новгородцы, узнав о бедственном положении Великого князя Дмитрия, возликовали и выставили против него свои полки у озера Ильмень. Захватив в плен его дочерей и некоторых бояр с семьями, новгородцы вынудили Дмитрия покинуть крепость Копорье. Дмитрий спешно бежал «за море», в Швецию, под защиту старого ярла Биргера. Добродушный швед забыл свою обиду на русского князя Александра Невского, который копьем изуродовал ему лицо во время нападения на посольство в устье Невы. Он принял ко двору сына Александра, Дмитрия, и дал ему укрытие от врагов.

А новые крепостные стены Копорья были разрушены разгневанными новгородцами.

«Татары, пользуясь случаем, напомнили России время Батыево. Муром, окрестности Владимира, Суздаля, Юрьева, Ростова, Твери до самого Торжка, были разорены ими. Они жгли и грабили дома, монастыри, церкви, не оставляя ни икон, ни сосудов, ни книг, украшенных богатым переплетом; гнали людей толпами в плен или убивали. Юные монахини, жены священников были жертвою гнусного насилия. Спасая жизнь и вольность, земледельцы гибли в степях от жестоких морозов. Переславль, удельный

город Дмитрия, хотел обороняться и был ужасным образом за то наказан: не осталось жителя /по словам летописи/, который не оплакал бы смерти отца или сына, брата или друга». ⁶⁴

Случилось это в Рождество Христово 1281 года. Церкви опустели, и вместо церковных песнопений раздавался плач и стоны несчастных людей. Один Андрей, «злой сын отца Великого и любезного России» ⁶⁵, веселился и праздновал с новыми друзьями Кавкадыем и Алчедаем. Совершив преступление против своего народа, новый Великий князь отпустил своих татарских помощников в Орду, передав благодарственные подношения хану Менгу – Темиру. Татарские полки, разграбив «низовские» города, попленив жителей, откатились в степи, уводя на невольничьи рынки караваны пленников, связанных волосяной веревкой за шею.

Андрей Александрович, наконец, стал единоправным владельцем Русской земли.

9. МОСКОВСКИЕ СОБЫТИЯ.

Москва, доставшаяся по наследству Данилке, в двенадцатом веке называлась Кучковым Полем, по имени боярина Степана Ивановича Кучки, который облюбовал холмистую местность, омываемую Москвой – рекой и её притоками. Рассказывают, что Юрий Долгорукий приехал в гости к боярину, и плененный красотой места, и прелестями жены хозяина, велел умертвить Степана Ивановича. Отделенную от тела голову боярина, закопали на одном из холмов и, огородив то место, поставил там город. А чтобы утишить родственников Степана Кучки, Юрий Долгорукий женил своего сына Андрея Боголюбского на прекрасной дочери казненного боярина.

Андрей Боголюбский увез Кучковну в «низовскую землю», а с ней вместе пошли и сыновья боярина Кучки, якобы подружившись с Андреем. Злодейство Юрия Долгорукого, построившего Москву на крови, привело к тому, что братья Кучковичи, сотворив заговор против Андрея Боголюбского, убили его, отомстив за смерть отца. Они хотели дать урок властителям: как бы ни был силен и жесток правитель, окружающие его бояре, советники и слуги, объединившись, могут быть сильнее его. С тех давних пор боярство в Москве всегда было сильнее своего хозяина.

Братья Кучковичи были жестоко наказаны: их закатали в кораб и живыми бросили в озеро близ Владимира. Долго этот кораб плавал по волнам озера, оглашая столами окрестности. С тех пор это озеро называют Плавучим. Такова легенда о начале Москвы.

Но род сильных Кучковичей на том не пресекался. Прошло два века, и младший сын Александра Невского, князь Даниил, получив во владение Москву, также прельстился красотой её местности. Обходя близлежащие веси, Даниил дивился красоте сел, стоявших по Москве – реке и попал на

⁶⁴ Карамзин т.4. стр 75.

⁶⁵ Там же стр 76.

двор боярина Кучки Степана Ивановича, потомка того, убиенного Юрием Долгоруким. Степан Иванович пригласил князя в боярские палаты, предлагая стол и отдых. Даниил принял приглашение. Всё - то нравилось ему в гостях: и столы, накрытые вышитыми пеленами, и посуда заморская, и брашно⁶⁶ вкусное, и меды особенные. А пуще всего понравились Даниилу два отрока юных, сыновья Степана Ивановича. Они прислуживали князю при трапезе и были любезны и обходительны. Вечеру уже, поздно, отправился князь восвояси, а на другой день послал гонца за Степаном Кучкой и его сыновьями. Пришед к князю, Степан Кучка и его сыновья услышали предложение Даниила Александровича:

- Степан Иванович, хочу я, чтобы сыновья твои послужили мне при дворе моём. Одного я сделаю стольником, а другого чашником. Это ли не честь тебе и твоим детям?!

- Благодарю за честь великую, княже, только мы, Кучковичи, зарок Богу дали, не служить князьям. Вы, Рюриковичи, сами по себе, а мы, Кучковичи, сами по себе.

- Не знаешь сам, что глаголешь! Коли не благословишь сыновей своих на службу княжескую, я на тебя войной пойду. Тебя мечом погублю, а села твои красные огнем пожгу! – показал свой нрав Даниил.

Покорился Степан Кучка, отдал сыновей на служение князю, но не велел им соблюдать клятвы верности, данной князю:

- Грех ваш на себя возьму. От креста целования освобождаю вас, дети мои.

Сын Александра Невского, унаследовав от отца крутой нрав, заставил Кучковичей силой служить себе, но последствия того насилия он предугадать не мог.

10..ДВОЕВЛАСТИЕ БРАТЬЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧЕЙ.

Пробыв в Швеции некоторое время, Дмитрий Александрович, сведав, что полки татарские схлынули с русской земли, возвратился в Переславль. Он не желал отказываться от великого княжения. В Переславль начали стекаться бежавшие от татар в леса люди, и Дмитрий, вскоре собрав большие силы, двинулся к Новгороду. Но путь ему преградили дружины Тверского и Московского князей и новгородские полки. Дмитрий Александрович вынужден был отказаться от Новгорода, и дал слово никогда не мстить новгородцам. На том и разошлись.

Но Андрей Александрович вновь обратился к хану. Менгу – Темира уже не было в живых. Ногай, воспользовавшись близостью к хану, однажды ночью совершил переворот, он задушил свою сестру, прекрасную Диджек – хатунь, и убил её мужа, хана Менгу – Темира. После чего возвел на Великую

⁶⁶ Брашно – яство, пища, кушанье, еда, блюдо, хлеб-соль, корм, варево, выть, продовольствие, съестное. В.И.Даль.

кошму Тудана – Менгу, брата убитого хана. Тудан – Менгу был страстным приверженцем ислама, его интересовала сверхестественная сторона вероучения об Аллахе, и он увлекся мистикой. Ногай уверенно шел к Великой власти над всей Золотой Ордой и возвысился до того, что решал все вопросы за своего ставленника.

На этот раз Андрею было выделено три полка татар под предводительством воевод Туры, Темеря и Алына. Ногай «был доволен случаем обогатить своих моголов новым впадением в Россию, где они били людей как птиц, и брали добычу, не подвергаясь ни малейшей опасности».⁶⁷

Вел на Русь эти полки изменник Семен Тонилович. К князю Андрею присоединились полки Тверского князя Святослава и Московского Даниила. «И сотворили зло земли Суждальской тако же, якожь и прежде», пишет летописец. Свой путь к Переславлю, алчные к злодействам и добыче, помощники Андреевы, поливали кровью и освещали огнем пожарищ. Проклятия измученных, доведенных до отчаяния людей, звучали в адрес злобного князя, сына Александра Невского.

Дмитрий, узнав о приближении татарской рати, зарыдал:

- Господи! Видишь ли неправду сию? Видишь ли, что я ни зла не сотворил, ни обиды на братьев моих, за что же они восстают на меня и гонят меня беспрестанно. За что же жаждут мою душу изъять от меня, и дружину мою сию убить, и память мою истребить....

Дмитрий Александрович, понимая, что ему будет трудно противостать силе великой, «с дружиною своею, и с княгинею, и с детьми, и со всем двором бежал в Орду к хану Ногаю на Волгу и, сказав ему всё по порядку, извещая ему со слезами, и многие дары дал ему и всем князьям его. Хан же Ногай выслушал его и держал его во чести»⁶⁸ Н.М. Карамзин справедливо замечает, что «князья российские в самом источнике насилия искали способа защитити себя и жертвовали последними остатками народной гордости для выгод собственного, личного властолюбия».

Князь Дмитрий поверил в могущество Ногая и не ошибся. Ногай не дал Дмитрию полков, но выдал повелительную грамоту, которая подтверждала право князя на Великий стол.

Князь Андрей не дерзнул ослушаться Ногая и признал власть старшего брата. Бывшего темника Батыя, мурзу хана Бергэ, свояка хана Менгу – Темира, советника хана Тудана – Менгу, а ныне хана южной орды, Ногая, боялись все.

Братья сделали вид, что примирились.

Но не примирились бояре братьев Александровичей. Узнав, что крамольник Семен Тонилович ушел в Кострому, бояре Дмитрия бросились за ним вдогонку, подстрекаемые Акинфом. Поруганный Переславль и избитые граждане его взывающие к отмщению были хорошим поводом разделаться с соперником. .

⁶⁷ Н.М. Карамзин. Т.4 стр.80.

⁶⁸ В.Татищев т.3. стр45.

Головорезы, служащие Дмитрию, ночью, тайно проникли в дом Семена Тониловича, который жил спокойно, не боясь врагов, надеясь на мир, заключенный между братьями Александровичами. Связав ему руки, и воткнув кляп в рот, ночные тати вывезли боярина в ближайший лес и, привязав к дереву, стали пытаться:

- Отвечай, крамольник, что замышляет твой господин против старшего брата своего?

Семен Тонилович хоть и был крамольником, но мучителей своих не испугался:

- Я ничего не знаю....

Его начали избивать дубинками. Привязанный к широкому стволу, открытый для ударов, он только охал, не имея возможности защититься.

- Говори! – кричали ему переславцы.

- Братья ссорятся, братья мирятся, мое дело - верно служить тому, кому присягу давал...., - сплевывая кровь, едва шевеля губами, проговорил боярин.

- По твоему наущению твой господин приводил татар на Переславль... Сколько людей полегло, а ты, сучий потрох, по земле спокойно ходишь! Велено убить тебя, как пса....– удары вновь посыпались на голову костромского боярина.

- А ваш господин, чем лучше!? Клялся быть другом младшему брату, сам грозит казнью его ближайшему боярину!?!.... Богом проклятые ... господа наши...

Это были последние слова Семена Тониловича. Удар дубинкой в висок прекратил жизнь человека жестокого, но смелого и решительного. Н.М. Карамзин далее замечает: что это «свойства без коих злодеи не могли бы так часто успевать в своих намерениях».

Во времена правления братьев Александровичей на арену политической борьбы выходят люди из среды княжеских слуг, и летописцы не обходят молчанием их действия. Слабая власть Великих князей породила авантюристов смелых, изворотливых и злобных, приспособившихся к условиям жизни в круговерти кровавых событий того времени. Рождалось русское чиновничество: смышленное, вороватое, жестокое и надменное.

11. МЕСТЬ ЗА ЛЮБОВЬ.

В Сарае происходило одно событие за другим. Ногай объявил, что хан Тудан – Менгу «стал безумен» и приказал убить его. На Великую кошму⁶⁹ Золотоордынского царства был возведен хан Телебуга. Хан Кучи, правивший Белой Ордой, не признал Телебугу ханом и отделился от Золотой

⁶⁹ «Великая кошма» у кочевников имеет смысл королевского трона или «русского стола» (откуда и пошло значение – столица). «Сесть на стол», сесть на трон, «сесть на кошму» означало получить власть. Каждый из кочевых правителей считал свою власть Великой. Потому «Великая кошма» была и в Монголии, и в «Золотой Орде», и в Синей Орде, и в Белой Орде.

Орды, провозгласив себя самостоятельным государем. Начался распад Золотой орды.

Частая смена правителей в Орде не сулила ничего хорошего русским землям. После каждой смены хана русские князья обязаны были идти в Сарай, неся подарки ханским женам, чиновникам, и покупая у очередного повелителя «ордынский выход» - право на княжение в собственной отчине. По всем дорогам из глубин Руси тянулись обозы, груженные добром, собранным с хлебопашцев и горожан. Шли эти обозы под усиленной охраной княжеских слуг, потому как подвергались внезапным нападениям обобранных людей, голодающих и люто ненавидящих как русских правителей, так и золотоордынских.

Два года прошло с той поры, как примирились братья Александровичи, но Андрей не оставил мысли побороть старшего брата. Непримиримого Семена Тониловича уже не было в живых, но семена раздора, посеянные им в душе князя Андрея, разрастались дурным цветом. Другой боярин, Акинф, долго выжидавший, когда освободится место возле его господина, охотно развращал Андрея и потворствовал его низменным слабостям, в том числе и стремлению к первенству во власти.

Воспользовавшись сменой власти в Орде, князь Андрей пошел в Сарай и упросил Ногаю дать ему войско. Ногай был хитер и умен. Он понимал, что пока русские князья дерутся промеж собой, до той поры Золотой Орде суждено царствовать над Русской землей. Ногай выделил Андрею полки татарские под руководством ордынского царевича, видимо, сына Телебуги. Имя этого царевича не сохранилось в анналах истории, но деяния его и разбой его полков вошло в летописи. Это уже было третье нашествие татар на Русь по зову сына Александра Невского, Андрея.

Пользуясь гостеприимством ростовского князя Дмитрия Борисовича, Андрей привел ордынского царевича в Ростов, от которого было одно поприще до Переславля, и стал склонять ростовского князя выступить против Дмитрия. Вели себя ордынцы в древнем русском городе вызывающе. Чувствуя свою силу, татары хотели быть во всем господами и отбирали у местного населения всё, что им на глаза попадалось.

Народ роптал. Не терялись только дети. Ухватив кулачком угол полы кафтанчика, пострелята изображали свиное ухо. Бегая за татарами, кричали: - Эй, господин, свиное ухо! Свинины хочешь!?- и уворачивались от гнева мусульман, презирающих свиное мясо.

К тому времени Великого баскака Руси Амрагана не было уже в живых. Дань баскаки уже не собирали. Это право для себя отстаивали русские князья.

Сын Амрагана, Айдар, жил в Караше со своим семейством, занимаясь хлебопашеством, используя труд рабов. А друг его, Сары – ходжа жил оседло по соседству в Баскачах. Князь Андрей всё порывался с военным татарским отрядом явиться в селение Баскачи к Сары – ходже и отомстить ему за старую обиду.

Дмитрий Борисович, князь Ростовский, отговаривал Андрея идти на Баскачи, но тому хотелось показать свою силу и взглянуть на бывшую невесту. Ретивое уже не болело, но не отмщенная обида тяжелым камнем лежала на сердце, хоть и прошло четверть века с той поры, когда увел татарский баскак Сары – ходжа юную Перелепу из – под носа князя Андрея. Стремясь доказать себе и людям свою мужскую силу, Андрей проводил ночи среди множества наложниц. От советов бояр, жениться и завести наследников, отмахивался. А себе дал зарок тогда жениться, когда станет законным Великим князем Руси.

Татарские чамбулы с двух сторон ворвались в Баскачи. Люди в панике убегали от яростных всадников, рубивших на скаку всё живое. Женщины бежали, прижимая к себе младенцев, издавая истошные крики. Стрелы настигали их.

Андрей крутился на коне, ища глазами Перелепу, и не видел её. Он представлял себе розовощекую, круглолицую, полную жизни белокурую девицу. Не было такой в Баскачах. Он топтал конскими копытами людей, стегал плеткой по головам, пробиваясь к центру селения, к большой белой юрте, видимой издалека. Из юрты выбежали женщины и побежали к лесу. Одна из них, тучная, едва поспевала, тяжело перебирая ногами на ходу. Татарский конник настиг её и хлестнул ногой по голове. Женщина, прикрываясь руками, дернулась в сторону, побежала вдоль улицы, пытаясь увернуться от настигающей смерти. Андрей увидел, как она упала, всё так же прикрывая голову. Татарин догнал её и на ходу вонзил острое копьё в спину. Двумя руками выдернул ствол копья из тела корчившейся женщины и поскакал дальше.

Крики умолкли, а по единственной улице селения потекла кровь, дымясь свежим паром. Тихие стоны умирающих, да плач плененных женщин оглашали воздух.

Андрей подъехал к толпе пленников.

- Где Перелепа, жена Сары – хожи?- он крутил нетерпеливо плетку.
- У Сары – ходжи не было жены именем Перелепа, - ответил боязливый голос, и добавил, - рабыня Перелепа была.
- Где? Где она? – закричал князь, наезжая конем на толпу.
- Среди нас нет, значит, убита, - ответил молодой татарин из толпы пленников.
- Иди и найди её среди убитых. Она мне нужна живая или мертвая.

Татарин нехотя выдвинулся из толпы и пошел под взглядами толпы. Он узким носом кожаного ичига переворачивал трупы женщин, обходя убитых мужчин. Толстая женщина лежала в траве, неестественно запрокинув окровавленную голову. Татарин внимательно всмотрелся в её облик:

- Смотри, княже, это Перелепа.

Андрей спешил, подошел, напряженно всматриваясь в забытые черты. Перед ним лежала старая женщина, с иссеченным морщинами лицом, с набрякшими веками, едва прикрывающими выцветшие серые глаза.

«Это не она...» - хотел сказать Андрей, но губы его не слушались. Он махнул рукой и пошел, сгорбившись, прочь.

12. ИЗГНАНИЕ ИЗ РОСТОВА.

Разгром Баскачей не остался незамеченным Великим князем Дмитрием Александровичем. Он явился в Ростов в силе великой. Полки татарские, выделенные Ногаем в помощь Андрею, были против армии Дмитрия невелики. Царевич ордынский струсил и не стал вступать в военные действия против Великого князя.

Дмитрий не тронул царевича ордынского, но приказал ему покинуть Ростов, а бояр Андреевых попленил. Эти действия Великого князя напомнили ростовцам стародавние времена, когда князья были заступниками народа. На торговой площади собралось вече, как бывало, и порешили изгнать беспокойных гостей из города, а имения им не отдавать. Досталось и тем татарам, которые давно уже жили на ростовской земле и водили дружбу с местным населением. Попали они под горячую русскую руку, их побили, а дома разграбили.

Князь Андрей бросился в Сарай с жалобой на брата и на ростовского князя, надеясь на то, что верховная власть накажет их за непослушание и за взбунтовавшийся народ.

Дмитрий Борисович Ростовский, предвидя неладное, поспешно послал в Орду брата своего Константина Борисовича с дорогими дарами, чтобы оправдать народ ростовский и себя. И Константину удалось отмолить родной город от гнева ханского.

Причиной столь удачного похода Константина Борисовича в Сарай были внутренние раздоры в Орде. Ногай вновь сменил хана. Вместо убитого им Телебуги, он посадил на Великую кошму сына Менгу – Темира и Диджек – хатунь, Тохту.

Тохта хорошо разбирался в интригах золотоордынского двора. Он хоть и был воспитан Ногаем, никогда не забывал, что его отца, Великого Менгу - Темира и мать, прекрасную Диджек – хатунь, в «землю предков» отправил Ногай. Приняв власть из рук ненавистного дяди, Тохта решил раз и навсегда избавиться от этого шакала, прижавшегося к волчьей стае Чингизидов. Учитывая лисьи повадки старого интригана, Тохта тайно начал борьбу против своего опасного врага. В союзники себе Тохта взял опытного дипломата, отважного воина, Федора Чермного, который был мужем его сестры, Юлдуз.

Федор Чермный был рад служить золотоордынскому хану так же верно, как служил его отцу Менгу – Темиру. Пока сыновья Александра Невского дрались за право Великого княжения, ханский фаворит сосредоточил в своих руках не только влияние на владыку Золотой орды, но и огромные средства. Федору Чермному было пожаловано тридцать шесть городов Руси, с которых он собирал дань. Только взоры его были

направлены на Ярославль, родину его первой жены, которым правила его прежняя теща, княгиня Ксения.

Как сыновья Александра Невского ожесточенно боролись за Переславль, так и Федор Чермный жаждал вернуться в город своей первой любви, в город, имевший важное стратегическое значение, стоявший на торговом пути из Северных стран в южные пределы. Ярославль грезился ему, как недостижимая мечта. Федор ввязывался в военные авантюры братьев Александровичей, потому что, это приближало его к стенам Ярославля. Но город Ярославль, управляемый княгиней Ксенией, сильной женщиной, вдовой князя Василия Всеволодовича, умертвленного когда – то во Владимире на съезде князей в 1249 году, не сдавался.

Добившись приема у Тохты, Андрей возвел на своего брата новые обвинения, чтобы получить военную поддержку от хана. Дмитрий был обвинен в сговоре с Ногаем, от которого тот получил военную помощь. Этот навет подтвердили перед ханом другие русские князья: братья Дмитрий Ростовский и Константин Углицкий, зять Федора Чермного Михаил Белозерский и сам Федор. Они утверждали, что Великий князь Дмитрий Александрович, мечтает о самовластии, что он усилился за счет сбора дани, что притесняет своих подданных.

13. ДЮДЕНЕВА РАТЬ.

Младший брат хана Тохты, Дюдень, был сильным воеводой. Он двинул свои полки против «низовской» земли. Андрей и Федор Чермный «указывали Дюденю путь в сердце отечества».

Дмитрий Александрович, узнав о походе на него силы несметной, спешно покинул Переславль, не имея возможным противостоять врагу. Он бежал через Волок в Псков под защиту верного зятя своего, князя Довмонта.

Под предлогом возведения на Великий престол Андрея Александровича, Дюдень прошелся по русским городам: Мурому, Суздалью, Владимиру, Юрьеву, Переславлю, Угличу, Коломне, Москве, Дмитрову, Можайску и многим другим. Он брал города «низовской земли», как неприятельские, хотя никто не думал сопротивляться воле хана, и кровопролития можно было бы избежать.

Андрей Александрович, наконец, добился Переславля. Он въехал в отчинный город победителем, хотя приветствовать его было некому, жители Переславля покинули город, спасаясь от князя в лесах и на болотах. Князь Андрей был разочарован, и как ему казалось, посрамлен. То ли сгоряча, то ли с пьяных глаз, Андрей вдруг отказался от опустевшего Переславля и подарил его своему соратнику Федору Чермному.

Федор был удивлен щедростью Андрея Александровича, но от богатого подарка не отказался. На следующее утро Федор Чермный, двинулся на Ярославль. Впервые за многие годы сопротивления, город,

которому удавалось в течение всего тринадцатого века упорно противостоять золотоордынцам, и успешно отражать набеги татарских чамбулов, пал. Яростные конники летели по улицам Ярославля и на ходу рубили сторонников княгини Ксении.

В 2005 году в археологическом раскопе на месте старого ярославского городища тринадцатого века нашли странное захоронение. 97 останков людей разного возраста лежали в беспорядке, среди них тридцать один ребенок и сорок четыре женщины. У каждого из них были проломлены головы тяжелым ударом, вероятно, булавой, или пробиты копьем, или отрублены мечом. Через семьсот с лишним лет эти люди, павшие жертвою феодальной борьбы русских князей за власть над землей и народами, вновь напомнили о себе.

Ханский фаворит, князь Федор Чермный, был возведен на Ярославский престол.

А Дюденева рать, ведомая князем Андреем Александровичем, рассыпалась по городам и весям Руси, ища ставку бежавшего от брата Дмитрия Александровича.

14. РАЗОРЕНИЕ МОСКВЫ.

Приглядел Данилка себе невесту у московского боярина Юрия. Улита Юрьевна всем хороша была: лицом лепа, станом статна, да на язык востра. Тем и покорила московского князя.

Улита быстро освоилась в княжеских палатах, в един раз став госпожой над городом и людьми. Властолюбивая, вздорная, пышущая здоровьем, она искала забав и утех. Похотливые глаза её остановились на сыновьях Степана Ивановича Кучки, прислуживавших князю за ежедневной трапезой и на пирах. Красотой Кучковичей любовались все. Полюбились они и Улите. В тайне от мужа, «уязвленная блудною похотью, возлюбила красоту лица их, и дьявольским возжелением сжилися любезно», как пишет древний автор сказания о Данииле.

Братья Кучковичи, тешили похоть любвеобильной княгини и хранили молчание.

На Ильин день был праздник велик в Москве, когда к городу подошел Андрей Александрович с Дюденем. Данила обрадовался прибытию сводного брата. Летописец пишет: «... поидоша к Москве и московского Даниила обольстиша, и тако въехаша в Москву, и сотвориша тако же, яко же и Суждалю, и Володимерю, и прочим городомъ, и взяша Москву всю и волости, и села».

Горожане, принаряженные для княжеского пира, веселились на торжище, когда отворились ворота города и по улицам Москвы понеслись остервенелые татарские конники. Люди в страхе разбежались по домам. Но там защиты им не было. Вооруженные ратники врывались в дома, срывали оклады с икон, открывали сундуки и засовывали вышитое шелепетьё за пазухи, лезли под пол в тайные закрома, вытаскивая всё ценное, что имелось в домах московских горожан. Скотину гнали за ворота, собирая в гурты,

чтобы в походе кормить войско. Русичей, что хватались за мечи, рубили без жалости, женщин, и юных отроков волокли в обоз, где сдавали под охрану, как пленников. Даниил смотрел на разгул гостей и глазам своим не верил. Гостеприимство обернулось разбоем. Плач, стоны, проклятья, всё слилось в единый вопль, стоявший в воздухе над Москвой – рекой.

Андреевы ратники не остановились и перед Даниловым хозяйством, ворвались на княжеский двор, хватали всё, что под руку попадет. Разогнали и разворовали скотину, а псарню с охотничьими псами подожгли. Рев, вой и скулеж стояли такие, что сердце князя разрывалось.

Разорив Москву, Андрей и Дюдень покинули пределы города, и ушли на север.

А Михаил Тверской в это время шел из Орды. Не дойдя одного поприща до Москвы, встретил его «некий попинь», который предупредил Михаила, что в Москву идти ему нельзя, что там князь Андрей с татарами. Этот священник вывел дружину князя на «путь мирен», и Михаил поспешил к Твери безопасной дорогой. Граждане Твери были рады прибытию князя и, создав ополчение, встретили Дюденья и Андрея Александровича в силе ратной. Дюденья струсил и повернул на Север.

Нашествие Дюденья сблизили Даниила Московского и Михаила Тверского. Союз свой они сохраняли до самой смерти Даниила.

Стоя на холме, обозревая разорение своего гнезда, Даниил сжимал кулаки от бессилия. Опустившись на землю, прижался спиной к стволу векового дуба. Мысли его были черны от желания творить месть брату Андрею и его соратникам. Внезапно почувствовал, как к его боку прижалось что-то мягкое и теплое. Он обернулся. Щенок пса – выжлеца⁷⁰, чудом уцелевший в московском кровопролитии, преданно смотрел на человека глазами, полными участия.

- Ах, ты, паленый...., - погладил Даниил щенка по шерстке, от которой шел дух гари, - ну, пошли домой. Жить надо....

На улицах Москвы разбирали последствия набега Великого князя с татарами. Убитых людей сносили в братскую могилу. Многие трупы, изрубленные мечами, обезображенные ударами кистеней и палицами, узнать было невозможно. Надо было находить слова утешения для оставшихся в живых, и Даниил находил их.

«Недостойный князь Андрей, быв свидетелем всех злодейств татарских»⁷¹, опустошив Москву, повел Дюденья к Новгороду, куда по донесению соглядатаев, ушел Дмитрий Александрович. Андрей Александрович настиг брата у Торжка, разбил его дружину, отнял казну. Дмитрий едва увернулся и с остатками дружины побежал в Тверь.

Там в Твери при содействии тверского князя Михаила Ярославича состоялось примирение братьев Александровичей. Дмитрий признал право Андрея на Великое княжение, но униженно попросил оставить за собой родной Переславль. Андрей на радостях, что добился, наконец, признания

⁷⁰ Выжлец – ищейная, гончая собака . В.И.Даль.

⁷¹ Н.М.Карамзин т.4 стр.81

братом его прав, отдал Дмитрию Переславль, забыв о том, что сей город, он подарил Федору Чермному.

Федор Чермный не стерпел такой подлости. Он поджег Переславль с четырех сторон, чтобы покончить раз и навсегда с гнездом вздорных, нечестивых Александровичей.

Дмитрий сведал о том уже в последние часы своей жизни. Известие о том, что Переславль сожжен, подкосило силы воина. Он занемог и скончался близ Волока. Н.М.Карамзин отмечает, что это был «государь, памятный одними несчастиями, претерпенными Россиею в его княжение от Андреева безумного властолюбия!»

Смерть брата в 1293 году не огорчила Андрея, а вызвала радость победы над соперником. Родственные чувства, сострадание, жалость были чужды душе сына и наследника Александра Невского.

15. ПЕС ПАЛЕННЫЙ.

Щенок, подобранный Даниилом после Московского разорения Дюденем, вырос в красавца, пса – выжлеца. Он был предан Даниилу так, что не отходил от хозяина ни на шаг, а когда тот уезжал по делам, собаку приходилось запирает на псарне, и тогда пес выл, не спал и не ел.

Улита негодовала:

- Эй, кто там! Успокойте пса! Надоел, надсада!
Выжлеца били, но он, зализывая раны, продолжал скулить.

- Да прогоните его! – приказала Улита в сердцах.

Двери псарни открыли, пёс выскочил наружу, и, низко опустив голову, пошел по следу, обнюхивая землю и отфыркиваясь от незнакомого запаха.

Даниила верный пес настиг в двух поприщах от Москвы, бросился под ноги хозяйского коня, визжал от радости, катался по земле и, подпрыгивая к стремяни, пытался лизнуть сапог хозяина.

- Ах, ты, Паленый! - смеялся Даниил, - как же ты меня нашел?!
Пес был в чести у хозяина, и не было у Даниила более преданного существа, чем Паленый.

- Улита, - обратился Даниил к жене, - если предстоит мне бой с врагом, и коли я убит буду, и не сможете найти меня среди трупов человеческих, или не сумеете опознать меня от ран множества, или, не дай, Господь, в полон возьмут меня татарове, и которою дорогою в кою страну свезут меня живым в свою землю, то пошли дворян моих искать меня с моим псом – выжлецом. Вели им тогда пустить Паленого наперед, а самим за ним ехать. И буду я жив или свезен куда, пес той дорогой найдет меня. А и на поле буду мертв без вести или на побоище убит в трупу многого человеческого, и образ у меня у мертвого переиначится, и не познать меня, а тот пес сыщет без обманки меня и мертвому мне почнет радоваться, и мертвое тело почнет лизать на радостях.

Улита тогда и значения тем словам не придавала. Мало ли что муж болтает, когда за столом сидит и мед хмельной попивает. Вон и слезу пустил от жалости к себе....

16. АНДРЕЙ – ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ, РАЗОРИТЕЛЬ ОТЕЧЕСТВА.

«Наконец властолюбивый Андрей уже мог назваться законным Великим князем Руси. Никто не спорил с ним о сем достоинстве» - пишет Н.М.Карамзин.

«Но мог ли Андрей, разоритель отечества, требовать любви от народа и почтения от князей? Он не имел и тех свойств, коими злодеи человечества закрашивают иногда черноту свою: ни ревностного славолюбия, ни великодушного мужества; брал города, истреблял христиан руками моголов, не обнажив меча, не видав опасности, и пролив множество невинной крови, не купил даже права назваться победителем!» С таким презрением говорит о сыне Александра Невского, Андрее, историк Карамзин.

Пришло время для князя Андрея Александровича исполнить свой обет и подыскать себе достойную невесту..

Между тем Ростов, как поставщик невест для Великих князей, остался верен себе. После смерти ростовского князя Дмитрия Борисовича прозябали сиротами две его дочери, Василиса и Анна. На ростовских княжнах Дмитриевнах и женились Великий князь Андрей и князь Михаил Тверской. Общую «кашу»⁷² богатые женихи чинили в Ростове, а потом повезли молодых жен в свои вотчины.

Два года прошли мирно. В то же время в Москве зрели плоды гнева мизинного Александровича, Даниила, не имевшего силы забыть разорения своего города. Он и восстал против Великого князя Андрея, своего сводного брата. Князья разделились на две партии. За Даниила Московского встали Иоанн Переславский – сын затравленного и умершего Дмитрия Александровича и Михаил Тверской. В другой партии оказались Великий князь Андрей и Федор Чермный.

Таким образом, родные сестры - Василиса Дмитриевна, теперь Великая княгиня и Анна Дмитриевна, княгиня Тверская, оказались в разных политических лагерях.

Видя, что племянник Иоанн Дмитриевич отложился от него, Андрей захотел прибрать к рукам отстроенный после пожара Переславль, но Москва и Тверь встали горой за сына Дмитрия. . Переславль оставили за Иваном Дмитриевичем, а для заключения мира Даниил Московский женил своего сына Юрия на дочери Константина Ростовского.

К тому времени князь Даниил усилился до того, что в 1296 году новгородцы пригласили его к себе на княжение, перед тем прогнав от себя

⁷² «Кашу чинить» - значит творить свадебный пир./др.русск/

наместника Андреева. Не побоявшись гнева Великого князя, новгородцы подчеркивали, что приглашают Даниила на «отчину» т.е. на владения его отца, Александра Невского. Даниил принял приглашение новгородцев и отослал в Новгород на княжение своего малолетнего сына Ивана, будущего Ивана Калиту, с московскими боярами. Тогда же Тверской князь Михаил в своих грамотах называет Даниила своим старейшим братом, т.е. признает его старшинство.

Возвратившись из Орды. Андрей понял, что младший брат Даниил, обошел его. Андрей собрал полки и выступил против брата. Однако у Юрьева Польского путь ему преградили объединенные силы московского и тверского князей. «И замало бою не бысть промеж ними, и взяша мир, и поидоша во своя си». Тогда по «миру», который князь «взяша», Даниил отказался от Новгорода и возвратил Ивана в Москву. А в Новгород на княжение Андрей направил своего сына Бориса Андреевича.

Разорение Киевской, Черниговской, «низовской земли» привело к тому, что население утекало из поруганных волостей, ища спасения на окраинах. А неугомный приобретатель Даниил, зазывал людей в Москву и селил их на новях. Спасаясь от разбоя татар, люди бежали в мало ведомый городок, отдаленный от «низовской земли», ища покоя и мира. Полочане и смоляне, страдавшие от литовских набегов, тоже бежали в Москву. Скудный удел Даниила ширился, обрастал посадами, городскими стенами, и валами. Появились свои ремесленники. Тогда уже на русских торгах выделяться стала московская облитая керамика с замысловатым узорочьем, производившаяся по заказу князя. А князь поспевал везде: суды судил, порядки наводил, с людьми встречался, с ремесленниками рядился.

К 1299 году относится время закладки первого московского монастыря в честь Даниила Столпника.

А в Рязани, граничившей с Москвой, взошел на стол князь Константин, человек вздорный. Он рассорился с племянниками и с боярами, утверждая свою власть. Видя усиление московского княжества, Константин собрал войско, к которому примкнули бывшие полки убитого ханом Тохтой Ногай. После смерти Ногай эти банды промышляли грабежами в степи, граничащей с Рязанскими землями; им было безразлично кому служить, только бы иметь возможность воевать и тем обогащаться.

Даниил узнал от рязанского перебежчика, что князь Константин готовится к войне с Москвой, и опередил его. Он без боя занял Коломну, а под Переславлем Рязанским разбил рязанскую армию. С помощью изменников – бояр, Константин Романович Рязанский был взят в плен и приведен в Москву. За такую услугу бояре рязанские Босоволковы получили почетные места в Московской думе. Ногаевы татары, пришедшие на службу Константину Рязанскому, не получили возможности взять сайгат.⁷³ Они были разбиты и уничтожены московскими полками. . Это

⁷³ Сайгат – военные трофеи.

была первая, негромкая победа русских полков над татарами, она вызвала восхищение современников.

« Таким образом, россияне начинали ободряться и, пользуясь дремотою ханов, издалека острили мечи свои на конечное сокрушение тиранства»⁷⁴.

Даниил предложил Константину Романовичу свободу за отказ от Коломны. Константин упрямо отказывался от невыгодной сделки и просидел в московском плену до самой своей смерти.

Итогом рязанской войны стало приобретение Москвой Коломны, важного торгового центра, расположенного на стрелке рек Оки и Москвы, куда Даниил направил своего посадника.

В 1302 году сын Дмитрия Александровича, кроткий Иоанн, внезапно умер, успев отказать Даниилу Московскому, с которым был в большой дружбе, свою отчину. Таким образом, Даниил получил вдобавок к Москве и Коломне, Переславль. Это было значительное приобретение. Князья – соседи предполагали, что Даниил перенесет свою столицу из Москвы в Переславль. Переславль того времени был вторым по величине и значению городом после Ростова. Но Даниил оставался верен Москве, которую не переставал отстраивать и украшать.

Усиление младшего брата не устраивало Андрея. За Переславль Андрей всю свою жизнь боролся. Упустить отчину, отдать её Даниилу, не входило в планы князя Андрея. Он заявил свои права на Переславль и двинул к городу свою дружину. Но неугомонный Даниил опередил брата. Старший сын его Юрий Данилович оказался раньше в пределах Переславля и сел на его стол при полной поддержке переславцев.

Великий князь Андрей в досаде отправился в Орду вновь искать у хана суда на брата Даниила.

17. ПОЛЯ ДЛЯ ЗАЯЧЬЕГО ЛОВА.

Любвеобильная Улита родила князю уже пятерых сыновей: Юрия, Афанасия, Александра, Бориса и Ивана. Старший, Юрий Данилович, рос среди дружинников отца. Он рано начал осваивать ратное дело, был смел, хитер, изворотлив, настоящий наследник Александрова рода.

Младшему, Ивану Даниловичу, шел пятый годок от рождения. Его пестун, боярин Давыд Тярдемич, видя не согласие Даниила и Улиты, жалел воспитанника, но был строг к нему и обучал мальчика грамоте и счету. Скупость младшего Даниловича проявлялась ещё в раннем детстве. Ванечку почнут прозывать «Ваня – скопи домок». Позднее русский народ назовет своего правителя Иваном – Калитой⁷⁵ за непомерную скупость и приобретательство. В свою калиту, под надежный замочек, захочет Иван Данилович запереть всю Русь, не больше и не меньше.

⁷⁴ Н.М.Карамзин т.4 стр 90.

⁷⁵ Калита – кошель.

Однажды Давыд Тярдемич, как бы невзначай намекнул Даниилу, чтобы опасался он Кучковичей, и рассказал князю легенду о смерти сына Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского, от рук тех, давних Кучковичей. Даниил посмеялся словам старого боярина, сказал, что доверяет братьям и гордится их службой. Только стал приглядываться к слугам, и заметил, что Улита тоже благоволит братьям – красавцам. Красноречивее слов наушников были взгляды княгини, которые бросала она на любимцев Даниловых.

В ту же ночь Даниил пригрозил жене:

- Сошлю в монастырь, Улита.
- Да за какие грехи?! – ахнула княгиня.
- Сама ведаешь....

Долго Улита не могла уснуть от грозных слов мужа. В Москве не было женского монастыря, но был такой в Кашине и Ростове. Княгиня только на миг представила себя монахиней при живом муже и ужаснулась. На утро Улита рассказала Кучковичам про ночной разговор с мужем.

- Извести надо Даниила.... – выдохнула женщина, - нам жизни от него не будет....
- Да можно ли такое?! _ возразил, было один из них.
- В наше время всё можно, - отрубил Улита, - вон в Ярославле княгиня Ксения власть за дочкой взяла, и весь свой век добротню правила. А у меня сыновья подрастают. За ними власть возьму.... Тогда и поживем не хоронясь.

А Даниил в тот же день надумал поля посмотреть для заячьего лова и позвал с собой Кучковичей. Далеко заехали охотники, поле в лес перешло, и впереди дебри стояли густые, дремучие. Стемнело. Даниил развернул коня и в тот же миг увидел, как в руке одного из его любимцев сверкнул нож. Удары один за другим посыпались на князя. Даниил огрел плеткой коня, тот рванул вдоль леса. Услышав по топоту погони, что его настигают, Даниил свернул в сторону, на повороте выпрыгнул из седла и бросился в густой лес. Конь его поскакал дальше, уводя за собой погоню.

Когда братья Кучковичи в густых сумерках нагнали княжеского коня, то поняли, что Даниил ушел от них. Ужас объял молодых бояр. Предчувствие большой беды погнало их в город. Улита ждала вестей от заговорщиков, потому спать не ложилась. Закутавшись в вязаный плат, ходила по горнице, от оконца к двери, и мысли одна тревожнее другой теребили слабое сердце. В темной весенней ночи послышался топот коней. Кучковичи ввалились в горницу, не отерев сапог, не снимая шапок, прошли вперед и сели по обе стороны лавки, притороченной к окну.

- Беда....., Улита! – громким шепотом начал один из них.

Улита выслушала братьев молча. Женщина поняла, что надо найти мужа, живого или мертвого. Но где его искать? Он ведь может уйти лесами в Ростов или Переславль, а то и во Владимир. А потом с силой великой вернется в Москву, суд судить над любезными ей Кучковичами. Да и самой ответ держать придется. Быть повешенной на воротах и

расстрелянной стрелами, жутко не хотелось. А то ещё в землю по плечи живьем быть закопанной....

- Нет! Нет! Нет! – Улита передернула плечами.

Тревожный мрак сгустился так, что дышать стало тяжело, а в сенях ходит кто-то невидимый, слышит разговоры преступные и радуется греху. Сатана! Сатана завладел домом, людьми, душами.... Давно завладел.... Прельстил слабые сердца.... А от дома князьего власть свою над всем городом разнес и дальше, дальше.... И нет от него спасения! Нет спасения!

- Кто там? – старший Кучкович тревожно прислушался к тихому шевелению за дверью, - пойдешь, брат, глянь.

- Сам глянь...., - стуча зубами, огрызнулся младший Кучкович.

На псарне завыл пес – выжлец, сучая по хозяину. Лицо Улиты осенила зловещая улыбка:

- Берите выжлеца на привязь и с ним идите к тому месту, где вы расстались с Даниилом. Пес выведет вас к хозяину. Да запомните: ежели, сыщете его пес живым, тут его смерти предайте без милости! – приказала Улита.

Братья стрелой вылетели из покоя, спеша на псарню. Слившегося с темными стенами сеней боярина Давыда Тярдемича, братья не заметили.

18. СМЕРТЬ НОГАЯ.

Хан Тохта добился своего. В 1299 году с помощью русских войск он нагнал Ногая у реки Кагамлык. Завязался бой, в котором русско – татарские полки одолели ногаеву орду.⁷⁶

Ногай попытался бежать с поля боя, но один из русских воинов бросился за ним в погоню. Как ни был стремителен Ногай, выросший в степи, и с младенчества владевший искусством скачек, но ненависть к нему русского воина, была сильнее. И она гнала русича за тем, кто столько бед принес русской земле и пролил море русской крови. Всадник догнал Ногая и на ходу отсек ему голову, подцепил её копьём, и, развернувшись в обратную сторону, поскакал в ставку Тохты.

Хан был хмур.

- Как посмел ты, рядовой воин, черная кость, убить мужа столь знатного! Отвечай!

- Твой враг – мой враг, о, Великий хан, - с почтением отвечал русский воин. – по приказу Ногая вторглись в мою землю его конники. Они убили мою мать и отца, взяли в плен мою сестру и невесту. Они убили всех моих братьев. Я один остался от всей семьи. Я поклялся отомстить за кровь, пролитую моими родичами. Если я не прав, то прикажи казнить меня.

Хан Тохта взмахнул платком. К воину подбежали турхауды и ухватили его за плечи.

⁷⁶ Г. Вернадский в «Начертании русской истории» на стр.113 пишет: «В 1299 году хан Тохта покончил с влиянием и властью Ногая. Войско Ногая потерпело поражение, а сам Ногай был убит во время битвы одним из русских воинов Тохты. Тохта приказал казнить этого воина, сказав: «Правосудие требует смерти его, чтобы не явился снова кто-нибудь, кто сделал бы подобное этому»

- Это храбрый воин и очень ловкий. Он заслуживает почетной смерти без кровопролития.
Одним движением широких ладоней турхауд повернул голову русича назад. Хрустнул позвонок. Юноша упал на землю.

- Так будет справедливо, - заключил хан Тохта.

Кончился период двоевластия в Золотой Орде, началось довольно спокойное время во взаимоотношениях Руси и Орды. Хан Тохта стал единоправным властелином огромного государства. Он старался четко поддерживать порядок на Руси, и соблюдать законы. Справедливости ради можно сказать, что он запрещал русским князьям вести усобицы, хотя поводов для них возникало много в среде неуживчивых потомков Всеволода «Большое гнездо».

Жалобы русского князя Андрея Александровича на своего сводного брата Даниила Тохта выслушал внимательно, но решения принимать не стал. Андрею оставалось прозябать в Сарае, ища милости чиновников.

19. ПЕРЕВОЗ НА ОКИ - РЕКЕ.

Долго бродил Даниил по темному лесу, только к утру вышел к реке. Боязливо озираясь, ступил на открытый берег. Впереди увидел одинокую лодку, и обрадовался.

Перевозчик хмуро оглядывал человека, вышедшего из леса. Тот едва держался на ногах. Окровавленная одежда висела клочьями, на лице бурыми разводами запеклась кровь, руки дрожали.

- Перевези, добрый человек, на другой берег, - едва собравшись с силами, попросил Даниил.

- А чем отплатишь? – перевозчику был не по нраву этот грязный, избитый бродяга.

- Перевези меня, озолочу....- Даниил теряя силы, опустился на песок.

- Да вы, лихие люди, обманчивы. Как перевези за реку вас, так и поминай, как звали. Уйдите, не заплатя перевозного.

Даниил снял с пальца перстень злат, протянул перевозчику:

- Вот, возьми.

Перевозчик подгрел близко к берегу и протянул весло:

- Поддай – ка перстень на весло перевозное, - хитро прищурился.

Даниил поднялся, потянулся к веслу, осторожно положил перстень и шагнул в воду, что бы забраться в лодку. Перевозчик одним махом смахнул перстень в лодку и оттолкнулся от берега.

- Стой, куда же ты! Стой!

Перевозчик мерно взмахивал веслами, лодка быстро удалялась на другой берег Оки – реки. Надежда уйти от преследователей перерастала в отчаяние.

Даниил побрел к лесу, боясь оставаться на открытом месте. Он долго шел опушкой, держась берега реки, надеясь набрести на добрых людей. Раны в спине затянулись. Кровь больше не текла, но боль усиливалась. К вечеру увидел сруб деревянный, до половины заваленный землей. Даниил

отодвинул сгнившее бревно, и спустился в землянку. Там на широком одре лежал упокоенный мертвый человек. Князь прикрыл лаз гнилым деревом, и «забыв страсть от мертвого», почил «ночь темну до утра».

20. УБИЕНИЕ ДАНИИЛА.

Рассвело, когда в страхе и раскаянии выехали братья Кучковичи с княжьего двора, держа на привязи пса – выжлеца.

- Эх! Лучше было бы нам не мыслить злого дела над князем...., - покаялся один из братьев.

- Ну, коли, бес под руку толкнул нас, так до конца дело довести надобно,- отвечивал второй обреченно.

- Не бес под руку толкнул, а Улита. Наполнил ей дьявол сердце злыми мыслями...

Ругая Улиту, и жалея себя, братья доехали до того места, где накануне ранили Даниила. Спустили с верви пса. Паленый обнюхал талую землю и, взвизгнув, пошел по следу, низко опустив морду и принюхиваясь к запаху знакомых следов.

Пес бежал, а Кучковичи следом ехали, радуясь умной придумке Улиты. Пес выскочил к Оке – реке, обнюхал песок. Кучковичи переглянулись:

- Неужто, за реку ушел?!

На другой стороне реки стояла лодка, привязанная к дереву. Перевозчика не было видно. Кучковичи, что есть силы, кричали, что нуждаются в перевозе, но на другой стороне будто вымерли.

Пес покружился по берегу, вошел в воду, подняв морду, фыркнул, и, сделав несколько прыжков, опять ткнулся носом в песок и пошел, пошел по следу краем леса. У братьев от сердца отлегло. На опушке леса спешились и побежали следом за выжлецом. Руки сами легли на рукоятки мечей.

Пес подбежал к полусгнившей, едва видной над прошлогодними сухими зарослями высокой травы, землянки, и, взвизгивая, заработал когтями. Легко расцарапав прогнившее дерево, засунул морду в отверстие. Заливисто залаял, весело крутя хвостом.

Кучковичи обрадовались не меньше умного пса. Они рубили сгнивший сруб мечами, ветхая щепка летела во все стороны. Выжлец уже был в срубе, когда разобрал часть покрытия, братья увидели князя Даниила, прислонившегося к стене сруба. Глаза его выражали страх и ненависть.

- Копьем его пронзи...., - приказал старший Кучкович младшему.

Тот нехотя повиновался. Длинное копьё с железным наконечником вонзилось в грудь Даниила, пройдя сквозь ребра. Дикий смертельный крик раздался над лесом и рекой. Пес взвыл, бросился на убийцу и в тот же миг был зарублен мечом старшего Кучковича.

Даниил еще дышал, когда с него сорвали одежды, и только потом отрубили голову.

«Кучковы же дети, приехав во град..., и привезли ризу кровавую князя Даниила Александровича ко княгини его, и немного жиша со княгиней той в бесовском вожделении, сотонинским законом связавшись, удручая тело своё блудною любовною похотию, скверня в прелюбодействии».⁷⁷

Улита Юрьевна, испытывая страх перед судом людским, видела, как притихли её слуги, и глаз не поднимают, и от разговоров уклоняются: мол, «меньше знаешь, меньше бредишь». И всё бы ничего, да пропал младший сын, Ванечка, а с ним пестун его Давыд Тярдемич. И где они ныне обитаются, никто не знал.

21. НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ ПОХОРОН ДАНИИЛА.

Князь Андрей Александрович долго добивался в Орде ярлыка на отчинный Переславль, пытаясь отнять его у Даниила. Узнав о том, что его сводный брат и личный враг, Даниил Московский, убит, князь Андрей поспешил на Русь. Настало время нового передела права собственности на русские земли, важно было не опоздать.

Но Даниловичи были не лыком шиты. В Переславле уселся Юрий Данилович в «силе могучей». Историки пишут, что переславцы приняли его с честью и, страшась Андреевых полков, не отпустили от себя Юрия даже на похороны отца.

Давыд Тярдемич, который тайком жил во Владимире у родственников, дождался приезда Великого князя. С низким поклоном старый княжеский пестун доложил господину обо всем, что знал про Улиту и братьев Кучковичей и о том, как готовился заговор против Даниила и о том, что слышал он в ту трагическую ночь в опочивальне княгини, когда был убит московский князь.

Князь Андрей рад был случаю навести порядок в земле, принадлежащей его сводному брату, куда при жизни Даниила путь ему был заказан.

Как пишет автор «Сказания», «и собра князь Андрей в Володимире – граде своего войска пять тысящ.... И слыша... Кучка боярина Стефана Ивановича дети, что идет на них из Володимира – града князь Андрей с войском, и обыде их страх и ужась, что напрасно пролия кровь неповинную». Не имея возможности сопротивляться, бежали они к отцу своему.

Граждане Москвы, пережившие нашествие Андрея с золотоордынцами, ненавидящие Великого князя, на сей раз не стали противиться ему, желая мести убийцам.

От имени граждан выступил пестун малолетнего Ивана, Давыд Тярдемич, и сказал:

- Государь наш, Андрей Александрович, мы не советники тебе, нашему государю, но ведаем, что жена брата твоего сотворила для него злую смерть.

⁷⁷ Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы.

И можем поспособствовать тебе на злых тех изменников, братьев Кучковичей.

Князь Андрей был рад показать свой суд справедливый и скорый. Он приказал взять княгиню Улиту и казнить её «всякими муками различными» и предать её лютой смерти. Москвичи, жаждавшие зрелища, собрались на торжище. Указывая перстом на истерзанную женщину, замученную катами, князь Андрей провозгласил:

- За то, что она, злая, Бога не убоялась и вельмож и людей не усрамилась, и от добрых жен укору и посмешища не постыдилась, мужа своего злой смерти предала, и сама ту же смерть примет.

Улиту обезглавили и сбросили тело её в овраг на «снадение псам».

Три тысячи москвичей присоединились к дружине князя Андрея и со всею силою пошли на боярина Кучка Стефана Ивановича. А вокруг красных сел Кучка не было ни ограды каменной, ни острога деревянного, и немного возмог боярин боем биться с силой князя Андрея и москвичами. Невдолге князь Андрей своею силою одолел приступом села и слободы красные Кучка боярина и самого его и детей его в полон взял. Заковали их в железа крепкие, и казнили вместе с детьми казнями различными лютыми.

Имения боярина и его детей были разграблены войском князя Андрея. Но жечь села даже у окаянного Андрея рука не поднялась. Дивной красоты были те села, красотой своей и выстояли.

Расправляясь с княгиней Улитой и с Кучковичами, мстительные судьи не сразу вспомнили о теле убитого Даниила. Когда все виновники зверского убийства и их приближенные, были уничтожены, встал вопрос о похоронах московского князя. Тело его осталось в струбце, а где тот струбец, никто не знал. В дремучих подмосковных лесах того времени найти вырытую в земле домовину, было невозможным делом. Такую работу мог выполнить только верный пес – выжлец, но он пал в честной борьбе за своего хозяина.

Когда потомок Даниила Московского, Иван Грозный, венчанный на власть 16 января 1547 года, поставил вопрос перед Русской Православной Церковью о прославлении русских святых, в тот же год был созван Собор Русской Церкви. На Соборах 1547 и 1549 г.г. были канонизированы чудотворцы, о которых сохранилась память в народе. Кроме них были канонизированы и члены царской династии: Александр Невский, его отец Ярослав Немудрый, его сын Даниил Московский, и многие другие.

Княжеские особы имели захоронения под сводами Успенских Соборов своих вотчин, которые более или менее сохранились под тяжелыми могильными плитами. А вот с Даниилом Московским произошла заминка.

Могилы его не было. И это дало широкую возможность летописцам и житийным биографам писать так, как позволяла их личная фантазия, но, не отступая от церковных канонов.

Так возникла легенда о смерти сорока двух летнего князя Даниила в своей постели, когда он приказал постричь себя в монахи, и ушел на тот свет смиренным иноком. Одно это уже было признаком его святости. Далее

биографы пишут, что «по смирению своему Даниил завещал похоронить его не в храме, а на общем погосте. В одно время могила его была утеряна». И вот тут я больше верю «Сказанию об убиении Даниила», чем его «Житию».

Могила была утеряна не «в одно время», как пишет автор «Жития», а труп князя, пронзенный оружием Кучковичей, не был сразу найден, и не был похоронен. Ведь преступление слуг произошло в дремучем лесу, в каком – то струбце, где уже был похоронен какой- то покойник. Кроме убийц, дороги к этому струбцу никто не знал. Да и убийцы вряд ли запомнили дорогу к этому месту, ведь их вел пёс – выжлец.

Помнится мне и то, что сын Даниила, Юрий Даниилович, засев в Переславле, не приехал на похороны отца. Просто похорон – то не было. Хоронить было некого. Отпеть, конечно, могли, обряд какой – то совершить заочно могли, но похорон князя Московского точно не было.

И когда автор «Жития» пишет о якобы смиренной скромности Даниила, завещавшего похоронить его на общем погосте, – не верю.

Во - первых, ведь именно при Данииле и на его средства начато строительство Свято – Данилова монастыря. Разве там ему не нашлось бы места? Скромностью Александровы потомки не отличались, и вряд ли Даниил был исключением из рода.

Во – вторых, хороши же дети, внуки и прочие потомки Даниила, что не сохранили могилу пращура и совсем утратили её!

Просто тело изрубленного князя изначально не нашли.

Вот почему царем Иваном Грозным было дано задание разыскать могилу Даниила, родоначальника московской династии Великих князей..

И тут кто-то вспомнил, что однажды при Иване Третьем Горбатом, деде Ивана Грозного, Даниил явился некоему юноше на берегу Москвы – реки, видимо в том месте, где сливаются Ока и Москва, там, где перевозчик обманул Даниила. Он сказал тому юноше:

- Скажи Великому князю Ивану, что он сам всячески себя утешает, меня же забвению предал еси. Аз же есмь господин и хозяин месту сему.

Тогда же, якобы, и была найдена могила Даниила, а Иван Горбатый приказал постоянно служить панихиды у этого места, как у гроба Даниила.

А потомки бояр Шуйских, чтобы угодить Грозному царю, припомнили, что произошло некое чудо и во времена князя Василия Ивановича Третьего, отца Ивана Грозного. Боярин Иван Шуйский, следуя за государем, вознамерился вскочить на коня с камня гроба, но вдруг услышал голос:

- Не дерзай! Тут лежит Великий князь Даниил!

- Мало ли тех князей! – отмахнулся Иван Шуйский, но тут же его конь захрапел и упал замертво. Иван Шуйский едва выбрался из-под рухнувшего коня, чудом остался жив, долго болел, но излечился, когда со слезами обратился к Даниилу Московскому и тот простил его. Так, якобы, вновь была обретаена могила Даниила Александровича.

Чуда у гроба основателя московской династии князей захотел и сам Иван Грозный. На предполагаемую могилу Даниила с молитвами положили больного сына какого – то московского купца. Сын купца тот час же исцелился. Попробовал бы он не исцелиться при Иване Грозном!

Царь Иван Грозный приказал восстановить Свято – Данилов монастырь на берегу Москвы – реки, вернул ему самостоятельный устав и через некоторое время на территории монастыря был воздвигнут и освящен храм Святых Отцов Семи Вселенских Соборов.

Не забавы ради придумывались легенды, жития и сказки о происхождении и святости предков Ивана Грозного, но чтобы утвердить легитимность власти, утвердить её законность. Это было важно для потомков Александра Невского, хорошо помнивших об исконном нарушении порядка передачи власти, о нарушении лестничного права, и отлично знавших, что владеют властью незаконно. Постоянно боясь свержения, и позорной смерти, выпестовали в себе звериную жестокость, чтобы карать несогласных. А в семьях старых бояр из поколения в поколение передавались бывальщины о тайнах не законно полученной власти и призрак бунта жестокого и беспощадного персеждовал всех наследников Александра Невского.

22. КОНЕЦ КИЕВСКОЙ РУСИ.

Отомстив данииловым врагам, и отметившись в Москве, как справедливый судья, князь Андрей созвал съезд князей в том же 1303 году, на котором читали ярлыки – грамоты ханские. Тохта объявлял русским князьям свою верховную волю, призывая их к миру:

«Да наслаждается великое княжение тишиною, да пресекутся распри владетелей, и каждый из них да будет доволен тем, что имеет».

Не смотря на призыв хана Тохты наслаждаться тишиною, Андрей поставил спорный вопрос о владении Переславлем. Не тут – то было! Братья Данииловичи не собирались отдавать земли, приобретенные ещё батюшкой, Даниилом Александровичем, и встали за своё имение горой. Съезд постановил, что Переславль будет числиться в волости Великого князя, но управлять им будет Юрий Даниилович.

В том же 1303 году Юрий Даниилович напал на Можайск, который был уделом Смоленского княжества. С ранней юности Можайском владел Федор Чермный. Сей город достался юному сироте по наследству. Будучи человеком неординарным, высокообразованным и деятельным, Федор начал обустривать захолустный городок и сделал его крупным торговым центром. После смерти Федора Чермного в 1299 году, Можайск перешел во владение его племянника, Святослава Глебовича. Стоявший на западных рубежах Московской земли, Можайск давно привлекал вожделенные взгляды

Даниила и его сыновей. Под напором московских полков Можайск пал. Святослава Глебовича Можайского Юрий взял в плен и привел в Москву.

Теперь в плену у Юрия Даниловича были два русских князя : Константин Рязанский и Святослав Можайский. пытками и лишениями московский князь надеялся склонить дальних родичей подписать договор о передачи своих городов Москве.

27 июля 1304 года скончался князь Андрей Александрович Городецкий, завершив череду смертей сынов Александра Невского.

Н.М. Карамзин пишет: « Великий князь Андрей скончал жизнь свою схимником, заслужив ненависть современников и презрение потомства. Никто из князей Мономахова роду не сделал столько зла отечеству, как сей недостойный сын Невского, погребенный в Волжском Городце, далеко от священного праха родительского»⁷⁸.

«Ужасы естественные и всякие несчастья ознаменовали десятилетнее время его княжения, так же, как и Дмитриево. К числу тогдашних явлений принадлежала комета 1301 года. Были вихри чрезвычайные, засухи, голод, мор, а в некоторых местах и сильные пожары».⁷⁹

В княжение Андреево в 1299 году митрополит Максим переехал со всем клиросом во Владиир из Киева. Разоренный Киев надолго перестал быть центром Юго – Западной Руси. Великие князья уже не имели никакой власти над станами Днепровскими. Киевская Русь перестала существовать.

Бывшая столица Руси, Владимир, лежал в руинах, не имея сил оправиться от набегов Андрея Городецкого. Разоренный Владимир перестал быть вожделенным куском. Он был отдан в управление наследникам Андрея Ярославича, брата Александра Ярославича Невского. Древнему красавцу Владимиру, так и не суждено будет стать вновь столицей русского государства.

Так в тринадцатом веке, из-за распрей сыновей Александра Невского, неумения и нежелания их противостоять истинному врагу, Русь потеряла свои древние столицы – Киев и Владимир. На арену русских событий выходит кровавая незаконная Москва, обиталище младшей ветви наследников Александра Невского, достигшая своего могущества в жестоких разборках с Тверью и другими русскими городами.

ТРЕТЬЕ КОЛЕНО ОТ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО – ВНУКИ. СМЕЛЫЕ ХИЩНИКИ.

Часть третья.

⁷⁸ Н.М.Карамзин т.4 стр 94

⁷⁹ Там же.

«Кто думал – гадал, что Москве царством
бытии, и кто
же знал, что Москве государством слыти?».

Сказание об убиении Даниила
Суздальского и о начале Москвы.

Существуют на свете драгоценности, которые носят в себе злые чары. Тот, кто завладеет такой драгоценной, по меркам человека, вещью, обрекает себя на глубокие несчастья, на кровавые трагедии, на безвозвратные утраты. Красотой, прельстившей Юрия Долгорукова ещё в двенадцатом веке, было урочище Кучково поле на Москве – реке, основанное тысяцким Степаном Кучкой...

Сколь вокруг благодатной земли раскинулось, нехоженных, нетронутых, заповедных мест. А вот, вынь да положи, великому князю, как лебедь белую на блюдо, именно Кучково поле. Суздальский князь учинил кровавую расправу над хозяином Москвы, завладев и красивым местом, и женой, и дочерью убитого. Но счастья Юрию это не принесло. Он умер в 1157 году, отравленный киевлянами. Сын его, Андрей Боголюбский, женившись на дочери Степана Кучки, был убит братьями Кучковичами. Москва, как драгоценный камень, обагранный кровью первого владельца, приносила тем, кто жаждал ею владеть, нескончаемую вереницу бед и мрачного прозябания. Будто кровь Степана Кучки, проклявшего тех, кто позарился на его имение, беспрестанно взывала к мести.

У В.О.Ключевского есть такие строчки: «... Москва носила и другое более раннее название – Куцкова. Название это она получила от местного вотчинника, боярина, и по преданию, суздальского тысяцкого Степана Куцка или Кучка, которому принадлежали окрестные села и деревни и память о котором, замечу мимоходом, сохранилась после в названии московского урочища Кучкова Поля / ныне Сретенка и Лубянка/». ⁸⁰

Лубянка и есть то проклятое место, где зарыты косточки и отделенная от богатырского тела голова несчастного тысяцкого, первого московского землепроходца. Именно Лубянка обмыта кровью бесчисленных жертв московского единовластия, в том числе и жертв страшных сталинских репрессий. Случайность ли это? Или и впрямь, Москва, построенная на крови, всё ещё требует мести во искупление того, первоначального греха Юрия Долгорукого.

Незавидными были судьбы князей, приходивших на Москву править. Плохо кончил молодой московский князь Владимир Юрьевич, который владел Москвой до самого нашествия Батыя. Его, плененного монголами,

⁸⁰ В.О.Ключевский. Сочинения т.2 Стр.7 Я замечу, что возле Москвы имелось ещё урочище Кучково поле В.И.Даль так поясняет это слово: урочище это всякий природный знак, мера, естественный межевой признак: речка, горка, овраг, одиночное дерево или пень.... Значит, урочище это то, что отмечает какое – то урочное место. Вероятно, Кучково поле и было тем урочным местом, где был захоронен несчастный Степан Кучка. Где его похоронить могли, как не в поле возле своего села!? Ну а через 8 веков и Лубянка пришлась тут по месту.

распяли на кресте и так привезли к стенам Владимира, а потом на глазах у матери расстреляли стрелами. В битве с литовцами погиб и другой московский князь, Михаил Ярославич Хоробрит, силой захвативший Москву у дяди своего Святослава. Явно Москва отторгала от себя любого князя, желавшего ею владеть. До Даниила Александровича Москва была небольшим придатком к какому – либо княжению и управлялась наместниками.

Наконец, Александр Невский по духовному завещанию передал Москву Даниилу. Не сразу мизинный сын его стал владетельным князем Москвы, но когда пришел его черед, потомки Степана Кучки расправились с ним, так же, как когда – то с Андреем Боголюбским.

Изначально московский скудный удел переходил по нисходящей младшей ветви рода. А это означало, что о Великом княжении никто из московских князей мечтать не имел права. По прежнему лествичному праву младшие князья никогда не доживали до своей очереди Великого владения. А если среди них рождались хоробриты,⁸¹ правдами и неправдами шедшие к Великой власти, то тогда нарушался ветхий порядок, и наступали смутные времена.

В.О.Ключевский пишет: «Они /московские князья/ являются зоркими наблюдателями того, что происходит вокруг них, внимательно высматривают, что лежит плохо, и прибирают это к рукам. Первые московские князья выступают смелыми хищниками».

Москва, став уделом младшей ветви Александровичей, начала усиленную колонизацию окрестных земель. Имея удобную для заселения территорию, разреженную малыми реками, коих насчитывалось более ста двадцати, московское удельное княжество было той «страной обетованной», куда устремилось, обездоленное войнами, население Руси. И в окраинном московском княжестве Северо – Восточной Руси люди находили относительные мир и покой. В.О.Ключевский пишет: «Это центральное положение Москвы прикрывало её со всех сторон от внешних врагов; внешние удары падали на соседние княжества Рязанское, Нижегородское, Ростовское, Ярославское, Смоленское и очень редко достигали до Москвы. Благодаря такому прикрытию Московская область стала убежищем для крайнего русского населения, всюду страдавшего от внешних нападений».

82

На Ламе возник торговый пункт Волок, построенный новгородцами, который связывал Москву с Окой и Волгой. Через Москву пошли товары, пошлины от которых пополнили казну Московского князя, а сгущенность населения увеличивала количество плательщиков прямых налогов. В казне Даниила зашевелились денежки, но мечтать о Великом княжении мизинный сын Александра пока ещё не мог. Были претенденты на Великое княжение постарше и покруче его.

⁸¹ Хоробрит, хоробрость – храбрость в смысле грубиянства, задорливости. В.И.Даль.

⁸² В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ. Сочинения т.2 стр. 11. М.1957г.

«Вековые обычаи и предания старины не могли быть опорой московским князьям, ибо они были младшей ветвью рода, и это означало их полное бесправие. Но были иные средства, и московские князья раньше и решительнее других сходят с привычной колеи княжеских отношений»⁸³.

Зато московские князья считались не правителями, а собственниками земли. Это к ним на поклон за разрешением поселиться на земле князя приходили насельники, беглые из других волостей. Поэтому Москва никогда не была вечевым городом. Голоса москвичей князь не слышал, а на должности тысяцкого, командира ополчения и судьи, ставились верные бояре не по народному выбору, но по приказанию князя. Власти народа, вечевой демократии, Москва изначально не имела, не признавала, и уже во веки веков не мыслила о таковой.

1. ЮРИЙ ДАНИИЛОВИЧ - ГОСУДАРЬ «НЕДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ».

После смерти князя Андрея Александровича, сын Ярослава Ярославича Третьего и простолюдинки Ксении, Михаил Тверской, заявил о своем праве на Великий престол, так как оказался старшим по возрасту в роду. Но с ним не был согласен его племянник, сын Даниила Московского князь Юрий Даниилович. Оба соперника отправились в Орду просить ханской милости. Ползая в ногах у татарского хана Тохты, они осыпали друг друга обвинениями. Тайком сочиняли наговоры и наветы и хитрыми путями с помощью ханских слуг доводили худые сплетни до высшей власти.

Наконец, спор двух родственников решился в пользу более щедрого просителя, Михаила Тверского. И он в сопровождении татарской рати отправился в Тверь на поставление на Великое княжение. Тверь победила Москву. Но не надолго.

Москва ещё при жизни Даниила начала прирастать пограничными городами, отнятыми у соседних князей. Так в 1299 году Даниил Александрович врасплох напал на Рязанского князя Константина. Он привлек на свою сторону рязанского боярина – изменника Босоволкова, и так победил Константина Рязанского «некоей хитростью», т.е. обманом, взял в плен, и отнял у него Коломну.

Сын Даниила, Юрий в 1303 году хищником напал на Можайск и захватил Можайского князя Святослава Глебовича в плен. Можайск был присоединен к Москве.

Юрий Даниилович унаследовал черты своего прадеда Ярослава Второго Немудрого и деда Александра. Он был жесток, если не сказать кровожаден. Князя Рязанского Константина, плененного еще Даниилом, в 1307 году Юрий приказал убить. Коломну Юрий не вернул Рязани.

В.О.Ключевский пишет: «Московский князь – враг всякому великому князю, кто бы он ни был: казалось, самая почва Москвы питала в её князьях неуважение к прежним понятиям и отношениям старшинства».

⁸³ Там же.

Великий историк не случайно говорит о почве Москвы. О почве, пропитанной кровью, о почве, которая подняла все свои глубинные силы, чтобы известить род Юрия Долгорукого, и его наследников - Всеволода «Большое гнездо» и Ярослава Немудрого, и Александра Невского и их последователей.

Жестокая развязность Юрия Даниловича поражала всех. Этим он превзошел и деда Александра и «злобного» дядю Андрея. Даже братья его, Александр Данилович и Борис Данилович, после подлого убийства Юрием плененного рязанского князя, осудили старшего брата, покинули Москву и отправились в Тверь к врагу Юрия, Тверскому князю Михаилу.

«Не добродетельным» называет Карамзин князя Юрия Даниловича, и это мягко сказано про человека, считавшего особой добродетелью творить зло, и потешаться этим.

2. У ВОЛКА ПАСТЬ ВСЕГДА В КРОВИ.

Хан Тохта был грозным и отважным правителем, спорить с которым за власть в пределах Золотой Орды, не решался никто. А пределы его улуса простирались от берегов Болгарии Дунайской до берегов соленого озера Балхаш. Ногайцы после смерти своего господина Ногая ушли на восток за реку Итиль в бассейн Нижнего Яика, на кочевку племени мангыт и, кочуя там, стали вести себя мирно и покорно.

Тохта видел, что русские князья довольны тем, что над ними существует сила, способная их судить, разбирать их распри, поставлять на престолы. В самом начале четырнадцатого века Русь не представляла опасности для Сарайского хана, она была покорной и преданной, как хозяйская псина.

В далеком волжском городе Ярославле жила родная сестра хана Тохты, княгиня Юлдуз – Анна. После смерти своего мужа Федора Ростиславича Чермного, оставшись вдовой, Анна затосковала по брату, прислала ему поклон с особым гонцом и просила Тохту сняться с места и откочевать в сторону Ярославля. Захотела сестра принять родного брата, как дорогого гостя, чтобы почувствовал он тепло кровного родства, да и заодно посмотрел северные пределы своего улуса.

У степняка Тохты разыграла кровь. Пройти по Волге, посмотреть новые города, потешить душу поклонением людским, принять драгоценные подношения, это ли не развлечение для царской души!

Караван нарядных судов потянулся вверх по Волге, увозя хана в окружении сарайской знати, на север. Вслед за весельными судами шли плоскодонные ладьи, груженные припасами для хана, его жен и свиты. Эти суда тянули шедшие по берегу рабы, обвязанные веревочными лямками. Упираясь ногами в землю, с силой отталкиваясь от неё, пленные мужи под свист бича медленно ползли против течения русской реки. Они не роптали, ибо в душе лелеяли надежду, что, наконец – то окажутся в своих, северных пределах, а Бог даст, увидятся с родными. А коли ослабнет зоркость

турхаудов, так и утечь можно будет. Леса родные прикроют, земля – матушка не выдаст.

На пути ханского каравана стоял Булгар. Великолепный город с множеством мечетей и минаретов. Там, в Булгаре правил родственник Тохты, тоже чингизид, юный хан Узбек, принявший веру Магомеда.

Весь народ сбежался на берег Волги, чтобы приветствовать хана Тохту. Сам Узбек припал к ногам Великого хана и, приложив руку к груди, пригласил Тохту пройти во дворец.

Прием, оказанный Великому хану Тохте, не вызывал никаких сомнений в искренности, с которой Узбек выражал свои верноподданнические чувства. Поэтому Тохта много пил и ел, предвкушая ещё большие удовольствия, когда его проведут в шатер для сна, где его ждет молодая болгарка. У неё светлые волосы, и чистая прозрачная кожа, огромные глаза цвета сливы, вздернутый носик и припухлые приоткрытые губы, готовые шептать нежные слова и ласкать господина жаркими лобзаннями.

Ласки юной болгарки утомили Тохту. Хан откинулся на подушки и подумал, что такой немочи с ним прежде не случалось, неужели старость подступила к порогу его шатра!? Внезапно рвота потрясла его тучное тело. Тохта застонал и изрыгнул принятую днем пищу. Нутро его содрогнулось спазмом и испражнилось на шелковые покрывала.

- Пить, - простонал Тохта, но его никто не услышал. Болгарка исчезла, а стража оставалась за пределами шатра и не имела права входить в ночное обиталище хана.

Только утром стало известно, что Тохта умер. Узбек велел оказать почести умершему хану, весь вид болгарского правителя выражал горе:

- У покойника нет пороков, так гласит народная мудрость, - вновь и вновь повторял он с притворной кротостью.

Приближенные хана Тохты не смели подумать об измене и насильственной смерти своего господина, ибо Узбек по праву чингизида провозгласил себя претендентом на Великую кошму. А у волка пасть всегда в крови...

Со смертью хана Тохты окончилась история монгольской державы Бату хана. Далее Орда выбрала иной путь развития, путь исламизма, который привел её к полному распаду.

3. ВЕСТЬ ЖЕЛАННАЯ.

- Кручина – то с ног собьет! – переговаривались бояре, глядя на почерневшего от зависти к Тверскому князю, Юрия Даниловича.

- Вестимо, ржа железо ест!

- Горюшко - то и без перца дойдет до сердца! - жалела мужа княгиня, дочь ростовского князя Константина Борисовича.

Ещё бабьей жалости не хватало! Юрий оттолкнул руку жены, потянувшуюся к его плечу.

- Нет мне ни смерти, ни живота, пока Мишку Тверского Великим князем кличут! Была бы воля, выжил бы его, как сорную траву с поля! – Юрий с силой стеганул плеткой по кожаному верху сапога, сам поморщился.

- А ты погоди, княже, не всё разом деется, - подмигнул Босоволков, - наш век долог, ещё увидим, чья возьмет.

Босоволков, переметная сума, умел утешить хозяина. Он и напомнил Юрию, как, когда – то его дядя Андрей Ярославич, брат Александра Невского, в столице Монголии, Каракоруме, добился великого Суздальского княжения наперед своего старшего брата. Обошел Александра Невского хитростью, когда на Великой кошме оказалась молодая ханша, найманка Огуль – Гаймыш. Смелые речи находчивого и острого на язык Андрея вызвали интерес монгольской властительницы к молодому русскому князю. Подарки из суздальской казны растопили сердце жадной до подношений женщины. Тайные ночные встречи под сводами золотого шатра закончились полной победой князя Андрея над старшим братом. Именно ему монгольская царица отдала право распоряжаться сокровищами суздальского княжества, а Александру выдала ярлык на разоренный татарами и русскими Киев.

- Вот как твоего деда Александра Невского братец Андрей обскакал. Лестью себе престол добыл.... Ласками да любовью к инородке...

Весть о том, что хан Тохта умер, прилетела в Москву желанной птицей.

- Готовь, княже, дорогие гостинцы и отправляйся на поклон к новому хану! – радовались бояре московские, - да к жене Узбека, Тайдуле, да к сестре его Кончаке.

- Да она, Кончака – то, сказывают, незамужняя, - опять подмигнул Босоволков князю.

Княгиня Юрьева так и застыла, слыша развязные речи окаянного боярина.

4. КОНЧАКА - СЕСТРА ХАНА УЗБЕКА.

Узбек начал править в Золотой Орде с 1312г. Арабы называли его Мухаммед Узбек – хан. Вскоре его царство расцвело за счет внутренней и внешней торговли. Золотую Орду стали называть Страной Узбека или Узбекистаном. Во время войны с хулагидами в Азербайджане и Хорасане, воинов Узбека стали называть узбеками. Позже это название перешло на жителей Сырдарьи, Амударьи и Ферганы.

Мусульманин Узбек близко подружился с султаном Египта, который обращался к Узбеку, как к «султану монголов, кипчаков и турков, красе царей нашего времени, столбу дома Чингисхана».

- Мы служим честно нашим ханам и исповедаем веру Бон. Мы поклоняемся богу Мизиру и чтим память великого Чингисхана, породившего наш род.

Зачем нам чужая вера, Узбек?! – допытывался ответа старейший чингизид у юного мусульманина Узбека.⁸⁴

Хан Узбек не ответил старику, он приказал обезглавить его. На расправу юный хан оказался крут. Семьдесят семей чингизидов в короткий срок казнил хан Узбек за нежелание принять ислам.

Семьи, рожденные от семени Чингисхана, разбегались в разные стороны подлунного мира, страшась злой казни от грозного и фанатичного мусульманина Узбека. Золотая Орда распалась на ханства: Сибирское, Казанское, Крымское, Астраханское, а в Диком Поле появилось множество полубандитских шаек, промышлявших разбоем и работорговлей. Они мешали освоению причерномоских и поволжских степей и были бедствием для Руси начала 14 века.

Проживаясь в Сарае, Юрий Даниилович использовал все те средства, которыми промышляли его старшие родичи для достижения своей цели: оговор противника, подкуп, лесть, клятвы преданности, противное нормальному человеку унижение перед ханом и татарскими вельможами.

Намеки бояр на силу женского влияния в Орде, не пропали в туне. Жена Юрия, бывшая Ростовская княжна, внезапно умерла, освободив место возле князя сестре хана.

- Агушка, скоро привал, повелю шатер поставить посреди степи, любить тебя буду... – шептал на ушко новобрачной жене князь Юрий Даниилович, щекоча русой бородой щечку и шейку молодой татарочке.

Кончака – Агафья, оглядываясь по сторонам, морщилась, принимая ласки нелюбимого супруга.

Три года проживался в Орде князь Московский, три года заглядывал в глаза ей, сестре Великого хана Узбека, задаривал драгоценными подарками, сулил трон русский, и почет княжеский. Не сразу дала согласие Кончака, долго молчала, вытягивая подношения и подарки из рук жениха, наконец, когда Юрий, потеряв надежду, объявил ей, что пора ему восвояси, дрогнула сердцем. Привыкла уже к уважительному почету, к мужской сильной ласке, захотелось любви по-русски, до гробовой доски. И объявила в тот день, что принимает предложение князя и хочет венчаться с ним по русскому обычаю.

Хан Узбек не мог благословить неравный брак сестры с мелким московским улусником. Но Кончака решила задачу просто. Она уговорила брата отдать Юрию право на Великое княжение, тем паче, что обвинения, возводимые Юрием на Михаила Тверского, были тяжкими. Узбек подивился мудрости сестры.

⁸⁴ Чингисхан завещал своим потомкам поклоняться Богу Мизиру и не изменять ему, он наказывал не принимать ни одной из существующих религий, но быть терпимыми ко всем верам на земле. Только тогда Монгольская империя будет вечной. Первым изменил наказам Чингисхана его внук хан Бергэ. Это стоило ему жизни. Хан Узбек уже был фанатичным мусульманином. Он применял репрессии к монголам, не желавшим принять новую веру. Возмущение народа привело к расколу внутри державы и распаду империи.

Скоро был призван во дворец Узбека Сарайский епископ. Кончаку окрестили и дали ей греческое имя Агафья. Узбек не возражал, хотя и был ревностным мусульманином, рассудив, что политика выше религии.

За Кончакой Юрий Данилович взял богатое приданое. Веном явился ярлык на Великое княжение. Хан Узбек не поскупился и дал в провожатые воеводу Кавгадыя с большим отрядом татарских воинов.

5. ВОЙНА С ТВЕРЬЮ.

Москва показалась Кончаке совсем малым городком. На всю Москву было только три больших сооружения и те церкви. А отколь взяться каменным хоромам!? Молода Москва. Впервые стала отчиной Даниилу, а то и за город – то никто не считал. А теперь сын Даниила, ступил на землю отца не только московским правителем, но Великим Князем Руси. Теперь за власть тягается с самой Тверью. То ли ещё будет!

Кончаке полюбилась власть Великая, и она день и ночь нашептывала мужу, что «тая власть отважных богатуров любит и удачливых».

Воевода Узбеков, Кавгадый, сопровождавший новобрачных в Москву, тоже советовал князю поразгуляться по тверской земле, полону взять, казну пополнить и проучить неугомонного дядю Михаила. Наконец, Юрий собрал дружину, ополчение, позвал Кавгадыя с его полками и пошли на Тверь. Кончака ликовала: посмотреть кровавое зрелище откуда – нибудь, с высокого места, это ли не великое удовольствие! Да и сайгатом⁸⁵ разжиться не лишнее.

Узнав о приближении войска московского, Михаил выслал послов. Бояре Тверские с низким поклоном проговорили:

- Князь Юрий Данилович, если угодно царю Узбеку видеть тебя Великим князем, то будь им. Иди на Владимир, и распусти войско, а Михаила оставь спокойно княжить в его вотчине.

Ответом Юрия было опустошение тверских сел и городов до самых берегов Волги. Попленили тверских людишек, обвязали волосняными веревками и повели полураздетых по мороженому полю в стан московского князя. Бояре тверские призвали Михаила взять меч в десницу, и отомстить Юрию, а епископ Тверской вспомнил речь евангельскую:

- Кто положит душу свою за друга, той велик наречется. Да будет всем нам слово Господне во спасение!

В сорока верстах от Твери, при селении Бортново, произошла битва тверичей с Москвой.

Кончака зорко следила за ходом её. А пленные русские, скованные цепью, стоя на коленях, молили Бога за победу Михаила и за своё освобождение. Наконец, Бог услышал молитвы несчастных. Первыми побежали татары. Тверичи нагоняли их и рубили мечами. Юрий нервно дернул за повод коня Кончаки:

⁸⁵ Сайгат – трофей. /монг./

- Бежим, Агафья! Не ровен час, в плен попадем! За мной....

Кончака не ответила, она как замороженная смотрела на живое, колышущееся, стонущее и ревущее море человеческих голов, тел, мечей, копий. Ржание коней, стоны раненых, фонтаны крови, ожесточенные крики дерущихся, не дали азартной царевой сестре вовремя отступить. Она очнулась лишь тогда, когда её коня с силой дернули за поводья, и над ухом разразилось тяжелое русское ругательство. Разгоряченный воин широко открытым ртом всё еще орал какие – то страшные слова, когда женщина очнулась и поняла, что попалась во вражьи руки. Она дернула поводья, вздыбив коня, попыталась увернуться от тверича, но, получила плеткой по спине, охнула и в тот же миг увидела, что окружена со всех сторон.

Потом сорок верст её везли в санях по смороженной дороге на Тверь. Победители сорвали с неё дорогие одежды, даже шелковую исподнюю рубаху сдернули с нагого тела. Теперь она куталась в рваную рогожку, подворачивая под себя застывшие ноги. Произошло это событие 22 декабря 1318 года.

6. СМЕРТЬ КОНЧАКИ.

Перед князем Михаилом предстала босая, простоволосая, почерневшая от стужи, сестра хана Узбека, Кончака – Агафья. Потеряв былое великолепие, она, трясась всем телом, со страхом ждала своей участи. Михаил Ярославич молча всматривался в лицо враждебной ему женщины. Женитьбой на этой Кончаке обошел Юрий в Орде Михаила и взял Великое княжение под дядей. И сейчас Тверской князь жаждал мщения. Под скулами ходили желваки, так велика была ненависть его к Московскому князю и к его несправедливой жене. Рука, вцепившиеся в подлокотник кресла, подрагивала мелкой дрожью. Старая княгиня – матушка, Ксения Афанасьевна, поняла яростные чувства сына. Она положила свою теплую ладонь на сыновнюю руку, с силой сжала:

- Утиши гнев свой, Михаиле...

- Не твой ли брат, Кончака, утвердил меня на Великом княжении? – загремел голос Михаила в сторону пленённой женщины, - Не заплатил ли я в Орду выхода? Не отдал ли сполна царской пошрины? Теперь твой муж не в силах укротить злобы своей и терзает меня в моей вотчине! Почто Юрий ищет головы моей?

Кончака стояла на коленях и, опустив низко голову, молчала, не имея сил сказать что-либо.

- Михаиле, прикажи отвести сестру царя в палаты и дай ей покой, - громко зашептала старая княгиня, предвидя большие неприятности от хана Узбека за пленение его сестры.

Ропта пробежала по боярскому ряду, ненависть ко всему ордынскому была велика. Но послушаться старую княгиню было не в обычае тверских

бояр. Ксению уважали за ум и дальновидность. Тишина установилась быстро.

- Князь Михаил, - наконец проговорила Кончака, - воля твоя, господин, но я не виновна в делах мужа. Прими в любовь меня, - женщина робко взглянула на своего пленителя.

Робость и смирение хитрой Кончаки отозвались тишиной в сердце князя.

- Пусть она будет твоей союзницей, чем врагом, - опять прошептала Ксения.

- Отдаю честь сестре царя Узбека, но не жене московского князя. Желая видеть тебя в доме моём не пленницей, но гостьей. Отведите покои для царевой сестры рядом с покоем моей матушки, княгини Ксении.

В плену у Михаила оказалась не только Кончака, но и сам Кавкадый. Пленного царского воеводу Михаил принял ласково, как гостя. Важный татарин мог пригодиться в будущем. Поэтому Тверской князь творил честь всеми силами. Он запретил убивать пленных татар, устроил Кавгадыню сплошной праздник и подарил подарками. А потом отпустил в Орду с богатым обозом.

На прощание Кавкадый признался, что они с Юрием воевали тверскую землю без повеления Узбека, и обещал быть другом Михаилу, когда тот прибудет в Орду.

Юрий тем временем бежал в Новгород. Рассудив со своими боярами о положении его жены, пленницы Михаила, он решил, что ему подвернулся очень удачный случай подставить князя Тверского под гнев хана Узбека.

Так или иначе, но через недолгое время Кончака занемогла и в одночасье скончалась. Тут же московские бояре и враги тверского князя распустили слух, что Кончака – Агафья была отравлена по повелению Михаила.

Тверскому князю предстояло идти в Орду и оправдываться перед самим царем Узбеком. Мудрая Ксения была права в своих предчувствиях.

7. КОНЕЦ «ОТМОРОЗКА».

На радостях помчался Юрий вновь в Сарай, изображая из себя горем убитого вдовца. Узбек призвал к себе Михаила с ответом. Коварный Кавкадый не только не защитил Тверского князя, но, позабыв его гостеприимство, обвинил Михаила во всех грехах. После долгих мучений, закованного в колодку, князя Тверского, люди Юрия прилюдно убили и обнаженного бросили перед шатром. Даже Кавкадый, не смотря на свою свирепость, был потрясен, увидев нагой труп бывшего Великого князя:

- Он твой дядя. Оставишь ли тело его на поругание? – свергая очами, возмутился Кавкадый.

Только почувствовав осуждение Кавкадыя, Юрий приказал прикрыть тело Михаила. Один из слуг снял с себя верхнюю одежду и набросил на убитого.

Подтвердив право на Великое княжение, Юрий возвратился в Москву, везя в обозе труп Михаила. Боясь возмущения народного, новый Великий князь трусливо приказал гроб Михаила не показывать никому по дороге, в церкви не вносить, а держать его на задворках, преимущественно в хлевах для скота.

Н.М.Карамзин пишет: «Юрий по качествам **черной души** своей заслужил всеобщую ненависть и, едва утвердясь на престоле наследственном, гнусным делом изъявил презрение к святейшим законам человечества»⁸⁶.

Кончил князь Юрий Данилович плохо. Он бежал от войска Тверского князя Дмитрия Михайловича, который жаждал отомстить за отца. Малопроездными путями Юрий направился сперва в Псков, потом в Новгород. Затем, боясь попасть в руки Дмитрия Михайловича, трусливо, как заяц, обошел Русь с севера «от берегов Двины через область Пермскую; сел там на ладью и рекою Камою плыл до нынешней Казанской губернии»⁸⁷.

Юрий искал спасения в Орде. У трона Узбека встретились два непримиримых врага, два двоюродных брата – Дмитрий Михайлович Тверской и Юрий Данилович Московский.

Василий Татищев в «Истории российской» пишет: сын казненного в Орде тверского князя Михаила «пошел в Орду к хану Азбяку (Узбеку) с дарами многими и поведал хану все неравдц про великого князя Юрия, как неправедно с Кавкадыем оклеветали и сами на смерть осудили и убили отца его, и как князь Юрий взял серебро Тверское выходное(т.е. предназначенное хану) и от иных князей и не отдал послу ханскому, но пошел в Новгород и там ещё взял на хана многое серебро; и показал хану ярлыки Юрьевы (расписки) на серебро. Хан же, расспросив князей, бывших в суде великого князя Михаила и слыша неправды Юрия и Кавкадыя, тотчас повелел Кавкадыя так же ругать и мучить, как тот сотворил великому князю Михаилу...»

Дмитрий, видя перед собой убийцу отца, «затрепетал от ужаса, от гнева» и, не страшась ответа, вонзил свой меч в грудь ненавистного врага.

Так бесславно закончил свою жизнь в Орде внук Александра Невского, князь Юрий Данилович, льстивый наушник, кровожадный убийца, трус и преступник, не знавший никаких нравственных принципов.

Так ли уж был свят Даниил Московский, как рисует его церковь в житии, если сын его вырос кощунником, и «отморозком», как называли бы его сейчас.

Хан Узбек наказал Дмитрия Михайловича, который, не дожидаясь суда ханского, самовольно расправился с врагом и убийцей отца. Его казнили в Орде, на глазах собравшейся толпы, всегда жаждущей зрелищ.

⁸⁶ Н.М.Карамзин т.4 стр 97.

⁸⁷ Там же. Стр 113.

Сторонник Юрия Кавкадый тоже был казнен по приказу Узбека. Чтобы подчеркнуть справедливость ханского суда, Узбек передал Великое княжение брату убитого Дмитрия, Александру Михайловичу Тверскому, что сильно не понравилось московскому князю Ивану Калите.

8. ИВАН ДАНИЛОВИЧ – «НЕАСЫТНЫЕ ЗЕНКИ».

Н.М.Карамзин пишет о начале четырнадцатого века: «Говоря о даях, собираемых в России, Узбек именуется поплужную, или с каждой сохи, мостовую, береговую... В таком порабощении находились россияне, всего более угнетаемые ненасытным сребролюбием ханских пошлинников или откупщиков царской дани, между коими бывали иногда и *жиды*, обитатели Крыма, или Тавриды».

Непомерная скупость Ивана Даниловича жаждала похвалы, высокой оценки таких же, как он специалистов по скопидомству. *С жидами*,⁸⁸ которые приходили на Русь в качестве откупщиков, видимо, сошелся накоротке московский князь. Именно от них мог он получить знания по науке финансирования. Так или иначе, в хозяйстве Ивана Даниловича всё было сочтено, записано, приведено в систему. Ивана Калиту можно считать первым профессиональным финансистом Руси.

Пока Юрий околачивался в Орде, растрачивая на подношения московскую казну, младший брат его, Иван, по копейке собирал богатства. Он маялся, соображая, как быстрее разбогатеть, как выделиться из среды удельных князей, гордившихся высоким происхождением и обширными владениями. И придумал верное средство, не без подсказки тех же *жидов* – перекупщиков.

Следовало получить в Орде право собирать дань на Руси одному только князю, и возить её в Орду только ему. При этом часть дани будет «прилипнуть к рукам» и оседать у того, умного князя – сборщика. Было в этом и ещё одно преимущество: другие удельные князья тем самым будут лишены права появляться в Орде перед светлыми очами драгоценного хана без его, княжьего, приказа. Значит, все решения и повеления хана будут проводиться только через того, одного, кто выкупит право сбора дани. Да и наушничать хану на соседей больше нельзя будет без одобрения князя – сборщика. А ведь это и есть **ЕДИНОВЛАСТИЕ** или **ЕДИНОДЕРЖАВИЕ!**

Идея зрела в голове Ивана, но поделиться ею с братом Юрием он не хотел. Это была только его хитрость, и только Иван должен был стать тем единоначальником, единовластником, образ которого он представлял себе и лелеял расчетливым разумом.

Когда весть о смерти Юрия достигла Москвы, Иван Калита понял, что пришел его урочный час. Похоронив брата, он поспешил в Орду за ярлыком на Великое княжение.

⁸⁸ У Татищева под 1321 годом читаем: «Пришел из Орды в Кашин Тянчар татарин с жидовином с должником (т.е. с тем, кто дает в долг) и многую тягость учинили Кашину» т.3 Стр.75.

Но большая власть требует большого греха. Одними деньгами её не купишь.

«А скупить за деньги землю русскую, это сколько ж деньжищ надобно!» - прикидывал Калита. И эта стервозная мысль поселилась в мутной головушке. До Ивана Калиты землю можно было взять боем или в вено⁸⁹ за невестой, но купить за деньги, ни у кого из владетельных князей даже мысли не возникало. Продать землю, всё равно, что продать мать родную. Кошунство. Грех неотмолимый. Дурная блажь.

Калита не брезговал ни мародерством, ни кошунством. Впервые на Руси именно он ввел купчую на землю. Прикупить землю, и согнать с неё старого хозяина было подлейшим изобретением московского князя, уже не боявшегося греха.

Вообще на Руси земли передавались по наследству. Были «вотчины», доставшиеся от отца, были «дедины», т.е. земли доставшиеся от деда. С потерей земли князь и его семья теряли источник существования. Князь становился «изгоем». Он вынужден был наниматься на службу к богатому родичу.

Можно было бы и оправдать как-то Ивана Калиту за его собирательство, но купле земли предшествовало постепенное разорение её хозяина. Сперва обиралась семья князя, семьи его бояр, слуг, его холопов и крестьян под видом сборов «ордынской дани». Делалось это не одним разом и порой, не одним гшодом. Разоряя соседние княжества, Иван Калита имел конечную цель – приобретения земли, на которой он был бы хозяином. Некоторые земли приобретались с помощью военной силы. За Коломну князь Рязанский поплатился жизнью, Можайск был присоединен к Москве после операции устрашения Смоленского князя. Так же были приобретены Звенигород, Серпухов, Руза, Радонеж.

Затем Иваном Калитой были якобы куплены Углич, Галич и Белозерск, а так же множество сел и дероевень в разных княжествах, это давало право присутствия Москве в землях всех русских княжеств. Причем по большинству купчих Калита денег не платил, он получал города и села по договорным распискам. Облагая всех налогом, Калита сам его начислял и делал это так, чтобы обязательно разорить соседей. Впрочем, деньги текли в Москву, земли присоединялись к Московскому княжеству, народ в глубинке нищал, торговля хирела. Вот такой была внутренняя политика «собирателя земли Русской». До сих пор Русь живет по традициям своего первого финансиста, когда глубинка нищает, а Москва «беременеет» деньгами. Всё в мире повторяется.

В.О.Ключевский добавляет: « при Калите и его сыновьях земельные приобретения совершались путем частых любовных сделок, обыкновенно прикупками. Но потом на подмогу этим мирным способам снова пущен был в ход насильственный захват с помощью Орды или без неё. Дмитрий Донской захватил Стардуб на Клязьме и Галич с Дмитровом, выгнав тамошних князей

⁸⁹ Вено – приданое за невестой

из их вотчин. Сын его Василий «умздил» татарских князей и самого хана и на «многое золото и серебро» купил ярлык на Муром, Тарусу, и целое нижегородское княжество, князей их выжил из владений или жаловал их же вотчинами на условиях подручной службы».⁹⁰ Чем не редерство, идущее из Москвы!?

«На всем пространстве окско – волжского междуречья не московскими оставались только части Тверского и Ярославского княжеств да половина Ростова, другая половина которого была куплена Василием Темным»⁹¹

9. СВАДЬБЫ ПО – РАСЧЕТУ.

А в Ярославле горе великое. Скончался князь Давид, сын любимого народом Федора Черного и Анны – Юлдуз. Собрались у его одра князя племени Константинова. Из Ростова прибыли молодые князья Федор да Константин Васильевичи, с северов добрались княжата Федор Романович Белозерский да Василий Романович Сугорский.

Прибыл на похороны родственника и суздальский князь Константин, появился и его личный враг Иван Данилович Калита, князь Московский, со своим выводком - тремя дочками, да тремя сыновьями. Что поминки, что свадьба, главное – вся родня на виду. Случилось это в 1321 году

Плач стоял по всем концам княжества, скорбно тужили люди ярославския по своему князюшке. Давид Федорович, как и батюшка его, князь Федор Черный, стеной каменной стоял за «люди своя», за Ярославль родной, блюдя мир на земле своей. А было ему всего то тридцать два годочка, когда закрылись ясны глазоньки.

Меды старые, перебродившие, выкатили из подвалов. На дворе, на вертелах, крутились телячьи туши над живым огнем. А в печах надворных, что день и ночь пыхтят вкусным дымом, запекались караваи из аржаного теста, так чтобы на всех хватило. Дух жареного мяса и горячего хлеба собрал возле княжьего двора народ ярославский. Хмельная тризна, приправленная грустью, в обычае русского народа и собираются на поминки все, кто знал усопшего и те, кто, может, ни разу и не видел покойника при жизни, но слышал о нем, чтобы сказать слово доброе и пожелать покойной жизни там, в загробном мире.

Иван Калита приглядывался к молодым князьям, прислушивался к речам их, прикидывал с кем из них породниться. Надобно было так пристроить ддочек, чтобы прок был от их замужества. Иван Данилович улыбался радушно, целовался с родней, от умиления слеза аж прошибает, а глаз хитро сигаает из – под полуприкрытого века.

Сыновья умершего Давида Ярославского, Василий и Михаил, не стали делить вотчину на куски малые, а, соблюдая наказ деда, Федора Ростиславича Черного, порешили так: старшему Василию быть Великим

⁹⁰ В.О.Ключевский. Т.2. стр 17.

⁹¹ Там же стр 19.

князем Ярославским, а младшему, Михаилу, отъехать в торговую Мологу и там, на северных рубежах ярославской земли, встать щитом от новгородских ушкуйников.

Иван Калита согласно кивает головой:

- Ай да Давидовичи! Ну, молодцы, ярославцы! Дружны братья!

А у самого душа скребется, мается. С сильной, единой вотчиной трудно тягаться будет. То ли дело Белозерье. Скудны тамошние угоды, и нет у тех князей серебра в их казне. Какое, уж им, царскую пошлину исполнить!? Который год у Москвы да Новгорода в займы берут. А Калите не жаль. «Берите, берите, братья, звонко серебро, только заёмную бумагу вот подпишите. Договор о земле. Не вернете денежки, землей отдадите. Да не робейте, чай свои люди, родная кровь, сочтемся. Отцы – прадеды из одной отчины вывелись, из Всеволодова большого гнезда! Без стола не оставлю. Так и будете сидеть на своих землях». Иван Калита потирает руки. Будут сидеть не князьями отчинниками, а послушными наместниками сильной московской власти! А земелька – то к Москве отойдет!

С Ярославлем труднее. Василий молод, а разумен. Всю землю ярославскую в одних руках теперь держит. И закрома не пусты в Ярославле. Одна Мологская ярмарка чего стоит! Прибыль несметную даёт. Со всего мира съезжаются купцы на Мологу. Столько лодий прибывает, что по ним можно перейти с одного берега Волги на другой. Серебро пудами вешают. Вот и жених для дочки Евдокии. И хоть на похоронах не время о свадьбе глаголить, а намекнуть Василию Давидовичу о женитьбе, надобно.

Калита поискал глазами дочерей. Сидят за столом рядом с молодыми князьями ростовскими, да с Белозерскими, а вот и Михаил Ярославский подошел, присел супротив Евдокии. Что – то говорит братьям двоюродным, они смеются, и подмигивают княженкам. Нет, Михаиле, не для тебя моя дочка Евдокиюшка. Этот цветок в саду Василия высадить надобно, твоего старшего брата.

Так, прикинув выгоду, Иван женил своих дочерей на князьях ростовских, Федоре и Константине. А младшенькую, самую любимую, просватал за Ярославского князя Василия Давидовича.

В Ростов пришел Иван Калита хозяином, как никак, тесть здешним князьям! И началось! Распри, наговоры, сплетни и дележ наследства отцовского. Братья Васильевичи стали друг другу врагами, а город Ростов по самому центру, по речке Пиге, «поделиша надвое». Одна половина города управлялась Федором, другая Константином. Такую распрю заварил Иван Калита не спроста. Разделенное именье легче к рукам прибрать. Что и вышло. В 1331 году после смерти старшего зятя Федора Васильевича, Иван Калита хитростью приобрел Сретенскую половину Ростова, за привилегии Ростовскому князю Константину Васильевичу. Второй зять после смерти брата постоянно упоминается в летописях, как «ростовский князь», только он возглавляет Ростовские полки, он присутствует на междукняжеских съездах, ведает всеми военными и дипломатическими делами княжества и что самое главное, ездит в Орду. Купил его тесть с потрохами и с заветной землёй.

Московские слуги Великого князя, не стесняясь в средствах, выбивали денежки из закровов ростовских бояр. Не привыкшие к чужой власти, ростовцы, было, возмутились, но москвичи дали понять, что старым русским обычаям пришел конец. И почету древних родов тоже пришел конец. Московские хищники громили боярские дома, избивали хозяев жестоко, и даже подвешивали вниз головой, что бы выбить признания о месте схрона богатств, накопленных поколениями ростовских родов. В один миг были разорены многие знатные ростовские семьи.

« Так осмелели в Ростове москвичи, что и самого градоначальника, старейшего боярина ростовского, по имени Аверкий, повесили вниз головой. И подняли на него руки свои, и оставили, надругавшись. И страх великий объял всех, кто видел и слышал это, – не только в Ростове, но и во всех окрестностях его»⁹².

Слуги московского князя действовали как разбойники и бандиты, не щадя никого, не гнушаясь ничем

Ростовский боярин Кирилл, отец будущего святого Сергия Радонежского, обобраный слугами Ивана Калиты, в страхе и нищете, покинул Ростовскую землю и переселился в Радонеж, местечко под Москвой, где правил юный сын Ивана Калиты, Андрей Иванович, который «многие льготы людям даровал, и также обещал уменьшить многие налоги. Из – за этих льгот там собралось много людей, так как из русских земель из-за нужды и несчастья разбежались многие».⁹³

Не «собирателем русских земель» выступает в житии Сергия Радонежского Иван Калита, а хищным и жестоким «разорителем русских земель», несущий нужду и несчастья людям.

Десяти процентная ставка ордынской дани сама по себе не обременительна для народа, но она не заменяла доордынских местных грабительских поборов Рюриковичей, а добавлялась к ним. По существу действовали две системы налогообложения : центральная, ордынская дань и беспорядочные, местные, феодальные поборы, что приводило к всё более глубокому экономическому падению, к острому обнищанию населения.

Иван Калита с разрешения зятя Константина купил возле Ростова село Богородическое и оно превращается уже в отчинное владение московских князей. Создается очаг московского владения Ростовом.

Были другие покупки. Честолюбивый Константин Васильевич Ростовский постепенно разматал земельные владения отчинного края, поддавшись на лстивые посулы Ивана Калиты. Из защитника собственных земель и народа своего наследник ростовских князей превратился в покорного слугу московского князя.

Вторая половина Ростова уже присоединилась к Москве при Иване Третьем в 1474 году.

А Ярославская земля в руки Ивана Калиты не далась. Василий Давидович Ярославский наотрез отказался пускать московских «гостей» в

⁹² Житие Сергия Радонежского

⁹³ Там же.

свои пределы, хоть и молод князь, но умен и достоянье своё, полученное по праву собственности, свято хранил, оберегая отчину и дедину от хищников московских, от ушкуйников новгородских, от разбойников тверских.

Благообразие Ивана Калиты быстро сменилось злостью на ярославского зятя. Он поступает так же, как бывало, его дед, Александр Невский и дядя Андрей Александрович, много зла сотворившие русской земле. Иван Данилович отправился в Орду, и там сотворил донос на Тверского князя и на Ярославского, которые не считаются с ним, Иваном Калитой.

Узбек, выслушал Калиту, приняв от него подарки, и дал ему войско под командованием Ахмыла, который должен был навести порядок в непокорных землях Северного улуса Золотой Орды.

В 1322 году Ярославль был взят приступом. Многие люди его были уведены в плен, а дома и посады погибли в огне. Князь Василий Давидович и после этого не покорился тестю, но стал его вечным врагом.

В «низовской земле» быстро росло недовольство усилением московских князей, их захватнической политикой.

10. ТВЕРСКОЕ ВОССТАНИЕ,

В 1327 году произошло восстание тверичей против ордынской власти. Двоюродный брат Узбека, Шевкал явился в Тверь, занял дворец князя Михаила, и, желая показать свою беспредельную власть над русским народом, начал куражиться. Он грозился убить юного князя Александра, и сесть на Великое княжение, при этом издевательски грозился другие города Руси раздать своим вельможам.

Приближался праздник Успения Пресвятой Богородицы. В Тверь сходились паломники из окрестных сел и малых городов тверского княжества. Выйдя к людям, Шевкал пригрозил, что всех их обратит в Магометову веру, а кто не захочет того, будет казнен. Он красочно описал злую казнь тех, кто не пожелал принять ислам по приказу Узбека.

Окружив князя Александра, бояре, воины, граждане Твери выразили готовность спасти своё отечество, князя и веру православную.

Когда Шевкал со своими слугами удалились на покой, народ не разошелся по домам, но, собравшись на совет, порешили расправиться с вражьей силой.

Утром, только забрезжил рассвет, ордынцы, проснулись от великого шума и звона оружия под окнами Михайлова дворца. Шевкал, окруженный вооруженными воинами, выступил на площадь. «Тверитяне устремились на них с воплем. Сеча была ужасна. От восхода солнечного до темного вечера резались на улицах с остервенением необычайным.... Моголы заключились

во дворце». ⁹⁴Тогда дворец князя Михаила подожгли. Враги сгорели полностью. Никто не спасся.

«Сие дело, внушенное отчаянием, изумило Орду. Моголы думали, что вся Россия готова восстать и сокрушить свои цепи»⁹⁵.

Узбек был сильно напуган, потому принял решение «казнить россиян россиянами». Сделать это вызвался Иван Калита за скромную награду, за ярлык на Великое княжение. Тверь была стерта с лица земли русскими руками по приказу русского князя Ивана Калиты.

Значение восстания в Твери огромно. Узбек, действительно, был напуган русским сопротивлением и после этого он передал полное право сбора дани Ивану Калите, что способствовало всё – таки сосредоточению средств в одной казне и подготовило объединение Руси. Татарские послы стали реже появляться в пределах русских земель, боясь потерять жизни, и только иногда разрозненные разбойничьи чамбулы нарушали покой русичей.

11. ТЮБЕТЕЙКА УЗБЕКА ИЛИ ШАПКА МОНОМАХА.

Царь Узбек остался доволен службой Калиты и его карательными походами против Ярославля и Твери, и за то одарил своего верного слугу венцом - золотошвейной тюбетейкой и таким же халатом, вышитым золотом, с бармами – золотыми цепями и пряжками на плечах. Принятие этого венца является признанием вассальной зависимости от хана Узбека.

К той тюбетейке русскими мастерами были добавлены крест и соболья опушка, и стала та тюбетейка регалией верховной власти.

Позднее при Иване 111, внуке Дмитрия Донского, когда распалась Орда, и союз с татарскими ханами стал считаться бесчестием для русских князей, венец, подаренный Калите Узбеком, стали называть «шапкой Мономаха», лживо утверждая, что он является даром византийского императора. Потомки Александра Невского, и их окружение всегда помнили о том, что Великую власть они захватили хитростью и подлостью, выслуживаясь у трона Ордынских ханов. Когда Золотая Орда окончательно распалась под натиском войска Великого Тимура, тогда московским князьям стало выгодно совсем отмежеваться от бывших господ.

Свидетелей былых унижений в Орде московские князья уничтожали целыми семьями, что бы стереть память о своем ничтожестве. Но регалия, полученная от Узбека, была священной и уничтожению не подлежала.

16 января 1547 года Иван 1У Васильевич, будущий Грозный, в возрасте 17 лет венчался на царство «шапкой Мономаха». Отказаться от венца, полученного от Узбека, было невозможно. Водружение его на главу и означало власть.

Тогда была выдумана легенда о византийском происхождении этой регалии. Это было необходимо русскому царю, что бы раз и навсегда пресечь разговоры о незаконности власти наследников Александра

⁹⁴ Н.М.Карамзин т.4 стр.115.

⁹⁵ Там же.

Невского. Принятие венца от Византийского императора, который являлся главой византийской церкви, означало освящение власти Богом.

У Н.М.Карамзина во 2 томе сочинений, в сноске 220 на стр 288 читаем:

«В повестях рукописных /из коих самая древнейшая, мне известная, писана в начале ХУ1 века/ находится весьма обстоятельная о том **сказка**: вот её содержание: « великий князь Владимир призывает других князей русских, сродников, бояр, синклит, митрополита, епископов, и говорит им:

- Олег, Игорь. Святослав, Владимир, Всеволод брали дань с Константинополя, но греки не хотят ныне дать её: что делать?

- Принудить их, государь! – отвечивал Совет единодушно.

И Владимир отправил послов к императору Константину Мономаху /умершему лет за пятьдесят до того времени/⁹⁶

Сей император с гордостью отвергнул требования россиян, и великий князь велел Мстиславу наказать греков. Мужественный сын его завоевал Фракию и другие Греческие области. Тогда император, видя беду, советовался с патриархом Иларию, /которого не бывало/⁹⁷ и вздумал послать в Киев Ефесского митрополита, Неофита, с другими Святителями и чиновниками: снял с шеи свой животворящий крест, а с головы венец, и положил на золотое блюдо, спросил так же крабицу сердоликовую, /из коей пивал Август Кесарь/, цепь золотую и многие ценные драгоценности; вручил оные послам и велел сказать Владимиру:

- Оставь в покое христиан единоверных; возьми украшения древних царей греческих; будь также царем и моим братом!

Владимир согласился, и Неофит в Соборной церкви возложил на него венец, крест животворящий, порфиру, виссон и гривну золотую, назвав великого князя Мономахом, подобно императору Константину. Наконец, умирая, сей государь российский собрал знаменитое духовенство, бояр, купцов, и сказал им:

- Да не венчают никого на царство от моей смерти! Отечество наше разделено на многие области: если будет царь, то удельные князья от зависти начнут воевать с ним, и государство погибнет. Он вручил царскую утварь шестому сыну своему, Георгию; велел хранить оную, как душу или зеницу ока и передавать их из рода в род, пока Бог воздвигнет царя, истинного Самодержца, в государстве Велико – Российском».

Вот такую **сказку** придумали придворные сочинители времен Ивана Грозного, чтобы оправдать перед историей потомков Александра Невского и утвердить законность незаконно приобретенной власти.

Тюбетейка Узбека, благодаря придуманной легенде, превратилась в «шапку Мономаха», а кто с этим был не согласен, тот сильно рисковал своей жизнью и судьбами своих близких.

⁹⁶ Примечание Карамзина.

⁹⁷ Примечание Карамзина.

12. СМЕРТЬ ИВАНА ПЕРВОГО КАЛИТЫ.

В 1339 году, решив принять меры к смирению русских князей, «князь велики Иван Даниловичь Калита... поиде во Орду з двема сыны своими, с Семеном и Иваном... И тогда царь Азбьяк вскоре посла паки иных татар по князя Александра Тверскаго и по князя Василья Давидовича Ярославскаго, внука Феодорова, правнука Ростиславля, и по иных князей...»

Конечно, очередной донос Ивана Калиты на Александра Тверского, скрывавшегося во Пскове, ничего хорошего не сулил тверскому князю.

Тем не менее, Александр вынужден был идти на суд в Орду с сыном Федором, заручившись поддержкой своего друга Василия Давыдовича Ярославского. Такой поворот дела не устраивал Ивана Калиту. Он боялся, что Тверской и Ярославский князья, объединившись, донесут Узбеку на него, и расскажут о его плутовстве с ордынской данью и беззакониях. Хан Узбек не любил шутить и даже никогда не улыбался, а решения о казни слушника принимал мгновенно после слов доносчика.

Александр Михайлович Тверской и Василий Давидович Ярославский, собрав богатые обозы, двинулись в Сарай. К ним примкнул и Романчук Михайлович Белозерский. Они были решительно настроены, и намеревались доложить хану, как разоряется его Северный улус московскими князьями. А ещё пожаловаться на то, что Калита силой и хитростью захватил спорные вологодские земли, которые принадлежали Ярославлю и Белозерску.

Иван, узнав о том, сильно испугался. Действия князей – Тверского, Ярославского и Белозерского тесно соединенных, могли привести к нежелательному для него обороту дела. Калита, гневаясь на своего непокорного зятя, выслал отряд в пятьсот воинов – оголтелых головорезов, что бы в степи перехватить Василия Давидовича Ярославского и расправиться с ним. Но москвичи были разбиты наголову, и «низовские князья» успешно дошли до Сарая.

Там, в Сараяе, Александр Тверской и его сын Федор за тверское народное восстание были преданы суду ханскому, на котором особенно старался Симеон, старший сын Ивана Калиты. Он пытался вызвать возмущение хана Узбека тверскими князьями и пылко осуждал их, всячески показывая своё рвение и грубу лести своему хозяину. Узбек приказал казнить тверичей. Князей изрубили на мелкие куски. Симеон старался всюю и вместе с катами размахивал острым кривым мечом. Потом ещё долго отпрыску Калики будет мерещиться эта гора парного мяса.

Ярославского же князя Василия Давидовича и Белозерского Романчука Михайловича Узбек выслушал и обещал призвать Калиту для суда.

Калита, поняв, что не может помешать русским князьям жаловаться на него, сильно струсил. Пережив сильный стресс, занемог, и в марте 1341 года скончался.

Хан Узбек, любя поклонение и грубую лесть, допустил ошибку в улусной политике. Он позволил усилиться Москве. Иван Калита, разоряя русские земли, стяжал для Москвы, опустошенные и разоренные имения князей древних русских родов, пока ещё не понимая наметившегося поворота событий в результате насильственного объединения.

Русь, с её бескрайними просторами стала тесной для многих умников, выходцев из мелких княжеских и боярских родов. Лишившись права хозяйствовать на отчинной земле и получив службу в Москве, они толпились перед престолом Великого князя, наступая друг другу на пятки. Никого больше не интересовало, как обустроить и защитить народ русский, а лишь как устоять на том малом месте, которое было выделено Калитой из дружбы, из пожалованья или из выполнения когда – то данного обещания. Боярство тучнело, приобретая черты жестокой бандитской шайки, боясь только одного: потерять расположение московского князя – пахана. Тесно, ох, тесно стало на Святой Руси.... И страшно....страшнее, чем при Батые.

В народе и на окраинах Руси начали созревать семена противления ордынскому игу, и ставленнику хана.

Сам Калита тогда и думать не смел о сопротивлении, понимая, что ордынский дракон работает на него и его семью.

ЧЕТВЕРТОЕ КОЛЕНО ОТ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО - ПРАВНУКИ. БЕЗ ГЕРОИЧЕСКОГО И НРАВСТВЕННОГО ВЕЛИЧИЯ.

/ Четвертая часть/

В.О.Ключевский дает такую характеристику Московским князьям: «Прежде всего, московские Даниловичи отличаются замечательно устойчивой посредственностью – не выше и не ниже среднего уровня. Племя Всеволода Большого Гнезда вообще не блесло избытком выдающихся талантов.... Московские Даниловичи даже среди этого племени не шли в передовом ряду по личным качествам. Это князья без всякого блеска, без признаков, как героического, так и нравственного величия».

Итак, после смерти Ивана Калиты остаются его три сына – Симеон Гордый, Иван Красивый, и Андрей Радонежский. Снарядив богатый обоз, сыновья Калиты выехали в Орду, чтобы выкупить ярлык на Великое княжение.

Хан Узбек, помня заслуги их отца перед ордынской властью, встречает сыновей Калиты радушно и вручает ярлык на Великое княжение старшему Симеону Ивановичу.

Так легко добытая власть вскружила голову Симеону. Он возгордился. Посредственность ума вознесла его гордыню до болезненного состояния. Заключив договор с братьями «быть им за один до живота и безобидно владеть каждому своим», Симеон унижал и притеснял братьев.

«Симеон, в бодрой юности достигнув великокняжеского сана, умел пользоваться властью, не уступал в благоразумии отцу и следовал его правилам: ласкал ханов до **уничжения**, но строго повелевал князьями российскими и заслужил имя *Гордого*».⁹⁸

Пережив притеснения старшего брата, Иван и Андрей Ивановичи возненавидели несправедливость. Ивана в последствии назовут Кротким, а Андрей был так справедлив, что к нему в Радонеж будут стекаться обиженные и обобранные московской властью люди. Карамзин называет их «людьми неизбыточными», т.е. бедными.

К князю Андрею в Радонеж придут Кирилл и Мария, родители двух великих братьев, мыслителей и подвижников четырнадцатого века, Стефана и Сергия Радонежского. Потеряв всё своё имение, бежали они из Ростова от произвола московских чиновников, призванных Калитой опустошить древний центр Северо-Восточной Руси.

С боярином Кириллом ушли из разоренного Ростова другие «многие люди... И были они переселенцами на земле чужой, а в их числе Георгий, сын протопопа со своими родными. Иван и Федор из рода Тормоса, Дюдень, зять его со своими родными. Анисим, дядя его, который в последствии стал дьяконом. Собралось много людей, так как из ростовских земель из-за нужды и несчастья разбежались многие».⁹⁹

Сыновьям ростовского боярина Кирилла, Стефану и Сергию, предстояло сыграть большую роль в политической жизни Руси и подвигнуть народ русский на битву с ордынцами. Они и явились вдохновителями Куликовской битвы.

Сергий будет молещиком за Русскую землю и при жизни обретет святость, Старший брат его, Стефан, после смерти любимой жены отречется от мирской жизни и уйдет в монастырь Покрова Пресвятой богородицы в Хотькове. Там он, будучи игуменом, познакомится с будущим митрополитом Алексием, русским серым кардиналом, управлявшим внешней и внутренней политикой Московского княжества.

Стефан же будет духовником многих знатных боярских семей, приближенных к трону Великого князя, что даст его другу, митрополиту Алексию, успешно ориентироваться во внутренней политике боярской Москвы.

⁹⁸ Н.М.Карамзин. т.4 стр. 142.

⁹⁹ Житие Сергия Радонежского.

1. КНЯЖЬЯ ГОРДОСТЬ - ЧЕРТОВА РАДОСТЬ.

Женат князь Симеон Иванович был на литовской принцессе Айгусте Гедиминовне, в крещении Настасье. Брак этот устроился по расчету. Литва всё больше укрепляла свои позиции на западных рубежах Руси.

« Ему /Гедимину/ удалось захватить русские города Брест и Дрогичи на западном Буге, а так же Турово – Пинское Полесье. Государство Гедимины разрослось от Балтийского моря почти до верховьев западной Двины /Витебск/ и Днепра /Орша/, на юго –западе включая в себя Берестейскую землю, а на юго – востоке доходило почти до Киева. Стольным городом Гедимины были сперва Троки, затем Вильно».¹⁰⁰

Брак московского князя с дочерью Гедимины был необходимым условием безопасности западных границ. Дом семнадцатилетнего Симеона наполнился отвратительными, хоть и безобидными тварями. Язычница от рождения, Айгуста обожала ужей, считавшихся в Литве священными. В Москве они напоминали ей родные края и были приветом с ласковой родины. Ища тепла, ужи заползали под печи, в сундуки, и даже на княжеское ложе под пуховые одеяла.

Симеон терпел причуды жены. Ему нужен был наследник «мужеска пола», чтобы было кому продолжить род, но семя князя пропадало в туне. Четверых погодков родила Айгуста, и все они были девками.

Бог ли разгневался на Симеона за его подлый навет в Орде на Тверских князей, что повлекло смерть их злую, только не было ему радости от Айгустиных деточек.

В начале 1345 года, после десяти лет постылого брака, Айгусты не стало. Пропали и ужи из дома Симеона.

- Уползли под дубовую домовину.¹⁰¹ Как землю стали на крышку бросать, так змеиные хвосты из – под гроба зашевелились, – шептались старухи, крестясь мелко и торопко.

Симеон почувствовал свободу. Он тешился с друзьями – боярами. Но в Литве потехи молодого вдовца приняли за оскорбление памяти Айгусты. Гедимин к тому времени уже умер и на литовский трон уселся его сын Ольгерд, который в отместку Симеону чванливому, стал заигрывать с Тверью и отправил брата своего Конрада к хану Джанибеку, наследнику Узбека, искать помощи против Симеона.

Тут Симеон струсил не на шутку. Имея нрав гордый, он не постеснялся броситься в ноги молодому хану Джанибеку. Он целовал след ноги хана и униженно просил не давать в обиду «верный улус ханский», Московское княжество:

¹⁰⁰ Г. Вернадский. «Начертание русской истории». С.П.2000 стр. 138.

¹⁰¹ Домовина – выдолбленная колода – гроб. /др./

- Ольгерд, опустошил твои улусы на западе. Вывел их в плен. Теперь то же хочет сделать и с нами, твоим верным улусом, после чего, разбогатевши, вооружится и на тебя самого.

С.М.Соловьев пишет, что «хан был столько умен, что понял справедливость слов Симеоновых, задержал Конрада и выдал его московскому князю». Симеон, ликуя и гордясь своим умом, привез Конрада пленником в Москву.

Но за все свои унижения заставил себе целовать ноги. И кого?! Вольных новгородцев, приказав им среди зимы явиться к нему на прием босыми и без шапок, приказал называть себя Великим князем всея Руси.

- Если хотят милости и мира от меня, да придут передо мною посадники и тысяцкие босы и просят при всех князьях на коленях, Пусть они наместника моего чтят и перед ним тоже кланяются. И не садятся, даже если кому велит сесть. Пусть они заплатят выход отца моего и мой, и дадут побор черный со всей земли, и не спросясь меня, ни с кем не воюют.

Такого ещё на Руси не бывало. Но новгородцы исполнили приказ князя - самодура, ворча под нос:

- Гордым Бог противится, а смиренным дает благодать. Во всякой гордости черту много радости.

- Ведаем, что сам хан сотворит всё, что попросит Симеон. Надобно поостеречься.

2. НАВЬЯ ДУША.

Вторую жену Симеон захотел выбрать сам. В Москве, на княжеском дворе устроили смотрины. Со всех концов Руси съехались княжеские да боярские дочки на широк пир. Породниться с сильной Москвой – мечта любого удельного князя, а тем паче, боярина.

Симеон указал пальцем на дочь князя Федора Смоленского, Евпраксию. Как ни закрывалась рукавом, как ни пряталась за спины подружек, высмотрел Великий князь красу ненаглядную. Запричитала, затряслась всем телом:

- Батюшка, родненький, за что наказываешь?!- в ноги отцу бросилась симеонова избранница.

Князь Федор побледнел. С московским князем лучше не связываться. Опасен жестоким лукавством, да силой боярскою. Эх, времечко!

Семен вальяжно опустил на одно колено рядом с Евпраксией, склонил голову для благословения.

Смоленский князь почувствовал, как в ладони ему сунули икону, и торопливо, его же руками водя, крест той иконой сотворили над головами жениха и невесты.

- Благословляю, - прошептал Федор, едва слышно.

Отходную пропели:

Извольте, князь молодой новобрачный,
 Ложиться на кроватку кленову,
 На перину пухову.
 Под одеяло шелково,
 Извольте, князь молодой, новобрачный, исправляться,
 В путь-дорогу отправляться,
 В опочиваленку идти...¹⁰²

И в опочивальню князя повели. Симеон, широко ступая, дернул дверь на себя, переступил порог, пылая страстью, и остановился, пораженный видом своей невесты.

Евпраксия лежала на брачном ложе, скрестив руки на груди, как на смертном одре. Лицо без кровиночки белело на высокой подушке, нос обострился, как у покойницы, глаза остекленело глядели в одну точку.

- Евпраксия, - тихо позвал Симеон.

Невеста не ответила. Не шелохнулась, глазом не моргнула.

Симеон скинул одежды праздничные, разоблачился донага. Юркнул под пуховое одеяло. Рукой нашарил тело жены, прикоснулся, переполненный желанием, и отдернул ладонь. Холодное, неподвижное тело Евпраксии вытянулось, будто заостенело в смертельном сне.

- Мертвец! – схватился за горло Симеон. Удушье подкатило к горлу. Свеча в глубокой нише окна оплыла ярым воском, пламя её трепетало, вот-вот погаснет.

- Навья душа!¹⁰³ Навья! От всех погубленных послана!- прошептал, задыхаясь, камнем свалился с одра.

На четвереньках пополз к двери, от страха ноги не слушались. Через высокий порог кулем перевалился в сторожевую палату. Его подхватили сильные руки, посадили на лавку, прикрыли наготу.

- К отцу, в Смоленск, пусть едет. Убрать с глаз моих! – и перекрестился широко, страшно, будто отгоняя память о погубленных по его приказу, душах тверских князей и многих других, ушедших в иную жизнь по его, Симеонову, навету, - Господи, прости... прости!

Расчлененные останки тверских князей, изрубленных, как на мясо для собак, громоздились кровавой горой. Плачь, стон, истошные вопли.....

Симеон тряхнул головой, чтобы отогнать страшное видение, преследовавшее его с того самого дня, когда Александр Тверской и его юный сын Федор стараниями московских князей, и его, Симеона, стараниями приняли смерть лютую.

Теперь страх божьей кары преследовал иудину душу. Страх... Везде страх... Всегда страх....

Старый вояка, храбрый воевода, Федор Святославич, князь Смоленский, промолчал, когда ему с позором возвратили дочь назад, но затаил на Симеона обиду.

¹⁰² Обрядовая поэзия. Кн.2 стр 219-220.

¹⁰³ Навь – мервец, покойник, восставший из гроба. /др./

Только Евпраксия не горевала. В Смоленске её ждал любимый, князь Федор Красивый. Звали его ещё Федор Большой, князь Фоминский.

«К общему неудовольствию и соблазну правоверных, Евпраксия вышла за князя Фоминского» - пишет Н.М.Карамзин. От второго мужа родила Евпраксия четверых сыновей и была счастлива в замужестве.

В том же 1345 году, когда женился Симеон на Евпраксии, женились и его братья, Иван Иванович Кроткий женился на дочери московского тысяцкого Василия Протасьевича Вельяминова. Андрей Иванович Радонежский взял в жены дочь князя Ивана Федоровича Галицкого / потомка Федора Чермного/, Марию Ивановну.

3. ЧТОБ СВЕЧА НЕ УГАСЛА.

Ненависть Тверского князьего дома и других разоренных гнезд земли русской к московскому князю, тяжелым камнем лежала на сердце Симеона. За ненавистью той, сердцем зверя чуял опасность. Взял в привычку до пьяна не пить, за столом не расслабляться, чутко прислушиваться к пьяным буйным речам да к скрытому шепоту, а паче того приглядываться к тайным переглядам и перемигам. В палатах Московского кремля полно теперь гостей со всех волостей. Разоренные, обедневшие, обмельчавшие князишки толпятся у его, Симеонова, порога, а с ними бояре из разных земель. Друг перед другом заслугами хвастают, долги старые поминают, крохи с московского стола подбирают. От такого сброда можно ждать чего угодно. Ухо остро держать надобно.

Босоволков, хитрая душа, видит всё насквозь. И мученья Симеоновой совести за кровавые преступления, тоже чуёт.

- Княже, у Александра Тверского, что в Орде сгинул, дочь осталась. Сказывают, расцвела, как маков цвет. Может, породниться пора с Тверью. Одним врагом меньше будет. А?

- Митрополит Феогност, чай, не даст разрешения на третий брак, - возражает Симеон, сам понимая, что жениться надобно, чтобы род свой продолжить..

- Да тебе ли, Великому князю Всея Руси, робеть перед митрополитом. Не твоей ли милостью промышляет Феогност?

В Тверь за невестой поехали Василий Босоволков да Андрей Кобыла – верные бояре московского князя.

Княжна Марья Александровна, было, сопротивляться стала. Как ей, дочери убитого отца, любовь свою отдать убийце отца и брата, врагу закланному! Но другой брат её, Всеволод Александрович, просил сестру Христом Богом не отказываться от чести великой. Сам мечтал о примирении с Москвой. Сил у Твери не стало, а поддержка Великого князя и родство с ним близкое должны быть полезны земле Тверской и дому княжескому.

Так, вопреки канонам церкви, вопреки людским пересудам и принципам родовой мести, Мария Александровна стала третьей женой Симеона Гордого и через год в 1348 году родила ему долгожданного сына, которого называли в честь прадеда Даниила Александровича.

Князь Симеон был счастлив. Наконец – то один за другим появились у него трое сыновей. Мария была непрадна четвертым ребенком, когда разразилась беда. Мор, «черная немочь», прошла от южных морей через Европу и Скандинавские страны. Достигла Пскова. Оттуда с епископом Новгородским пришла в Новгород, а из Новгорода по северному торговому пути в «низовскую» землю.

В 1353 году «черная смерть» - чума дошла и до Москвы. Умер митрополит Феогност, благословив на митрополию Алексия, друга Стефана и Сергия Радонежского. Вслед за Феогностом умерли сыновья Симеоновы один за другим. Это великое горе, подкосило силы Великого князя. Он скончался вслед за своими сыновьями, оставив духовную грамоту, где отказывал своей жене Марии Александровне и не родившемуся четвертому ребенку, земли и средства к жизни.

В духовном завещании Симеон наказывал братьям Андрею и Ивану Ивановичам:

« По отца нашего благословенью, что приказал нам жить заодин, так же и я вам приказываю, своей братье, жить заодин; лихих людей не слушайте, которые станут вас ссорить; слушайте отца нашего, владыки Алексия, да старых бояр, которые отцу нашему и нам добра хотели. Пишу вам это слово для того, чтобы не перестала память родителей наших и наша, **чтобы свеча не угасла**».

По этим словам видно, что Симеон боялся смерти и забвения, боялся угасания рода.

Через сорок дней после смерти Симеона, умер его брат, Андрей Радонежский, а ещё через сорок дней у Андрея Радонежского родился сын Владимир, которому суждено будет занять своё место в истории.

Мизинный сын Симеона вскоре после рождения умер, видимо Богу было угодно, чтобы не было потомства у человека погрязшего в жестоких преступлениях предательства, преклонявшегося перед ханами до последней черты человеческой низости и жившего только желанием унижать себе подобных.

4. РУССКИЙ РИШЕЛЬЕ.

«Чтобы свеча не угасла», князь Симеон наказал братьям во всем слушаться митрополита Алексия, человека молодого, но искушенного в интригах и ханского двора, и византийского, и московского.

Крестник Ивана Калиты, Алексей, отправился в Константинополь для поставления на митрополичью должность. Хан Джанибек, сын хана Узбека,

задержал Алексея у себя в ставке. Причина была серьезная – занемогла глазами его мать, ханша Тайдула.

В Сарая помнили «тобчи»¹⁰⁴ о том, как русский митрополит Кирилл излечил сына хана. Было это во времена правления хана Берге, брата Батыя. Хан Берге щедро наградил митрополита Кирилла за чудесное исцеление сына и, хотя был ревностным мусульманином, разрешил поставить православный храм на земле Сарая. Так в 1262 году была учреждена православная Сарайская епархия. Прибывающие в Орду христиане или попавшие в плен люди, могли обращаться к своему Богу. Тогда многие убедились в том, что русский Бог – сильный Бог.

Тайдула потребовала у сына, чтобы тот задержал священника Алексея. Не простая задача стояла перед будущим митрополитом, но в его свите были монахи, ведавшие всё о свойствах трав. Отвар очанки снял загноение с глаз ханши, и старая женщина, наконец – то взглянула на мир просветленно. Алексей крестил Тайдулу и молился за её здоровье.

Лев Гумилев причисляет митрополита Алексея к числу замечательных деятелей, которые «умели найти выход из безнадежной ситуации, не погрешив ни против своей страны, ни против своей совести».

Кратчайшим путем отправил Джанибек посольство Алексея в Константинополь, где тот и был поставлен в русские митрополиты. Эту непростую задачу русский митрополит Алексей решил блестяще. Он с головой окунулся в интриги византийского двора. Имея на руках достаточные средства, Алексей использовал их с умом и оплатил правительственный переворот, после чего и император и патриарх оказались во власти русского митрополита.

Домой Алексей возвратился в 1354 году. Дипломатические способности его проявились в посредничестве между Золотой Ордой и Русскими княжествами. Алексей становится частым гостем в Сарая, где его уважали и чтили.

А Москва управлялась боярами, большинство из которых были родственниками Алексея.

5. ИВАН ВТОРОЙ КРОТКИЙ.

Итак, на Московский престол сел младший сын Ивана Калиты, Иван Иванович.

Н.И.Костомаров называет его «личностью совершенно ничтожной».¹⁰⁵ Замечателен он был только своей привлекательной внешностью, и стремлением к компромиссам.

На его руках остались, два его сына Дмитрий, будущий Донской, и Иван, дочери брата Симеона Гордого, а также племянник Владимир, сын

¹⁰⁴ Тобчи – сказание /монг/.

¹⁰⁵ Н.М.Костомаров Русская история Феникс 1997. стр. 205.

брата Андрея Радонежского. Росли будущие правители земли русской все вместе. Иван Иванович не отличал своих детей от детей братьев.

В годы правления Ивана Кроткого возникла смута в боярском сообществе. Приближенные Великого князя Симеона в его бытность управляли всем государством и боролись промеж собой за лучшие хлебные должности. Приближенные Ивана Кроткого составили новую правящую партию, которая встала на пути бояр почившего Симеона.

Именно в тот период в Москве произошло убийство тысяцкого боярина Алексея Петровича Хвоста.

Алексей Хвост, ненавидя спесивого Симеона, поднял против него и его порядков крамолу и был изгнан из пределов Московского княжества и лишен всего имения. При этом Симеон призвал своих братьев к присяге: не давать службы ни самому Алексею Хвосту, ни его родне. Но братья Симеона, Иван и Андрей, угнетаемые его гордыней, в душе были согласны с крамольником. После смерти Симеона, Хвост явился в Москву к Ивану Кроткому и занял высокий пост тысяцкого, который мог передаваться по наследству. Бояре, служившие Симеону верой и правдой и исполнявшие все его гнусные приказы, остались не у дел.

3 февраля 1357 года тело тысяцкого Алексея Петровича Хвоста было найдено на центральной площади Москвы с признаками насильственной смерти. В Москве поднялся большой мятеж. Бояре Босоволковы и их союзники спешно покинули столицу, и, боясь мести толпы, отъехали в Рязань. А когда мятеж стих, возвратились назад, чтобы не потерять своего влияния на Великого князя.

Здесь мы видим, как зарождалось чиновничество на Руси. Бессовестные, чванливые, корыстные и жестокие мздоимцы, имея перед собой опыт чиновников Золотой орды, они следовали традициям, диких захватчиков и жестоких угнетателей.

Надо сказать, что опыт Золотой орды присутствует в русском чиновничестве до сего дня. Теперь уже по накатанной дорожке чиновник берет мзду и не только не стыдится, но и лихо кичится перед собратом своей ловкостью и жлобством, не имея никакого сочувствия к просителям.

Семя, посеянное князьями династии Александра Невского, дало буйные всходы. Как не провозгласить князей Московских «святыми» и Богопризванными?! Ведь стольким приближенным к верховной власти они дали возможность разбогатеть на нуждах и бедах народа, до которого этим князьям и их вельможам не было никакого дела.

А в орде хан Джанибек был убит своим сыном Бердибеком, а потом и Бердибек был убит своим братом, и началась цепь убийств ордынских правителей. Эту нестабильность называли «большой замятнёй» и ничего хорошего она не сулила русским князьям, привыкшим опираться на сильную ордынскую власть.

Правил Иван Иванович всего шесть лет, до 1359 года, и умер в возрасте тридцати трех лет, оставив после себя малолетних детей. Дмитрию

в то время исполнилось 9 лет, его брату Ивану только 7, их двоюродному брату Владимиру тоже 7. Умирая, Иван Иванович назначил местоблюстителем Московского престола митрополита Алексия, который в это время находился в плену у киевского князя Федора. Поставленный византийским патриархом блюсти не только православную церковь Северо – восточной Руси, но и Киевскую митрополию и Галичскую, Алексий отправился в эти города с инспекторской проверкой. Князь Федор Киевский, исполняя поручение Ольгерда Литовского, не пылал особой любовью к главе русской церкви и намеревался даже убить московского ставленника. Алексею пришлось тяжело в киевском плену, но даже из ямы он сумел руководить московскими делами.

В Орде замятня шла своим ходом. Хан Невруз был убит заяицким ханом Хидырем, а Хидиря убил его сын Темир – Ходжа. Орда распалась на две части. Во главе одной встал хан Абдуллах, от имени которого правил темник Мамай. Вторую часть Орды возглавил Мюрид.

В Орде у трона Абдуллаха собрались все русские князья. Они прибыли с жалобами на утеснения московских князей, и дружно требовали мести наследникам главного притеснителя – Ивана Калиты. По старому дедовскому порядку власть законная должна перейти к суздальским князьям. Но старший Андрей Константинович Суздальский, не захотел купить ярлык. Он объяснил это так:

- Доискиваться ярлыка – потратить только деньги, а потом, когда вырастет Дмитрий Московский, надо будет воевать с ним. А это значит клятву верности, данную его отцу, придется нарушить.

Суздальский князь Андрей Константинович, был потомком Андрея Ярославича, брата Александра Невского, того, что когда – то власть получил от царицы Огуль – Гаймыш.

Суздальский князь ещё соблюдал старые порядки, и нарушить крестоцелование для него было бесчестьем.

Зато его младший брат Дмитрий Константинович, воспользовался случаем и выкупил у хана ярлык на Великое княжение. Казалось, что Московскому царству пришел конец.

ПЯТОЕ КОЛЕНО ОТ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО - ПРАПРАВНУКИ.

/Часть пятая/

« По некоторым чертам можно даже допустить, что он /Дмитрий Донской/ был человек малоспособный, и потому руководимый другими; и этим можно отчасти объяснить те противоречия в его жизни, которые

бросаются в глаза, то смешение отваги с нерешительностью, храбрости с трусостью, ума с бестактностью, прямодушия с коварством, что выражается во всей его истории».

Н.И. Костомаров.

1. ПОБЕДА МОСКОВСКИХ БОЯР.

Но не тут – то было. Сложившийся союз церковной власти и московского боярства не позволил распасться Московскому княжеству. Не для того столько кровушки пролито приближенными московских князей, чтобы вот так, «за здорово живешь», отречься от своих дивидендов. Сам Великий князь был боярским князем, дед его по матери, боярин Василий Вельяминов, занимал главный боярский пост тысяцкого.

Митрополит Алексей, даже сидя в Киеве, в плену, разобрался в сложившейся обстановке. Он благословил Дмитрия на поход в Сарай за ярлыком, но не к Абдуллаху, который выдал ярлык Дмитрию Константиновичу Суздальскому, а к хану Мюриду, стоявшему во главе второй части Орды. Мюрид был доволен, что именно к нему обратились московские бояре и русские князья, поддержавшие Дмитрия Ивановича, и выдал ярлык на Великое княжение малолетнему Дмитрию.

Посадив юных княжичей, Дмитрия Ивановича, Ивана Ивановича, и Андрея Владимировича на коней, бояре во главе многочисленной московской дружины, двинулись на Владимир, где засел Великий князь Дмитрий Константинович Суздальский. Увидав силу московскую, Дмитрий Константинович не стал вступать в бой. Он признал Дмитрия Московского Великим, предложил ему обручиться со своей малолетней дочерью Евдокией, и так всё закончилось миром.

Это была большая победа московских бояр, которые показали, что власть Великого князя полностью зависит от них.

Шел 1362 год. На Руси после чумы вдруг разразился демографический взрыв. В молодых семьях стали рождаться двойни и тройни. Земля русская как бы спешила восполнить своё население, унесенное чумой 1353 года.

2. СОПРОТИВЛЕНИЕ, КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ.

В эти годы начало развиваться монастырское строение. На то были причины. Монастыри не облагались налогами по решению ордынских ханов, поэтому на монастырские земли быстро стекались те, кто не желал платить дань ордынцам. Хлебопашцы, работая на монастырских землях, обогащали монастырские общины, теперь монахи не пухли от голода, не соблюдали вечный пост. С середины тринадцатого века и до конца пятнадцатого века общее число монастырей в стране увеличилось с 50 до 400.

Богатые россияне жертвовали монастырям земли на помин собственной души. «Благочестивый обычай отдавать монастырям села делал монастыри

не только религиозными, но и хозяйственными учреждениями. Надобно вообще заметить, что этот обычай, ослаблявший в последствии строгость монашеской жизни и даже развращавший монастыри, имел в свое время благодетельные последствия : жители монастырских волостей пользовались сравнительно большей безопасностью.»¹⁰⁶ Жертвуя землю, князья и бояре договаривались с монастырем, чтобы на смертном одре их постригли, и в мир иной проводили в святом сане иноков. « ... промышляя о своем животе и душе перед смертью шли в монастырь и постригались в монашеский чин, сподобляясь ангельскому чину, и так предавали души свои пришедшим за ними ангелам». ¹⁰⁷ Таким образом, уже в четырнадцатом веке православная церковь начала торговать святостью и отпущением смертных грехов.

Монастыри были островками относительной свободы для измученного населения. Когда хан Бердибек в Орде прижал митрополита Филарета и потребовал от него дани, Филарет сослался на охранные ярлыки, данные православной русской митрополии прежними ханами. Но Бердибек не хотел считаться с прежними привилегиями русской церкви, и Филарету пришлось от него откупиться деньгами. Целую тысячу серебряных рублей отвалил митрополит за свою свободу. Придя на Русь, митрополит гневно осудил ханское беззаконие и тем самым посеял первые ростки недовольства против верховной власти ордынских ханов, которая до того времени считалась освященной Богом, а потому неприкосновенна.

«Главным элементом идеологии «плена ордынского» являлась вера в то, что гнев Господень есть свидетельство избранности наказанного народа, проявление заботы Бога о его спасении». ¹⁰⁸ Потерпев финансовый урон от хана Бердибека, церковь мгновенно сменила идеологию и одобрила призыв народа к сопротивлению. Такова политика двойных стандартов: когда разоряли и мучили рядового русича, то ему предлагалось терпеть во имя Божие, но стоило задеть интересы сильнейшего феодала – церковь, смиренное терпение татарскому игу перестало быть добродетелью.

Бердибек был тем правителем, который возмутил русское монашество. За монастырскими стенами медленно, но упорно начали зреть антиордынские настроения, которые получили своё распространение в народе. Теперь церковь и народ в противовес московским князьям и боярам соединились в едином желании. Желание это тихо забродило, смутно замаячило в умах, никто ещё не решался выразить это как организованное всеобщее сопротивление ненавистой ханской власти, но процесс пошел. И чем дальше от Москвы, тем упорнее муссировалась идея сопротивления. В северных от столицы княжествах – Белозерском, Угличском, Ярославском, Ростовском, Галичском уже и князья разделяли эти настроения. Все. Кроме Московских князей и бояр. Для них Ордынский хан был надежной опорой и

¹⁰⁶ Н.И.Костомаров т. 1 стр.195.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ А.В.Лаушкин. Идеология Ордынского плена и летописные известия о «Неврюевой рати».

защитой от всех внутренних врагов, выступать против него, было, всё равно, что приговорить себя к смерти.

Наряду с накоплением имения и земель монастырями появилось религиозное движение «нестяжателей», которые утверждали, что церковь не должна злоупотреблять приобретательством. Христос был нищим и не гоже церковникам увлекаться сребролюбием. К таким истинным последователям Христа относился и сын ростовского боярина Кирилла, Варфоломей, в иночестве Сергей Радонежский. Святой Сергей во взглядах своих разошелся даже с родным братом Стефаном, хотя отношения их оставались братскими.

3. «КНИГАМ НЕ УЧЕН ДОБРЕ».

В «Слове о житии и о преставлении Великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского», говорится: «Князь сей, Дмитрий родился от именитых и высокочтимых родителей: был он сыном князя Ивана Ивановича, а мать его – великая княгиня Александра». Летописи описывают его внешность. Был он высок ростом, велик и широк, а так же чреват, т. е. имел большой живот, имел черные волосы и черную бороду.

В 1364 году во время мора умер младший брат Дмитрия, Иван Иванович Малой, а через год умерла их мать Александра. Дмитрий остается один в окружении бояр и митрополита Алексия, которому удалось бежать из – под стражи Киевского князя Федора.

Самыми близкими для юного Дмитрия становятся его двоюродный брат Владимир Андреевич, сын Андрея Радонежского и духовник поп Митяй. Эти двое были посвящены во все дела молодого князя, во все его задумки, и были его сподвижниками не только в делах государственных, но и в личных. Они сопровождали его на игрищах и охотах, которые очень любил Великий князь. А вот чего он сторонился, так это обучения. «Аще и книгама не учень беаше добре», простодушно пишет автор «Слова о житии...».

В 1366 году в возрасте 16 лет Дмитрий женился на Евдокии, с которой был давно помолвлен. Дочь высокообразованного князя Дмитрия Константиновича Суздальского, Евдокия, была и сама образованной и начитанной девушкой. Для мужа – недоросля она казалась идеалом женщины. Летописцы пишут, что жили они в любви и согласии, и этому можно верить, потому что только наследников «мужеска пола» родила Дмитрию Евдокия семь человек, а сколько родилось девочек, в точности не известно.

Известно, что когда возник спор за Нижний Новгород между князьями Дмитрием Константиновичем Суздальским и его братом Борисом Константиновичем, то Дмитрий Московский принял сторону тестя. Он применил политический ход, подключив церковь.

Митрополит Алексей, по существу управлявший государством, отправил в Нижний Новгород старца Сергия Радонежского. Тот попытался уговорить Бориса Константиновича отступить от брата и отправиться в Москву на суд Великого князя. Но Борис не захотел московского суда.

Коварство и жестокость Москвы князя хорошо знали и не верили даже святому старцу Сергию в справедливое решение вопроса. Тогда Сергей, силой власти, данной ему митрополитом, затворил все церкви Нижнего Новгорода и запретил проводить службы. Это означало, что ни рожденные дети не могли быть крещены, ни усопшие покойники не могли быть отпеты и преданы земле. А Суздальский епископ, поддерживавший князя Бориса, был отлучен от должности. От такого решения он вскоре скончался.

По совету бояр, верх у которых держал дед Дмитрия Василий Вельяминов, Дмитрий направил московские полки на помощь тестю. Только после стольких страшных мер, князь Борис сдался на милость брата, и конфликт был исчерпан.

Здесь опять видим, что за Великого князя решают проблемы бояре и церковь, не гнушаясь никакими средствами.

Вообще личность Дмитрия Ивановича, описанная в источниках, крайне противоречива. С одной стороны это святой князь, герой Куликовской битвы, с другой, это человек необразованный, трусоватый, нерешительный.

4. КУЛИКОВСКАЯ БИТВА 1380г.

Недовольство Ордынской властью к концу четырнадцатого века потихоньку переходило во всеобщее сопротивление. Монахи и церковники, князья и крестьяне, войско и прислуга, во всех городах и весях обсуждали отношения русских земель с Ордой. В ученой среде начали ходить грамоты и письма, в народе сказки и озорные частушки на одну тему: нелепости подчинения ханской власти.

Окружение Великого князя Дмитрия Ивановича разделилось на две партии. Одна во главе с его двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским, сыном Андрея Радонежского, смело выступала за открытое сопротивление врагам. Эту партию поддерживали удельные князья и бояре, и большинство населения.

Другая партия, партия заигрывания с ханами, непротивления центральной ханской власти, сгруппировалась вокруг Дмитрия и его ближних бояр.

Следствием антиордынского настроения было убийство ханского посла в Нижнем Новгороде. Посол был убит, но никто из русских князей не явился с повинной к хану. Кроме того, дань ежегодная, шедшая из Русского улуса, резко сократилась. Мамай, правивший за хана, был возмущен. И послал на Русь царевича Арапшу с войском, чтобы наказать Нижегородцев.

Дмитрий Иванович пришел к Нижнему Новгороду, но, не увидев там татарские полки, повернул назад в Москву. Здесь мы видим, что Дмитрий не

выполняет свой главной обязанности – защиты государства и свой земли от внешнего нападения.

Далее автор «Повести о побоище на реке Пьяне» пишет:

« А против татар он /Дмитрий/ послал воевод своих, а с ними рать владимирскую, переяславскую, юрьевскую, муромскую, ярославскую.

..... И собралось великое войско, и пошли они за реку Пьяну. И пришла к ним весть, что царевич Арапша на Волчьей Воде. Они же повели себя беспечно, не помышляя об опасности: одни – доспехи свои на телеги сложили, а другие – держали их во вьюках, у одних сулицы¹⁰⁹ оставались не насаженными на древко, а щиты и копья не приготовлены к бою были. А ездили все расстегнув застежки и одежды с плеч спустив, разопрев от жары, ибо стояло знойное время. А если находили по зажитьям мед или пиво, то пили без меры, и напивались допьяна, и ездили пьяными. Поистине – за Пьяною пьяные! А старейшины и князья их, и бояре старшие, и вельможи, и воеводы, те все разъехались, чтобы поохотиться, утеху себе устроили, словно – они дома у себя были.

А в это самое время поганые князья мордовские подвели тайно рать татарскую из мамаевой орды на князей наших»

Русские были побиты. В реке Пьяне утонул сын Дмитрия Ивановича, Иван Дмитриевич, и много ещё других воинов.

Арапша изгоном¹¹⁰ пошел на Нижний Новгород, который был сожжен, мужское население перебито, а женщины и дети угнаны в полон.

Это поражение не напугало русских. В 1378 году Мамай вновь послал на Русь отряд Бегича. Выйдя на встречу врагу, русские приняли бой и победили на реке Воже.

Это взбесило Мамай. Куликовская битва оказалась неизбежной.

Партия Владимира Андреевича Серпуховского готовилась к решающей битве. На войну были призваны дружины «низовской земли». Люди ждали призыва и откликнулись на него, как один.

В «Слове о Великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче, как победили супостата своего царя Мамай», перечисляются дружины, принявшие участие в Куликовском походе: московская, белозерская, новгородская, коломенская, серпуховская, переяславская, костромская, владимирская, суздальская, муромская, рязанская, ростовская, дмитровская, можайская, звенигородская, угличская. Поистине, поднялась вся земля русская.

По - другому вел себя Дмитрий Иванович. Всплеск народного самосознания не мог радовать его. Московская власть изначально созданная на несправедливой основе, могла пошатнуться. Земли, с таким трудом

¹⁰⁹ Сулица – старинное ручное, холодное оружие, род копья или рогатины, также мётное копьё. В.И.Даль.

¹¹⁰ Пошел изгоном, когда войско идет без обременительных обозов, и «гонит» на большой скорости, затем появившись неожиданно, вступает в атаку.

собранные поколениями московских князей – захватчиков могли освободиться от ненавистной московской власти так же, как и от ордынского ига. Это сознавали и бояре московские, приближенные к Великому князю.

Тем не менее, остановить движение народа за своё освобождение было невозможно. И когда Сергей Радонежский, великий молитвенник за землю Русскую, прислал Дмитрию своё благословение на битву, московскому князю ничего не оставалось, как возглавить этот поход.

Как вел себя на битве князь Дмитрий, приведу слова Н.И.Костомарова:

« В «Повести о Мамаевом побоище» рассказывается, будто Дмитрий ещё перед битвой надел свою княжескую «подволоку» /мантию/ на своего любимца Михаила Бренка, сам же в одежде простого воина замешался в толпе, а впоследствии, когда Бренок в великокняжеской одежде был убит, и битва кончилась, Дмитрий был найден лежащим в дубраве под срубленным деревом, покрытый его ветвями, едва дышащий, но без ран.

Такое переряживание могло быть только из трусости, с целью подставить на место себя другого, во избежание опасности, грозившей великому князю, которого черное знамя и особая одежда, издали отличали от других: естественно врагам было всего желательнее убить его, чтобы лишиться войско главного предводителя. Если принимать это сказание, то надобно будет допустить, что Дмитрий перерядился в простого воина под предлогом биться с татарами зауряд с другими, а на самом деле, чтобы скрыться от битвы в лес».

Лобовой полк на поле Куликовом представляли полки «низовской земли», белозерцы, угличане, ярославцы, суздальцы, и другие. За лобовым полком, на второй линии сражения встали москвичи. А Владимир Андреевич Серпуховской укрылся в лесу с засадным полком.

«Низовская земля» приняла на себя основной удар мамаевой орды. Бились русские воины храбро и почти все полегли убитыми или тяжело ранеными. Когда первая линия обороны была прорвана, и мамаевы воины набросились на московскую рать, москвичи дрогнули и побежали. Побежал с ними и Дмитрий, переодетый в одежду простого воина. В такой суматохе московскому князю не стыдно было подставить спину врагу. Он бежал быстрее всех и убежал дальше всех, спрятавшись под поваленным дубом, объятый страхом, что его могут пленить и отдать в руки Мамаю на злую смерть.

В этот драматический момент, когда московское войско бежало с поля боя, увлекая за собой ордынцев, из засады вылетели конники Владимира Андреевича Серпуховского, они ударили в спину врагу, догонявшему москвичей. Мамай, наблюдавший за ходом боя с ближнего холма, понял, что битва проиграна и спешно покинул своё войско. Ордынцы в панике бежали, оставляя обозы, груженные добром. Так закончилась эта битва.

Потом была туга¹¹¹ по убитым и тяжело израненным русичам, были дела похоронные и тризны горестные. Хватились Великого князя. Ни среди

¹¹¹ Туга – от понятия «тужить», оплакивать.

убитых, ни среди раненных его не было. С трудом разыскали его в дубраве. Дмитрий был страшно напуган, а, поняв, что произошла победа, он сел на коня и спешно отправился в Москву, покинув раненных, нуждавшихся в защите.

После того, русские победители потянулись восвояси, но, проходя по землям Рязанского княжества, не имея сил защищаться, были избиваемы рязанцами, которые были в состоянии конфликта с московским князем.

Так печально закончилась эта битва для тех, кто принял на себя лобовой удар мамаевой орды. Были это мужи «низовской земли». Москвичи же, ушедшие со своим князем, уцелели.

Дмитрия Донского «канонизируют», признают святым уже в наши дни. В юбилейный год Куликовской битвы. Видимо его современники – участники Куликовской битвы, его соратники и сверстники больше знали о нем, чем позднейшие придворные писатели – летописцы.

5. ТОХТАМЫШЕВА ОРДА 1382г.

Ордынский царь Тохтамыш был продолжателем рода Чингизидов. Его возмущало узурпаторство Мамай. С частью своих воинов Тохтамыш достиг ставки Темерлана и попросил у него помощи.

Тамерлан по прозвищу Теимр Аксак, что означало Железный Хромец, был человеком не знатного рода, но обладал такими качествами, как жестокость, хитрость, беспощадность, умение воевать и сплотить людей на борьбу. Он завоевал Персию, Грузию, Сирию, всю Среднюю Азию.

Тамерлан пригнул опального Чингизида и использовал его для похода на Восток, намереваясь захватить земли Золотой Орды, в том числе и Русский улус.

Используя разгром орды Мамай на поле Куликовом, Тохтамыш вторгся на территорию Золотой Орды и вступил в борьбу с Мамаем за своё место. На памятной реке Калке произошла решающая битва. Мамай был побежден Тохтамышем, бежал в Кафу, где и погиб от кинжала генуэзцев, которым он задолжал большую сумму денег.

Тохтамыш воцарился в Сарае и направил посла к Дмитрию Московскому, сказать, что общий враг, Мамай, разгромлен, а Великий хан ждет русский князей с «выходом». Дмитрий принял посла радушно, одарил гостинцами, послал Тохтамышу подарки, но о поездке в Орду, и об уплате дани умолчал.

Через год Тохтамыш послал царевича Акхозя в русские города с требованием дани и выкупа ярлыков на правление вотчинами. Акхозя доехал до Нижнего Новгорода, и, видя упорную холодность русских князей, повернул назад.

Тохтамыш понял, что без карательного похода ему не обойтись, и двинул свою орду в сторону Москвы.

Дмитрий Иванович, узнав о походе Тохтамыша, выехал из Москвы якобы для сбора войска. Он засел в Костроме, посылая оттуда гонцов в города с приказом быть готовым к походу. Но на его призыв никто не откликнулся. Одни князья сказались больными после Куликовского сражения, другие сослались на малочисленность дружин после того же сражения. Дмитрий не пользовался уважением и доверием большинства князей, бояр и русского народа. Летописец так и пишет: « было среди них не единство, а недоверие. И то поняв, и уразумев, и рассмотрев, Дмитрий пришел в недоумение и в раздумье великое и побоялся встать против самого царя». ¹¹²

На этот раз выставить вперед себя лучших воинов «низовской земли», судьбы и жизни которых Дмитрия не волновали, у Московского князя не получилось.

А в Москве в отсутствие князя поднялся городской люд. Горожане громили лавки купцов и грабили дома бояр. Бочки с припасами пива, вин, старых медов выкатывали на улицы. Пьяная Москва загуляла.

Великая княгиня Евдокия, спасая свою жизнь, попыталась выехать вместе с митрополитом Киприаном из Москвы. Но пьяная толпа окружила их возок. Насмехаясь над митрополитом и Великой княгиней, учинили срам над ними, и, ограбив, выпустили за ворота города. Какой именно срам учинили пьяные москвичи над княгиней и митрополитом Киприаном, летописец не пишет, но, судя по тому, что их ограбили, вполне вероятно, что раздели до нага, присвоив себе богатые великокняжеские одежды и белье. А может, что и посрамнее сотворили над раздетой до нага княгиней.

Тохтамыш подошел к городу, и началась осада стен. Московского князя не было видно ни на каких подступах к Москве. Хитростью ордынцы выманили духовенство и лучших людей из города. Москвичи не хотели верить чиновникам Тохтамыша, уверявшим, что хан не хочет воевать с ними, а только с Великим князем и просит впустить его в Москву, чтобы осмотреть её достопамятности. «Такое предложение не могло обольстить людей благоразумных; но с послами находились два сына Дмитрия Нижегородского, Василий и Симеон: обманутые уверениями Тохтамыша, или единственно исполняя волю его, они как россияне и христиане дали клятву, что хан сдержит слово и не сделает ни малейшего зла москвитянам. Все думали, что ручительство нижегородских князей надежно. Отворили ворота... тысячи моголов в одно мгновение обагрились кровию россиян безоружных, напрасно хотевших спастись бегством.»¹¹³

Летописец пишет: « Прежде была Москва для всех градом великим, градом чудным, градом многолюдным... И в один час изменился облик его, когда был взят, и посечен, и пожжен. И не на что было смотреть, была разве только земля, и пыль, и прах, и пепел, и много трупов мертвых лежало, и святые церкви стояли разорены, словно осиротевшие...». ¹¹⁴

¹¹² Повесть о нашествии Тохтамыша.

¹¹³ Н.М.Карамзин Т 5 стр 49

¹¹⁴ Там же.

« После того Тоштамыш разослал силы свои по земле Русской завоевывать княжение великое».

В «Повести о нашествии Тохтамыша» летописец скороговоркой проговаривает, что двоюродный брат Дмитрия, Владимир Андреевич Серпуховской ¹¹⁵«стоял с полками близ Волока, собрав силы около себя».

Видно, не доверяя Дмитрию, русские князья всё же откликнулись на призыв героя Куликовской битвы, князя Владимира Андреевича Серпуховского. Тохтамыша прогнали с русской земли. В страхе он бежал от Москвы, узнав о силе русской, собранной под знаменами князя Владимира Андреевича.

По приказу Ивана Грозного, его предок Дмитрий получил прозвание Донского, в честь битвы на берегах Дона, на поле Куликовом. А об истинном герое Куликовской битвы, и поражения Тохтамыша под Москвой, князе Владимире Андреевиче Серпуховском, словечка не замолвили. Оно и понятно. Москва всегда гребла и гребет под себя. И не только «законным» способом присваивает материальные средства, но и чужую славу.

Летописцы, спеша угодить Грозному царю, написали хвалебные сочинения в честь Дмитрия Донского: «Повесть о битве на реке Вожже», «Задонщину», «Летописную повесть о Куликовской битве», «Повесть о нашествии Тохтамыша». «Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича», и многие другие, где Дмитрий называется героем Донским, и где всячески восхваляются его достоинства. Оставим это на совести летописцев, тем более, что время написания было страшным. От репрессий бесноватого Александра потомка, Ивана Четвертого Грозного, никто не был застрахован.

Г.Вернадский пишет в «Начертании русской истории»: «Тохтамышев набег не только разрушил всё политическое значение Куликовской победы, но отбросил московского князя ещё дальше назад....»

С тех пор до конца своей жизни Дмитрий не выходил из покорности Орде. Среди руководителей московской политики... соблюдалась «добрая дума к Орде». Со всех своих земель Дмитрию по-прежнему приходилось собирать «выход» /дань/ для уплаты в Орду. Это новое подчинение татарскому игу было единственным средством восстановить во всей Северо – Восточной Руси власть московского князя, подорванную Куликовской битвой».

Так что одно из значений Куликовской битвы было – ослабление власти Москвы над всей территорией Руси. И чтобы восстановить свою власть, Дмитрию пришлось вновь идти на союз с Ордой. Таким образом,

¹¹⁵ Владимир Андреевич Серпуховской был сыном Андрея Ивановича Радонежского, того самого Андрея, который при Семене Гордом, пошел против брата своего Семёна, возмущившись унижениями людей и унижениями братьев родных. Это к Андрею в Радонеж стекались люди, униженные, утесненные. Обобранные московскими чиновниками. Сам Владимир Андреевич был человеком не только совестливым, но и отважным. Он не раз спасал московских князей от врагов, а на Куликовской битве он возглавил засадный полк, который и решил судьбу её. Его уважали при жизни и только потом, под старость, достанется ему от племянников – детей Дмитрия Донского за то уважение, которое питали к нему люди, а род его московские князья изведут под корень.

знаменитый праправнук Александра Невского так же как и прапрадед его был сторонником политики подчинения Орде, что давало ему власть над Русью.

6. СМЕРТЬ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО.

Умер Дмитрий Иванович 19 мая 1389 года. Летописец пишет: «...а всех лет жизни его было тридцать восемь и пять месяцев. А потом разболелся он и мучился сильно. Но после полегчало ему, и возрадовалась великая княгиня радостью великою, и сыновья его, и вельможи царства его. И снова впал он в ещё больший недуг, и стоны вошли в сердце его, так что разрывалось нутро его, и уже приближалась к смерти душа его».

Существует мнение, что умер Дмитрий от болезни сердца. «Княжение Дмитрия Донского принадлежит к самым несчастным и печальным эпохам истории многострадального русского народа. Беспрестанные разорения и опустошения то от внешних врагов, то от внутренних усобиц, следовали одни за другими в громадных размерах», пишет историк Н.И.Костомаров.

Называя тогдашнюю Восточную Русь «страной малолюдной и обнищалой», Н.И.Костомаров далее пишет: « Сам Дмитрий не был князем, способным мудростью правления облегчить тяжелую судьбу народа..... Следуя задаче подчинить Москве русские земли, он не только не умел достигать своих целей, но даже упускал из рук то, что ему доставляли сами обстоятельства; он не уничтожил силы и самостоятельности Твери и Рязани, не умел и поладить с ними так, чтоб они были заодно с Москвой для общих русских целей; Дмитрий только раздражал их и подвергал напрасному разорению ни в чем не повинных жителей этих земель; раздражил Орду, но не воспользовался её временным разорением, не предпринял мер к обороне против опасности, и последствием всей его деятельности было то, что разоренная Русь опять должна была ползать и унижаться перед издыхающей Ордой».

В 1988 году Русская Православная Церковь отмечала 1000 - летний юбилей принятия Христианства на Руси. В эти торжественные дни князь Дмитрий Иванович Донской был канонизирован церковью, причислен к лику святых.

ШЕСТОЕ КОЛЕНО ОТ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО – ПРАПРАПРАВНУКИ.

\ЧАСТЬ ШЕСТАЯ\

1. АМАНАТ ТОХТАМЫША – ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ.

После того, как орда Тохтамыша схлынула с Русской земли, напуганный Дмитрий Иванович отправил своего одиннадцатилетнего

сына Василия к хану в Сарай с целью примирения и выражения подданнических чувств. В свите хана в качестве заложника – аманата Василий Дмитриевич кочевал вместе со ставкой Тохтамыша три года, на четвертый он бежал в Валахию, нынешнюю Молдавию. Пройдя через Молдавию, Василий Дмитриевич оказался в литовских пределах и предстал перед Великим литовским князем Витовтом.

Четырнадцатилетний русский князь-богатырь был как раз кстати. Витовт всегда пытался захватить западные Русские земли и присоединить к Литве. А тут сам наследник Московского князя оказался в руках его. Василия Дмитриевича приласкали, пригрели, и объявили женихом юной литовской княжны Софьи Витовтовны, а потом отпустили восвояси.

Помолвка старшего сына с литовской княжной не входило в планы Дмитрия Ивановича. Он видел, что сын Василий находится под обаянием литовского князя, и опасался влияния Литвы на будущего правителя Руси.

Умирая, Дмитрий Иванович всё же завещал Великое княжение старшему сыну Василию, к тому времени ещё не женатому и не имеющему детей. В духовной грамоте Дмитрий Иванович сделал оговорку: если Василий умрет, то после его смерти Великий стол должен наследовать следующий по возрасту сын Дмитрия Ивановича, Юрий Дмитриевич. Эта оговорка будет потом причиной жестоких семейных войн.

После смерти отца Василий Дмитриевич сдержал слово, данное Витовту, и ввел литвинку Софью в Московский кремль хозяйкой.

Хитрый Витовт попытался завладеть частью русских земель, используя доверие зятя, взял Смоленск. Василию Дмитриевичу пришлось выставить против него военную силу, но Смоленск остался за Литвой. В 1407 году граница между Литвой и Русью прошла по реке Угре.

На правление Василия Первого выпала доля противостоять Тамерлану, этому жестокому и удачливому завоевателю, покорившему большую часть земель, когда – то завоеванных Чингисханом. После удачного похода на Москву Тохтамыш вообразил себя таким великим, что позволил себе оказать неповиновение истинно великому завоевателю Темир Аксаку.

Лев Гумилев пишет: «Личное мужество Тохтамыша вне всяких сомнений, но ум государственного деятеля и талант военачальника, видимо, не соответствовали той ноше, которую он на себя взвалил». ¹¹⁶

. Тогда грозный завоеватель Тамерлан направил своё войско на земли Золотой Орды. Он перешел реку Яик /Урал/ и двинулся в прикаспийские и причерноморские степи. Занимая города и населенные пункты, Тимур жестоко расправлялся с народом. Горы отрубленных голов

¹¹⁶ Л.Гумилев. Древняя Русь и Великая степь. Стр 653.

складывались в пирамиды и по высоте их, завоеватель судил о качестве военной работы своих полков.

Идя берегом Дона, Тамерлан взял направление на Москву.

К середине августа были собраны русские войска. Василий Дмитриевич повелел привезти из Владимира икону Божьей Матери, которую некогда, ещё в середине 12 века Андрей Боголюбский, сын Юрия Долгорукова, вывез из Вышгорода, что возле Киева.

Заступница была доставлена в войско Василия. И тогда же произошло чудо: Тамерлан неожиданно повернул свою орду на юг и схлынул с Русской земли. До сих пор не известно, что послужило знаком завоевателю: то ли страх морозов приближающейся зимы, то ли августовские унылые дожди разбередили старые раны, то ли ещё чего – то, очень важное в его судьбе. Факт тот, что русским не пришлось вступать в бой с этим страшным врагом. Считается, что Богородица встала заступом за русичей. Будем так считать и мы.

Тамерлан сослужил хорошую службу Русской земле. Именно он разбил окончательно Золотую Орду на мелкие осколки, на что очень долго не решались трусоватые и расчетливые московские князья.

Потомки Чингисхана и их мурзы ещё пытались требовать дани, но у них больше не было сил принудить русских князей к этому.

Не имея возможности организации больших походов, отдельные ханы делали набеги на Русские земли и грабили население, превратившись из татарских повелителей в заурядных разбойников.

Так хан Едигей объявил Московскому князю, что идет войной на Литву, а сам стремительным изгоном двинулся к Москве. Василий Дмитриевич был сыном отца своего. Он в точности повторил действия Дмитрия Ивановича в 1382 году, когда к городу подступил Тохтамыш. Василий Дмитриевич так же убежал в Кострому и там заперся. А москвичи, пожгли посады, чтобы ничего не досталось ордынцам, и затворились за стенами Москвы. На этот раз Москва устояла стараниями героя Куликовской битвы, князя Владимира Андреевича Серпуховского. Едигей вынужден был уйти восвояси ни с чем. Разорив окрестные села и малые города, он схлынул с Русской земли.

Не имея сил бороться с внешними врагами и терпя от них обиды, Василий Дмитриевич продолжил захватнические войны за чужие вотчины в Русской земле. Он присоединил к Москве Нижний Новгород, Муром и Вологду. Неподотчетными Москве оставались лишь Новгород Великий и Ярославское княжество.

Досталось от племянника и герою Куликовской битвы Владимиру Андреевичу князю Серпуховскому. Былые заслуги старого воина были забыты племянником и его молодыми советниками.

Сын Владимира Андреевича, Ярослав Владимирович, принужден быть в изгнании, а престарелый отец его больше не пользовался ни уважением Великого князя, ни его поддержкой.

2. ЮРИЙ ДМИТРИЕВИЧ – ЗАКОННЫЙ ПРЕТЕНДЕНТ.

Василий Дмитриевич умер в 1425 году, оставив после себя девятилетнего сына Василия. Умирая, великий князь попытался заставить своих братьев Дмитриевичей целовать крест и дать клятву, что будут служить юному Василию Васильевичу. Братья отказались повиноваться умирающему Василию. Оговорка Дмитрия Донского о том, что после смерти Василия Великое княжение должен принять старший за ним брат, а не сын, которого к тому времени ещё не было, сделала свое черное дело.

Началась страшная усобица среди родных братьев, сыновей Дмитрия Донского. В этом ничего необычного не было. Если вспомнить сыновей Александра Невского, основателя династии московских князей, то мы увидим, что борьба за Великое княжение велась не на жизнь, а на смерть.

То же произошло и после смерти Василия Дмитриевича. Брат его, Юрий Дмитриевич, князь Звенигородский и Галицкий, имевший троих сыновей, Василия Косого, Дмитрия Шемяку и Дмитрия Красивого, вступил в открытую борьбу со своим племянником Василием Васильевичем, за которого правила его мать литвинка Софья Витовтовна.

Меры достижения своей цели были самыми жестокими. Василий Васильевич взял в плен двоюродного брата, Василия Косого. Потешаясь над его косоглазием и желая показать свою власть над родственником, подогреваемый в ненависти матерью Софьей Витовтовной, Василий Васильевич приказал ослепить несчастного пленника. Тем самым он выбил из строя одного из своих врагов.

Вся жизнь Василия Второго Темного прошла в борьбе за власть со своими близкими родственниками. Внутренняя междоусобная война шла с 1425 года по 1453 год. Успех был переменным. То выигрывал Василий Темный и его боярская партия, то дядя его, Юрий Звенигородский и Галицкий и его сыновья, Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Отличало эту войну между потомками Дмитрия Донского, страшная жестокость, с которой шла борьба за великое княжение. Земли и города, попавшие в поле военных действий, разорялись и сжигались дотла. Население уничтожалось, жены, дети и прислуга, попавшие в плен, подвергались страшным унижениям и пыткам. Детей Василия Темного, попавших в плен, Дмитрий Шемяка грозился утопить, и порывался это сделать, только случай не дал свершиться злодеянию.

В ход шло не только вооруженное сопротивление друг другу, не только пытки пленников, но и тайные злодеяния.

Когда Василий Васильевич попался в плен к Дмитрию Шемяке. Шемяка захотел отомстить за брата в буквальном смысле слова: «око за око», и ослепил Василия.

С этого момента Великого Московского князя стали называть Василием Темным, т.е. незрячим. Несчастливого князя с семьей сослали в Угличе Поле.

Дмитрий Шемяка взял Москву и уселся на московский престол.

Узнав о перевороте в Москве, верный друг Василия Темного, Василий Ярославич, внук героя Куликовской битвы, Владимира Андреевича Храброго

князя Серпуховского, забыв прежние обиды, с дружиною ушел в Литву, где к нему примкнули другие князья русской земли, дававшие присягу Великому князю Василию Темному и не желавшие быть клятвопреступниками. Там, в Литве, среди русских диссидентов возникла идея освобождения Великого князя и воцарение его на престоле. Эта армия храбрецов, движимая к благородной цели, перешла границу Руси и направилась в Углич освободить законного правителя. К ним по пути присоединялись бояре и простой люд, бежавшие из Москвы от Дмитрия Шемяки.

Дмитрий Шемяка, поняв, что он проиграл борьбу за власть без боя, оставил Москву

Через некоторое время Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красивый были отравлены, и вновь победила Москва.

СЕДЬМОЕ КОЛЕНО ОТ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО – ВАСИЛИЙ ВТОРОЙ ТЕМНЫЙ.

/ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ/

Василий Темный, \1415 – 1462\ человек безвольный, подчинялся боярству и матери, Софье Витовтовне, за что и поплатился своим зрением. Во второй половине его жизни, на арену борьбы вышел его сын, Иван Васильевич Третий. Иван заменил отцу глаза, разум и волю и правил от имени Великого князя, ещё не приняв Великого княжения, но, уже усвоив правила крысиной стаи – выживает сильнейший, и жалости нет места.

Московский летописец пишет:

«Множество же народа видящее сиа, от бояр и от купец великих, и от священников и от простых людей, во мнозе быша ужасе и удивлении. Яко николи же таковая ни слышаша, ниже видеша в русских князех бывемо... Недостойно быше православному великому госпадарю, под всей подсолнечной сущу, и такими казньми казнити и кровь проливать во святыи Великий пост»

Придворные развлечения - «казнями казнити», не останавливали ни святые праздники, ни правила морали, ни обычаи милосердия. Садизм стал внутренней государственной политикой московских князей.

Василия Темного и его кровожадного сына боялись. Князь Можайский бежал в Литву. Великий князь тверской решил бежать в Литву так же, но испугался ещё больше того. Ведь литовский князь Витовт был дедом Василия Темного, а после смерти Витовта правил его племянник Казимр, на которого надежды не было. Тогда заручиться милостью Москвы помог брак между Иваном Васильевичем, сыном Василия Темного, и тверской княжной Марией. А после заключили мир, по которому все будущие поколения князей тверских обязывались служить Московскому князю верой и правдой.

Рязанский князь так же увидел, что сопротивление Москве выходит дороже, чем мир с ней. Он перед смертью отвез своего сына в Москву и просил Василия Темного быть тому отцом.

Репрессии коснулись и верных соратников Василия Темного. Он с легкостью расправился с наследниками Владимира Андреевича Храброго, князя Серпуховского, героя Куликовской битвы и обороны Москвы от Тохтамыша и Едигея.

Последний князь из рода Серпуховских, внук Владимира Андреевича, Василий Ярославич, был «ревностным слугой и товарищем в несчастьи Василия Темного, по какому – то наговору был схвачен и заточен в Вологду, где и умер со своими детьми».¹¹⁷

Тот самый Василий Ярославич, который бежал в Литву от Дмитрия Шемяки и организовал поход на Углич с целью освобождения Великого князя Василия Темного, которому присягнул раз и навсегда.

Беда его состояла в том, что он пользовался уважением среди русского населения, как наследник славного героического рода. Чужая слава вызывала черную зависть у Василия Темного и его сына Ивана Васильевича. Расправившись со своим верным соратником, московский князь на время успокоил свою душу.

1. ФЛОРЕНИЙСКАЯ УНИЯ.

Пока русский царь воевал со своим народом и обустроивал захваченную Русь под свои личные нужды, произошло мировое событие, о котором нельзя не сказать. Папа Евгений Четвертый, глава католической церкви, предложил главе православной церкви, императору Иоанну Палеологу, кстати, женатому на сестре Василия Темного, русской княжне Анне, соединить обе церкви в единую христианскую, для чего предложил созвать собор христианских церквей. Император Иоанн Палеолог в то время влачил жалкое существование, и нуждался в помощи, т.к. вся территория бывшей Византии была оккупирована турками.

Папа Евгений Четвертый обещал Палеологу помощь военную и материальную, если тот согласится на соединение церквей.

Иоанн Палеолог, не имея другой возможности поправить свои дела, согласился прибыть на собор в Феррару. Туда же отпросился и новый митрополит Русской православной церкви Исидор, только что поставленный на митрополию патриархом. Русский царь Иван Васильевич изумился желанию нового митрополита выехать в Европу на собор, но был убежден сладкоречивым Исидором в пользу такого мероприятия.

Представляет собой интерес, какой увидел Европу русский митрополит. «Исидор сел в Риге на корабль, отправив более двухсот лошадей сухим путем. И 19 мая 1438 года пристал к берегу в Любеке, откуда через Люнебург, Брауншвейг, Лейпциг, Эрфурт, Бамберг, Нюрнберг, Аугсбург, и Тироль проехал в Италию, везде находя гостеприимство, дружелюбие, почести, и везде осматривая с любопытством не только монастыри, церкви, но и плоды трудолюбия, искусств, ума гражданского. С каким удивлением россияне, дотоле не выезжав из отечества, загрубевшего под игом варваров,

¹¹⁷ Н.и.Костомаров «Русская история» стр. 247.

видели в Немецкой земле города цветущие, здания прочные, удобные и красивые, обширные сады, каменные водоводы, или по их словам, рукою человека пускаемые реки! Достоинно замечания, что Эрфурт показался им самым богатейшим в Германии городом, наполненным всякими товарами и хитрыми произведениями рукоделия».¹¹⁸

Работа Собора открылась в Ферраре и вскоре была переведена во Флоренцию, купцы которой уговорили Евгения Четвертого сделать такое перемещение и дали на это достаточно средств, чтобы Флоренция вошла в историю, как город всемирного Собора христианских церквей.

Собор постановил, что Церковь Восточная и Римская навеки совокупились.

К сожалению, папа Евгений Четвертый не смог помочь Иоанну Палеологу войском, хотя и спонсировал его некоторой суммой для дальнейшего его существования.

Русский митрополит Исидор был награжден от папы кардинальской шапкой и именем легата Апостольского для всех земель северных.

Весной 1440 года Исидор прибыл в Москву с грамотою от папы к великому князю. Папа молил Василия быть милостивым к Исидору и давать ему те церковные оброки, которыми издревле пользовались наши митрополиты.

После того, как велегласно диакон Исидоров прочел грамоту Флорентийскую, наступила тишина, безмолствовали епископы и вельможи. И тут заговорил князь Василий. Он распорядился разобраться с документами, пришедшими с Исидором, а самого папского легата отправил в Чудов монастырь, откуда тот сбежал и тайными путями пробрался в Рим, где был с честью принят и стал именоваться кардиналом Российским.

Но силы телесные Василия Темного были изнурены. «Он явно изнемогал, худел, и думая, что у него сухотка,¹¹⁹ прибегнул ко мнимому целебному средству, тогда обыкновенно употребляемому в оной: жег себе тело горящим трупом; сделались раны, начали гнить, и больной, видя опасность, хотел умереть монахом: ему отговорили».¹²⁰

Василий Васильевич Темный умер в 1462 году от каких – то язв. В последствии язвенная болезнь, начинавшаяся с нижних конечностей поражала и других членов рода, наследников Василия Васильевича Темного и их наследников. Об этом стоит задуматься.

Василий Темный оставил за себя сына Ивана Васильевича Третьего Горбатого.

ВОСЬМОЕ КОЛЕНО ОТ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО. ПРАВНУК ДМИТРИЯ ДОНСКОГО – ИВАН ТРЕТИЙ ГОРБАТЫЙ.

¹¹⁸ Н.М.Карамзин Т.5, стр.151.

¹¹⁹ Сухотка – болезнь истощения питания, непомерная худоба, болезненное изнурение. Сухопарина - местная гниль, дряблость.

¹²⁰ Н.М.Карамзин Т.% стр 188.

/ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ/

1. ЗРЕЛЫЙ ПРАВИТЕЛЬ.

Иван Васильевич вступил на великокняжеский престол зрелым правителем. В результате внутренних войн и страшных репрессий, власть московских князей окрепла настолько, что перечить Москве не решался никто из русских удельных князей. Иван Третий легко прибрал к рукам остатки русских земель.

Н.И.Костомаров дает такую характеристику Ивану Васильевичу Третьему: «Это был человек крутого нрава, холодный, рассудительный, с черствым сердцем, властолюбивый, неуклонный в преследовании избранной цели, скрытный, чрезвычайно осторожный; во всех его действиях видна постепенность, даже медлительность; он не отличался ни отвагой, ни храбростью, зато умел превосходно пользоваться обстоятельствами».

Ивана Васильевича боялись все. Если в окружении бояр, он задремывал после обеда, то наступала мертвая тишина, и присутствующие боялись шевельнуться, чтобы не нарушить покой Великого князя. Но не легче окружающим было и тогда, когда Иван Васильевич бодрствовал. Глаза его выражали такую суровость и грозность, что женщины падали в обморок, когда князь скидывал на них свой взгляд.

При нем пал Новгород. И Марфа Посадница, возглавлявшая борьбу Новгорода за независимость от Московского князя, была взята в плен и проведена по улицам Москвы в связке пленных новгородцев.

Так же пал и Ярославль. Последний его князь Александр Федорович, прямой наследник Федора Чермного, назывался ещё Великим князем земли Ярославской в то время, как звания Великих князей уже лишились все русские удельные князья.

В 1463 году стараниями дьяка Алексея Полуэктова, Ярославль отошел к Москве. Александр Федорович, князь Ярославский, не имел прямых наследников и счел лучшим для себя и для всех двоюродных и троюродных родственников, отдать Ярославль под Москву без лишней борьбы. Но, будучи человеком образованным и духовно богатым, он не запросил для себя ни чинов, ни званий, ни денег. Ни других материальных благ. Он поставил условием, почтить память предка своего Федора Чермного, этого значительного исторического деятеля эпохи нашествия монголов на Русь.

Желание Александра Федоровича было исполнено. Князь Федор Чермный и его сыновья от второй жены, татарской принцессы Юлдуз – Анны, князья Давид и Константин, были канонизированы, а Ярославль мирно вошел в состав Московского княжества.

Род Федора Чермного со временем разделился на многие княжеские фамилии, в числе которых окажутся князья Курбские. Один из этих князей, Андрей Курбский будет соратником, и лучшим другом Ивана Четвертого Грозного.

. «Не известно все ли князья ярославской земли подчинились московскому государю добровольно: мы не знаем обстоятельств этого события; само собой разумеется, что волей – неволей эти князья должны были делать всё,

чего хотел от них сильный властитель, и все они поступили в число его слуг».¹²¹

Иван Третий Васильевич, рано начав свою карательную деятельность, и участвуя в дальних и сложных походах, ночуя на снегу и у костра, вероятно, заболел радикулитом. До нас дошло, что он был сильно сутул, за что его прозвали Иваном Горбатым. С возрастом горбатость его усилилась, усилились и ноющие боли в пояснице.

Жена Ивана Горбатого, Великая княгиня Мария, не была счастлива в браке. Она была жертвой политики, и живым залогом мира между Москвой и Тверью. Родив сына, Ивана, несчастная княгиня истаяла и вскоре умерла.

Стены Московского кремля хранят тайну её смерти, только очевидцы утверждали, что труп Великой княгини посинел и раздулся. Пелена, которой накрыли гроб покойницы, первоначально доходила до пола. Потом, по мере того, как раздувался труп, пелена поднималась всё выше и выше, и на третий день уже не смогла полностью прикрыть не только гроб усопшей, но и саму покойницу.

Чтобы скрыть свою заинтересованность в смерти жены, Иван Васильевич разыграл гнев на жену Алексея Полуэктова, Наталью, и целых шесть лет не допускал до себя самого боярина. Распустили слух, что Наталья Полуэктова ходила к ворожее с поясом княгини Марии, и что та наворожила смерть Великой княгине.

О том, что в тайных подземельях Московского кремля умели варить ядовитое зелье, окружение Великого князя помалкивало.

Но, возможно, причина такой странной смерти была в другом. Мне не дают покоя факты смерти предыдущих князей от гнойных смердящих язв.

2. СОФЬЯ ФОМИНИЧНА – ВИЗАНТИЙСКАЯ ПРИНЦЕССА.

Иван Горбатый, освободив место рядом с собой, присмотрел себе невесту из рода византийских царей.

Царевна Зоя Палеолог, по отцу Фоминична, была наречена на Руси Софьей. Она, отвергнув сватов французского короля и миланского герцога, приняла предложение Великого русского князя.

Русь, далекая, но обширная, загадочная и богатая, манила византийскую принцессу более, чем небольшие европейские государства.

12 ноября 1472 года прибыла Софья Фоминична в Москву в сопровождении большой европейской свиты. В тот же день произошло обручение в тереме матери жениха, куда прибыл Иван Васильевич. Будто боясь, что невеста будет шокирована горбатым видом жениха, или ещё чем – то, что могла Софья увидеть, пригядевшись попристальнее, Великий князь отдал распоряжение в тот же день венчаться, чтобы не дать Софье время для разочарований.

¹²¹ Н.И.Костомаров «Русская история» стр. 250.

На радостях, Иван Васильевич объявил амнистию венецианскому послу именем Тревизано, которого прежде засадил в острог, и отпустил его в Венецию, дав на дорогу семьдесят рублей.

Осчастливленный Тревизано устремился в родные края. Но Московский князь не обладал великодушием. Великодушие - свойство истинно великих людей, а московские князья таковыми не являлись. Вскоре в Венецию направилось русское посольство во главе с боярином Толбузиным. Ему было поручено найти и привезти в Москву умельцев строителей храмов, а между делом Толбузин должен был распространить слух, что Тревизано получил от Московского князя не семьдесят рублей, а семьсот. Для чего такая подлость была придумана и одобрена русским князем? Не состоялась казнь на Руси, пусть на родине уличат несчастного посла в обмане, т.е. «в воровстве»? Н.И.Костомаров называет этот поступок Московского князя плутовством, достойным мелкого торгаша

Многое изменилось в Кремле с того момента, как Софья переступила порог мужнина дома. Она принесла на Русь пышность византийского двора, его регалии и его интриги.

С её приходом «в придворном обиходе появляется громкий титул царя, целование монаршей руки, введение новых придворных чинов»,¹²² унижение боярства до состояния рабов. Все стали равны перед самодержавным государем. Никто не смел больше кичиться родством и знатностью. Только самодержец имел право указывать, кто из его «рабов» мог быть приближен к его трону, а кто отвергнут.

Ярослав Немудрый и его сын, Александр Невский когда – то восхищались укладом золотоордынского ханского двора, и стремились насадить то же в своих княжествах. Их потомок Иван Горбатый преуспел в этом и спешил обзавестись регалиями бывшей Великой империи, так сказать, по дешевке приобрести уцененное Византийское имущество. Византийский двуглавый орел украсил герб Русского государства.

Влияние Софьи на своего горбатого мужа было трудно переоценить. Оно было безграничным.

3. ХАН АХМАТ.

Золотая Орда к концу пятнадцатого века пришла в такое слабое состояние, что на Сарай не раз нападали русские удальцы, спускаясь вниз по Волге и грабя столицу ослабевшего врага.

Иван Васильевич дани больше не платил, хотя собирал её с населения исправно. Казна царская наполнялась богатствами, свезенными со всех княжеств земли Русской.

«Таким образом, освобождение Руси от некогда страшного монгольского владычества совершилось постепенно, почти незаметно».¹²³

¹²² Н.И. Костомаров Русская история. Стр. 263.

¹²³ Там же стр.271.

Хан Золотой Орды Ахмат досадовал, что раб его предков, московский государь, не повинуется ему. Он отправил своего посла к Ивану Васильевичу с «басмой», т.е. изображением следа своей ноги. Этот след ноги Московский князь должен был поцеловать в знак покорности хану Ахмату.

Посол развернул «басму» и приблизился к трону, требуя, чтобы Московский князь опустился на колени и поцеловал ханский знак. Впервые после трехсотлетних унижений перед сильной золотоордынской властью, русский князь рассмеялся в лицо послу:

- Аль не видишь, что я горбат, и не имею мочи опуститься на колени?! Посол затопал ногами, завизжал что-то непере译димое.

- Дай сюда!- протянул руку к «басме» Иван Васильевич.

Посол приблизился, протягивая парчовый плат с «басмой» князю. В тот миг, как посол разжал руки, Иван Васильевич схватился за спину, и охнул.

Парчовый сверток упал, и громко стукнулся о каменный пол. Глиняные черепки рассыпались по сторонам.¹²⁴

- Ох, лихоманка проклятая! Житья не дает, - хитро поглядывая на посла из под опущенных век, простонал Иван Васильевич.

Посол растерянно смотрел на разбитое изображение ханской ступни. Очнувшись, заголосил:

- Смерть! Смерть тебе, подлый улусник!

- Смерть тебе, неловкий посол, как смел ты разбить ханскую «басму»! Взять его и предать смерти! – жестко проговорил царь Руси.

Хан Ахмат узнал о казни собственного посла и захлебнулся от гнева:

- На Москву! Наказать ослушника!

Нашествие Ахмата на Москву сильно испугало Ивана Васильевича. По природе своей он не был храбр. Поэтому, отправив старшего сына Ивана Ивановича с войском в Коломну, сам затворился в Москве и сидел там шесть недель, надеясь на высокие крепостные стены. Жена его, Софья Фоминична, забрав казну царскую, водным путем отправилась в укрытие, в северные земли, на Белоозеро.

Побуждаемый матерью, инокиней Марфой, вдовой Василия Темного, Иван Васильевич выехал в Коломну к войску, «но там его окружили такие же трусы, как он был сам: то были, как выражается летописец, «богатые сребролюбцы, брюхатые предатели»; они говорили ему: «Не становись на бой, великий государь, лучше беги; так делали прадед твой Дмитрий Донской и дед твой, Василий Дмитриевич». Иван Васильевич поддался их убеждениям, которые сходились с теми ощущениями страха, какие испытывал он сам».¹²⁵

Прискакав в Москву, чтобы укрыться от врага в Кремле, он неожиданно столкнулся с волнением горожан. Люди, полагая, что их князь находится в войсках, возмутились его возвращением. Ивана Горбатого и так не любили в народе, долго сдерживаемая ненависть людская вылилась в вопли и угрозы:

¹²⁴ Н.И.Костомаров Русская история стр. 272.

¹²⁵ Н.И.Костомаров Русская история стр. 272.

- Ты, государь, княжишь над нами, пока спокойно, а как надобно на рать идти, так тебя нет! – кричали москвичи своему князю.
- Ты обираешь нас, забыв совесть, а как пришла беда, так ты в беде покидаешь нас! – услышал Иван Васильевич гневные слова подданных.
- Ты собираешь с нас выход, а царю татарскому не платишь его! Ты сам разгневал царя и теперь отдаешь нас ему! – справедливые и гневные обвинения в воровстве даннических средств вызывали у Ивана Горбатого страх, а страх рождал ненависть к народу.

Выступило против Ивана Васильевича и духовенство. Ростовский архиепископ Вассиан Рыло смело обличил Великого князя, давая понять ему, что Величие власти не состоит только в материальных приобретениях и жестоких порядках, насаждаемых правителем, но Величие власти в смелости, самоотверженности, высоких духовных качествах князя и служении народу своему.

- Если боишься, то передай своих воинов мне. Я хотя и стар, но не пощажу себя, не отвращу лица своего, когда придется стать против татар! – это прозвучало, как насмешка над трусостью князя.

Иван Васильевич трусил уже не столько врагов, сколько своих подданных, испугавшись народного неповиновения, он покинул Москву, но не вернулся к войску, а засел в Красном Селе. Оттуда он послал боярина Холмского к сыну Ивану, приказывая явиться к нему. Но Иван Иванович не повиновался отцу, он ждал приближения Ахматовой рати и не считал возможным покинуть позиции.

Так Иван Васильевич Горбатый вынужден был сам отправиться к войску.

Н.И.Костомаров пишет:

«Опаснее было оставаться или куда - нибудь бежать, чтобы скрыться от татар, чем отправиться на войну с татарами. Иван уехал к войску, в сущности побуждаемый той же трусостью, которая заставила его покинуть войско».

Ахмат подошел к Угре. Он выдвигал одно требование за другим, но русские отвергали все его предложения. А сами отправили водным путем по Волге отряд под командованием Ноздреватого и Нордоулата, которые, придя в низовья Волги, напали на Сарай и разорили его.

Узнав о том, что его столица разорена, Ахмат развернул свою орду и двинулся восвояси. «Стоянием на Угре» в 1480 году закончилась эпоха татарского ига на Руси, но заслуги Великого князя в том не было.

Народ русский, в который раз показал свою волю к свободе и независимости от иностранных угнетателей. А враг, хоть и был слаб, но не имел желаний признать это, и всё ещё куражился.

4. ПАСЫНОК ИВАН ИВАНОВИЧ.

Иван Иванович, сын Ивана Горбатого от первой жены, Марии, в трагический для Руси час, не проявляя страха и трепета перед врагом,

встал на защиту Москвы. Благодаря его твердости и упорству «стояние на Угре» обернулось победой русских.

Великий князь Иван Васильевич остался не доволен сыном. Непослушание Ивана не только взбесило его, но и изрядно напугало. За время «стояния на Угре» у молодого князя появились свои сторонники, и он мог быть опасным отцу.

В силу этих причин, к которым добавились враждебные отношения с мачехой Софьей Фоминичной, первенцу Ивана Васильевича, князю Ивану, не суждено было перенять власть от отца. История повторяется. Как когда – то, в начале двенадцатого века, Константин Мудрый, старший сын Всеволода «Большое Гнездо», был обойден мачехой и лишен Великого княжения, так и в пятнадцатом веке, мачеха Ивана Ивановича не позволила ему занять престол.

На рождество Христово 1490 года Иван Иванович занемог. Тридцати двухлетнего царевича уложили в постель, потому как ходить он не мог. Ноги соправителя и наследника престола покрылись красной сыпью, сыпь перешла в болезненные струпья, которые, выделяя гнойную слизь, сливались в одну сплошную рану.

- Камчуга, - шептались слуги, убирая гнойные тряпицы с ног царевича.
- То крымка, она, проклятая, - определяли знающие люди.

Жена Ивана Ивановича, княгиня Елена, ловила тревожный шепот слуг, сердцем чуя беду неминуемую.

Иван Иванович стонал от боли и плакал.

Мачеха, Софья Фоминична, привела с собой лекаря:

- Вот, Иван, это балий¹²⁶, мистер Леон, он тебя вылечит. Ты слушай его, тебе будет хорошо.
- Веры какой будет, лекарь? – чуть слышно спросила царицу княгиня Елена.
- Иудейской, госпожа, - нехотя ответил Леон.

Иван Иванович ненавидел мачеху, как и многие русские люди, но боль была невыносимой. Он согласно кивнул головой, позволив лекарю приблизиться.

Мистер Леон осторожно, не прикасаясь к ранам ног, осмотрел струпья. Покачал головой. Развернувшись в сторону Софьи Фоминичны, сделал улыбку на обычно невозмутимом лице и проговорил коротко:

- Лепра.¹²⁷

Софья облегченно вздохнула, пытаясь скрыть радость, склонилась над больным пасынком:

- Слушайся мистера Леона.
- Я непременно вылечу моего господина, а если не вылечу, то повелите казнить меня, - посулил балий Леон.

Зря он так сказал. Лечение Леона состояло в прикладывании к ранам больного царевича склянок с горячей жидкостью. От таких процедур болезнь

¹²⁶ Балий – лекарь

¹²⁷ Камчуга, лепра – проказа. В.И.Даль

начала стремительно прогрессировать. Потеряв старшего сына, Иван Горбатый рассвирепел и повелел отрубить мистеру Леону голову на сороковой день после смерти Ивана.

Зря радовалась и царица Софья. Иван Васильевич, послушал противников Софьи и назначил своим преемником Дмитрия Ивановича, внука умершего сына. Ведь умерший Иван Иванович был уже объявлен соправителем отца, следовательно, по старому праву, его сын должен быть наследником престола. Кроме того, Иван Васильевич питал добрые чувства к вдове старшего сына Елене.

Софья Фоминична попала в долгую и жестокую опалу. Бояре, приближенные к ней поплатились головами, а сама она и её сын Василий были отлучены от царя.

Спустя восемь лет в 1498 году 4 января Иван Васильевич торжественно венчал своего пятнадцатилетнего Внука Дмитрия Ивановича на царство. На молодого царя были возложены царские бармы и так называемая, «шапка Мономаха». Это было первое коронование на Руси.

Не прошло и года, как всё развернулось в обратную сторону. Софья сумела найти пути примирения с мужем, и Иван Васильевич охладел к снохе и внуку.

11 апреля 1502 года государь положил опалу на внука Дмитрия и его мать, княгиню Елену. Обоих заключили в тюрьму. Елена умерла в заключении через два года, а несчастный Дмитрий ещё долго томился в неволе, и даже смерть деда не изменила его судьбы.

5. БРАТЬЯ ИВАНА ГОРБАТОГО.

Иван Васильевич хотел «поставить власть монарха единым самостоятельным двигателем всех сил государства и обратить всех подвластных в рабов своих». ¹²⁸

А подвластными Московскому князю были и его родные братья: Андрей Большой, что правил в Угличе, Борис Волоцкий, Юрий и Андрей Меньшой.

Александр Невский в своё время не был дружен с братьями и шел на них войной. Дети Александра Невского передрались между собой за власть. История повторилась и в поздних поколениях рода.

По воле царя, и старшего брата, объединившись в единую рать, а по существу, разбойничью банду, братья Васильевичи разгромили Псков и Новгород, наложили огромную контрибуцию на торговые города, разграбили богатые дворы, а окрестные земли отобрали у городов. Васильевичи рассчитывали на то, что старший брат, Иван Васильевич, честно поделится с ними трофеями. Да не тут-то было!

¹²⁸ Н.И.Костомаров. Там же.

Завоеванные братьями новгородские земли, Иван Васильевич присоединил к Москве, ценное имение побитых новгородцев приписал к государственной казне, а братьям не досталось даже малой части в добыче.

Недовольные братья Васильевичи составили заговор против старшего Ивана. Имея доносчиков и соглядатаев во всех уголках своего царства, Ивану не сложно было открыть заговор братьев. Тогда же были наказаны и казнены сотни бояр, служивших братьям Васильевичам, самих же братьев Иван пока не трогал, только заставил целовать крест на верность себе.

Между тем, прошло немного времени и Андрея Большого пригласили в Москву. Тот не хотел ехать, боялся брата, сердцем чуял над собой беду. Боярин Патрикеев уговорил Андрея Васильевича Большого приехать в гости к старшему брату, уверяя, что тот хочет мира и братней любви.

Заманив коварством в Москву Андрея Большого, Иван Васильевич приказал засадить его за решетку. Потом послал за его сыновьями, которых тоже заключил в острог, где все Углицкие князья и кончили свои жизни.

Другому брату, Борису Васильевичу было предъявлено требование заплатить долг, в тридцать тысяч серебром, которого тот не совершал. Но со старшим братом спорить не стал, боясь расправы. Борису пришлось принять предложение Ивана, и он отписал после своей смерти московскому князю все земли, которыми владела его семья, якобы в счет несуществующего долга.

Брат Андрей Малой был пощажен, потому что «во всем повиновался великому князю наравне с прочими служебными князьями и боярами, но пребывал в постоянном страхе».¹²⁹

Иван Васильевич никого не щадил, ни чужих, ни родную кровь. Свои садистские склонности он передал своему сыну Василию, а тот своему сыну Ивану Четвертому Васильевичу Грозному.

6. НАЧАЛО КРЕПОСТНОГО ПРАВА,

Перенимая золотоордынское государственное устройство, Иван Васильевич повелел провести перепись населения с целью более полного обложения налогами. Специальные чиновники, которые назывались писцами, записывали в писцовых книгах жителей по именам, их хозяйства, размер обрабатываемой земли и получаемые доходы. На них налагались подати и всякие повинности, в том числе и служба в войске. Кроме того, жители платили чрезвычайное множество различных пошлин. Внутренняя торговля также была обложена множеством поборов. При переезде из земли в землю нужно было платить тамгу¹³⁰ и мыто¹³¹. А при покупке и продаже товара пошлину за то и другое. Торговля в стране пришла в полный упадок.

«Всё устраивалось так, чтобы жители, так сказать, при каждом своем шаге доставляли доход государю. Иван Васильевич, уничтожая самобытность земель, не уничтожал, однако, многих частностей,

¹²⁹ Н.И.Костомаров. Русская История. Стр. 288.

¹³⁰ Тамга – пограничный таможенный сбор, остался ещё со времен татарского господства.

¹³¹ Мыто – пошлина за проезд в заставу, через мост или провоз товаров, припасов; акциз, сбор, вообще пошлина на товар. В.И.Даль.

принадлежавших древней разделенности, но обращал их исключительно в свою пользу. Оттого соединение земель под одну власть не избавило народ от многих тех невыгод, которые он терпел прежде вследствие раздробления русской земли». ¹³²

В 1497 году Иван Васильевич издал «Судебник», в котором установил правила производства суда. В этом же «Судебнике» был записан закон, по которому холоп, попавший в плен во время войны, а потом убежавший из плена, делается свободным.

Самым значительным положением «Судебника» явилось установление «Юрьева дня». Поселяне теперь имели право переходить с места на место, из села в село, от владельца к владельцу, только один раз в год, на Юрия зимнего. За одну неделю до Юрьева дня и в течение одной недели после Юрьева дня. Это был первый шаг к закреплению русского крестьянского населения.

Родоначальником «крепостного права можно с уверенностью считать деда Ивана Грозного, Ивана Васильевича Горбатого.

7. ТРЕТИЙ РИМ.

Отвергнув флорентийскую унию и назвавшись оплотом православного мира, Москва не стала истинной христианкой. Деспотизм и жестокость московского царя, доходившие до садизма, не давали исполнить главную ипостась христианства – всеобъемлющую любовь к ближнему и окружающему миру. Москва православная стала пугалом для Европейского мира. Слухи о самодурстве русского царя, о его восточном деспотизме, распространялись в соседних странах, обрастая жуткими подробностями от которых озноб пробирал по коже тех, кто слушал русские бывальщины.

Рассказывают, что только одно появление царя на людях наводило трепет на окружающих. «Женщины, говорят современники, падали в обморок от его гневного взгляда: придворные со страхом за свою жизнь, должны были в часы досуга забавлять его, а когда он, сидя в креслах, предавался дремоте, они раболепно стояли вокруг него, не смея кашлянуть или сделать неосторожно движение, чтоб не разбудить его». ¹³³

Вступить в дипломатические отношения с Московией было рискованно для послов, породниться с русским царем считалось не завидным делом.

И всё же австрийский принц Максимилиан, претендент на императорскую корону, прислал сватов к Ивану Васильевичу, предлагая отдать за себя дочь Елену. Иван Васильевич понимал, что ему будет лестно породниться с будущим императором Римской империи, но он, боясь показать своей радости, начал тянуть дело по обычаю московской хитрости. Когда посол попросил показать ему невесту и заговорил о приданом. Иван Васильевич возмутился:

¹³² Там же стр.294.

¹³³ Н.И.Костомаров русская история стр. 297 – 298.

- У нас нет такого обычая, чтобы раньше дела показывать дочь, а о приданом мы не слыхивали, чтобы промеж великими государями была рада об этом.

«Московский государь во всю свою жизнь любил брать, но не любил давать».¹³⁴

Оттягивая решение вопроса о приданом, Иван Горбатый потребовал, чтобы Максимилиан дал обязательство, чтобы у его жены была греческая церковь и православные священники. Это поставило в тупик австрийского посла.

Пока неспешно решалось дело о замужестве Елены Ивановны, Максимилиан посватался к Анне Бретанской и получил положительный ответ.

Иван Васильевич, уверенный в своих силах, не ожидал такого конфуза. Вслух он выразил сожаление об этом и наказал послу узнать, не расстроилось ли как –нибудь сватовство Максимилиана с бретанской принцессой. В 1493 году Максимилиан женился на Анне и отношения Австрии с Москвой надолго прекратились.

Через два года после неудачного сватовства австрийского принца, Елену Ивановну всё – таки выдали замуж за Литовского короля Александра, но приданого за русской царевной отец не дал, и добрых отношений с Литвой не поддерживал, а наоборот, направил к границам Литвы орду хана Махмет – Аминя. Война эта позволила отторгнуть от Литвы часть территорий, которые были вотчинами русских князей, перебежавших от Александра к Ивану Васильевичу.

Можно представить незавидное положение Елены Ивановны, литовской королевы, во враждебной ей стране, из – за действий её отца. Сохранились письма Елены к отцу:

«Ведаешь ли государь, отец мой, **что** ты за мною дал и **что** я ему, мужу своему, принесла; (здесь Елена явно уколряет отца за скупость) Однако муж мой... взял меня с доброю волею, и держал в чести и жаловании, и в той любви, какая прилична мужу к своей подруге.... Король, его мать, братья, вся земля надеялись, что со мною из Москвы в Литву пришло всё доброе: вечный мир, любовь кровная, дружба, помощь на поганство. А ныне видят, что со мною всё лихо к ним пришло: война, рать, осада, сожжение городов и волостей; проливается христианская кровь, жены остаются вдовами, дети сиротами, плен, плач, крики, вопль. Вот каково жалованье, какова любовь твоя ко мне..... Лучше бы мне под ногами твоими, в твоей земле умереть, нежели такую славу о себе слышать...»

Елена Ивановна упрекает отца в том, что он не дал приданого ей, и ей нечем заплатить слугам своим, а муж её ни в чем не притесняет и даже в вере.

¹³⁴Н.И. Костомаров Русская история стр. 286.

Скупец Иван Васильевич в своем ответе умолчал о войне с Литвой, развязанной им, не обмолвился он и о приданом, которого он так и не дал дочери. Но как истинный демагог, предписал ей благочестивые наказания, и потребовал, чтобы муж её, князь Александр всё – таки построил православную церковь и взял бы из Москвы православных священников службу служить: « ... и мне и всему роду нашему не чинила бы бесчестия. Хотя бы тебе, дочка, пришлось за это и до крови пострадать – пострадай».

Великая Литовская княгиня Елена Ивановна пережила своего супруга. После смерти Александра, ей отдали «на кормление» области, граничащие с Русью. Москва не раз пыталась силой захватить эти земли уже у королевы польской Елены Ивановны. Елена охладела к своей родине, видя в московских князьях только хищников.

Когда наступило время жениться князю Василию Ивановичу, брату Елены, он послал к сестре посла с просьбой, чтобы она приглядела для него на Западе невесту с хорошим приданым. Елена отвечала брату, что искать ему невесту не намерена, что на западе не любят греческой веры, считают православных нехристями и не отдадут дочери за православного государя.

Так смотрели на Москву в Европе. Тем паче, что «нравы московских людей были до того грубы, что и впоследствии, когда посылались русские послы за границу, нужно было им писать в наказе, чтобы они не пьянствовали, не дрались между собой и тем не срамили русских людей».¹³⁵

Зерна восточного деспотизма пали на благодатную русскую почву и дали буйные всходы: жестокость, доведенная до садизма, так, что Дракула «отдыхает»; жадность, доведенная до крайней степени скупости, разорившая страну и её несчастных производителей; обостренное самолюбие московского князя, породившее тёмное и жуткое самодержавие. По существу Москва превратилась в центр Золотоордынского государства со всеми признаками дикой орды. Да других моделей правления на Москве не знали, а коли бы и знали, так не приняли бы.

Когда ученые спорят о том, была ли на территории Руси Золотая Орда и не наши ли князья были ханами. Считаю: нашествие монголо – татар безусловно имело место в тринадцатом веке. Чингисхан, Джучихан, и Батухан, бесспорно, являлись монгольскими ханами, а не русскими князьями, как пишут некоторые современные ученые историки. Наши же русские князья, покорившись кочевникам, переняли культуру и строение государства монгольского и обычаи восточные. С развалом Золотой Орды в пятнадцатом веке, все её признаки возникли на исконной территории Руси. «Русские татары», ещё более жестокие, более деспотичные возглавили русское государство, и тогда – то Русь была отброшена от цивилизованного мира на триста лет.

Можно писать о величии наших правителей, об их мудрости в вопросах сохранения веры, охранении и приобретении территорий, накопления богатой казны, и всё это будет чистой правдой. Только все завоевания их и

¹³⁵ Н.И.Костомаров Русская история стр 285.

приобретения были за счет обнищания русского народа, его непрерывных и бесконечных мучений, его бесправия и темной безграмотности и невежества. Может ли народ гордиться своими мучителями?

Удивительна роль православной церкви. Как же, гордясь высокой духовностью, отцам церкви можно было потакать садистским наклонностям правителей и толкать их на путь самодержавия, всячески поощряя их самодурство. На глазах у служителей православия народ дошел до состояния дикости и нищеты?!

Разве зверская эксплуатация и издевательства над ближним своим, есть духовность?! Где были христовы пастыри, когда Русь на глазах у них ввергалась в пучину самодержавия?! Странно.....Очень странно.

ДЕВЯТОЕ И ДЕСЯТОЕ КОЛЕНА ОТ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО.
 ВАСИЛИЙ ТРЕТИЙ ИВАНОВИЧ И ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ЧЕТВЕРТЫЙ
 ГРОЗНЫЙ.

/ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ/

1. МЕЗАЛЬЯНС.

От второй жены, Софьи Фоминичны Палеолог, Иван Горбатый имел пять сыновей и трех дочерей. Одна из которых, Елена, умерла во младенчестве. Вторая дочь Феодосия была выдана за князя Василия Холмского, младшая Елена, выйдя замуж за литовского короля Александра, стала впоследствии королевой Литовской и Польской.

Старшим из сыновей был Василий Иванович, к которому и перешла вся власть от отца. Братья его, Юрий, Семен и Андрей Ивановичи, получили в наследство «на кормление» по несколько городов, но уже далеко не на правах независимых владетелей.

Василий Иванович, изъявивший желание жениться, не смог найти себе жену из числа принцесс Европейских королевских семейств. Была попытка сватовства к датской принцессе, но король Дании, хоть и сказывался союзником Москвы, от брака дочери с сыном Московского царя, уклонился.

Пришлось Василию Ивановичу искать для себя невесту из числа своих подданных, и это было горькой участью русского государя. По меркам западных правящих домов, такой брак считался мезальянсом, т.е. неравным и унижительным для царствующей особы.

По приказу царя, на двор Московского кремля свезли пятьсот самых красивых девиц из боярских, княжеских и дворянских семей. Кастинг проводился поэтапный. Требования были немудреные: царская невеста должна быть красивой, с телом без изъянов, и главное, здоровой, чтобы могла родить здоровых наследников – продолжателей династии Московских царей. Выбор пал на Соломонию, дочь незнатного дворянина Юрия Сабурова.

«Государь не знал её нравственных качеств и не нуждался в этом; свидетельствовали только её тело; она была в сущности не более, как самкой, обязанной производить детей для государя». ¹³⁶

«Этот брак имеет вообще важное историческое значение, по отношению к положению женщины в московской стране» - пишет далее Костомаров. С этого момента закрепощение женщины пошло полным ходом, роль её была мизерной в обществе.

И здесь Московское государство по дикости своей перегнало Золотую орду периода монгольских ханов. У монголов жены ханов имели право решать государственные вопросы и их именем подписывались важные государственные документы. Слово, изреченное ханшой, порой было важнее мнения хана.

В Московском государстве эпоха Василия Ивановича была временем, «когда утвердилось всеобщее самоунижение русских людей: понятно, что и женщина должна была переживать период своего крайнего семейного порабощения», - пишет всё тот же Н.И.Костомаров.

Прожив с Соломонией двадцать лет, Василий не заимел детей. Это послужило официальной причиной к расторжению брака с боговенчанной женой. Василий Иванович собрал совет, на который были приглашены духовные лица и знатные бояре. Вопрос, предложенный на рассмотрение, был один: следует ли государю развестись с женой Соломонией?

Один из близких бояр рассказал жалобную байку о том, как Василий Иванович едучи в позолоченной колеснице, окруженный воинами, увидел на дереве птичье гнездо, прослезился и сокрушенно возопил:

- Тяжко мне! Кому уподоблюсь я? Ни птицам небесным – они плодовиты, ни зверям земным – и они плодовиты, ни даже водам – и они плодовиты: они играют волнами, в них плещутся рыбы.

Потом глянул Василий Иванович на землю и сказал:

- Господи! И земле я не уподоблюсь: земля приносит плоды свои на всякое время, и благословляют они тебя, Господи.

Эта байка явно была рассчитана на смягчение сердец членов совета.

Василий в свою очередь пожаловался совету, что супруга его неплодна, и спросил с дрожью в голосе:

- Кому царствовать после меня в русской земле и во всех городах и пределах? Братьям ли отдам их? Но они и своих уделов не умеют устраивать!

Оправдывая царя, бояре отвечали библейской притчей:

- Государь, неплодную смоковницу отсекают и выбрасывают из винограда.

Против развода выступили князь Семен Федорович Курбский из рода Ярославского княжеского рода и духовники Вассиан и Максим Грек. Их доводов совет не уважил, а позднее Василий жестоко отомстил им.

Близкие к царю люди, знали, что дело было не только в том, что Соломония неплодна, а в том, что с некоторых пор при дворе царя

¹³⁶ Н.И.Костомаров Русская История стр. 305

Московского появилась молодая литвинка именем Елена Глинская, племянница известного литовского вельможи Михаила Глинского, бежавшего от гнева Литовского короля Сигизмунда.

Василий Иванович, хоть и был могуществен и грозен, как его отец, но тяжело страдал комплексом неполноценности. Когда ни одна западная держава не отдала за русского царя своих невест, Василий понял, что как бы он ни превозносил себя, среди равных себе правителей, он является самым ничтожным и презираемым за невежество и отсталость. А может быть и по другой, более весомой причине. Но об этом потом.

Елена Глинская появилась в мрачных московских палатах, как звезда с западного небосклона. Одета по европейской моде в юбки с пышными подъюбниками, подчеркивавшими её стройную фигуру, и тонкий стан, она была совершенно не похожа на русских женщин, навьючивавших на себя множество одежд, скрывавших их расплывчатые формы.

Елена Глинская была смела, остра на язык, открыта в своих высказываниях и явилась воплощением той недоступной мечты, которая будоражила воображение уже не молодого, но зрелого мужчины, каким был Василий Иванович, царь Московский.

Решением царского совета Соломония Юрьевна была обречена на отлучение от царского ложа и заточения в монастырь. Несчастливая царица искала способа приворожить любовь мужа. Она принимала у себя знахарок, обавниц, колдуний и исполняла все обряды, которые предписывали они ей. Однажды в покои царицы привели безносую женщину, которая передала Соломонии склянку с водой. Той водой надобно было мочить руки и потом касаться исподнего белья Василия. Безносая женщина, возможно, была больной, оттого и нос у неё провалился, а водица, которую она принесла, могла быть зараженной. Но это не остановило Соломонию.

Так или иначе, но любовь мужа царица не вернула, а в монастырь её отправили силой. Когда она выразила протест, то бывшую царицу отходили ремённой плеткой. Знай, мол, теперь своё место.

2. РАЗБОЙНИК КУДЕЯР - ПЕРВЫЙ РУССКИЙ САМОЗВАНЕЦ.

В январе 1526 года, на Рождество, Василий Иванович женился на Елене Васильевне Глинской. Молодая жена пленила Василия иноземными понятиями и обычаями, представлявшими новизну для её дремучего мужа.

Василий Иванович, потакая всем прихотям жены и стараясь понравиться ей, даже сбрил бороду, а это по тогдашним понятиям было непростительным уклонением от старых обычаев и осуждалось не только народом, но и духовниками. На православных иконах праведники всегда изображались одесную /справа/ от Спасителя, с бородой и усами. А все грешники, еретики и басурманы помещались слева от Господа, и были они позорно обриты, иногда только у некоторых торчали усы, как у котов или псов. И это было серьезным довод против новой моды.

Тем не менее, западная мода стала приживаться в Москве.

Н.И.Костомаров пишет: «Тогдашние записные щеголи не только брили себе

бороды, но выщипывали волосы на лице, стараясь уподобиться женщинам... Они носили красные сапоги, расшитые шелком, до того узкие, что ноги болели у них. Модники того времени навешивали на себя пуговицы, ожерелья, на руках носили множество перстней, мазались благовониями, притирали себе щеки и губы, и щеголяли вычурными манерами, состоявшими в известного рода кивания головы, расставлении пальцев, подмигивании глазами, выставлении вперед ног, особенного рода походке и т.п.». Чем, не нынешние «крутые ребята»? Василий, женившись на Елене, начал так же щеголять.

Великая княгиня всё более овладевала влюбленным супругом, но время шло, детей у Елены не было. Несколько лет ездила царская чета по монастырям и молила Бога послать им дитя. Но Бог не слышал их молитв, может, просто не желал продолжения этого кровожадного рода.

Между тем разнесся слух, что Соломония Юрьевна, оказавшись в монастыре, вдруг почувствовала, как в её утробе зашевелился ребенок. Сказывали, будто она родила мальчика, которого нарекли Георгием в честь Георгия Победоносца. Отвергнутая женщина жаждала справедливости и видела в своем сыне мстителя.

Услышав о том, что Соломония беременна и скоро разрешится, Василий Иванович очень рассердился на женщин, принесших ему эту весть. Он даже побил одну из них. Тем не менее, царь отослал в монастырь комиссию с советником Федором Раком и секретарем Потатом. Соломония, узнав о прибытии комиссии, бросилась в храм, вошла в алтарь и даже взялась рукой за престол, что было запрещено для женщин. Однако члены комиссии не посмели её оттуда извлечь и допрашивали царицу – монахиню так, как она того пожелала. Соломония с достоинством отвечала чиновникам, что не видит ничего странного в том, что у неё родился ребенок: «Я была со всякою мою надлежащею должностью и честью была царица и перед несчастием своим за несколько времени стала быть непраздна от супруга моего царя Василия Ивановича и уже родила сына Георгия, который ныне от меня отдан, и хранится втайном месте до возраста его, а где он ныне, о том я вам никак сказать не могу, хотя в том себе и смерть приму!»

После того расследования Василий Иванович не только не наказал бывшую жены за якобы обман, но наоборот, одарил её царским подарком, селом Вышеславским с деревнями и с починками и со всем тем, что к тому селу исстари потягло, и владеть Соломония могла тем селом до самой своей смерти, а после смерти то село должно отойти к монастырю на помин её души. Это говорит о том, что Василий Иванович поверил в рождение сына и вероятно, был рад.

Слухи о рождении Соломонией наследника встревожило Елену, которая не могла забеременеть. Положение её вызывало тревогу и в кругу её приближенных.

Под давлением Елены Глинской царь вновь направляет верных людей в Покровский монастырь, где прозябала бывшая жена, чтобы ещё раз проверить достоверность слухов о рождении наследника. Жизнь новорожденного царевича оказалась под угрозой.

Но в окружении Соломонии, видимо, были сочувствующие ей духовные лица. Люди далеко не глупые, они, узнав о предстоящем приезде царской комиссии, объявили о смерти новорожденного царевича. К приезду царских посланников во дворе монастыря вырос маленький холмик под православным крестом.

- Преставился младенец! - объяснили проверяльщикам в Суздале, - Бог дал, Бог взял! – развела руками настоятельница Покровского монастыря.

В советское время были вскрыты могилы на территории Покровского монастыря. В одном из раскопов пятнадцатого века открыли маленький гробик - колоду. Археологи с удивлением обнаружили в нём тряпичную куклу, ростом с младенца, одетую в мужскую рубашку и опоясанную пояском с кисточками.

Милосердные монахини Покровского монастыря и сама Соломония позаботились о том, чтобы сохранить жизнь царственному младенцу. Нам не известно, где и как он рос, кем воспитывался. Только сохранились бывальщины того времени и сказки о замечательном разбойнике Кудеяре, выдававшим себя за отвергнутого отцом царского сына и творившем справедливый суд над богатыми, защищая бедных и сирых.

Сказывали, что по жестокости и готовности убивать был он сродни самому Ивану Грозному, своему сводному брату.

И ещё. Во время Ивана Грозного была вполне реальная фигура боярского сына и разбойника Кудеяра Тишенкова. Орудовал он где – то под городом Белёв. В 1971 году он перебежал к Крымскому хану Дивлет - Гирею, пришедшему под Тулу и ушел с ним в Крым. Оттуда он переписывался с Иваном Грозным, но на Русь так и не вернулся. Сказывают, что в местах, где он разбойничал, до сих пор находят кудеяровы «поклажи», т.е. клады.

Соломония Сабурова пережила мужа своего, Василия Ивановича, умершего летом 1533 года и Елену Глинскую, которую отравили в апреле 1538г. Умерла Соломония Юрьевна в 1542 году в Покровском монастыре, где прожила 17 лет.

3.РУССКАЯ ЗЕМЛЯ ПОКОЛЕБАЛАСЬ!

25 августа 1530 года Елена Глинская, наконец, разрешилась от бремени младенцем «мужеска пола», будущим Иваном Грозным.

Рассказывают, что в час её родов по русской земле прокатился страшный гром, молния блеснула, земля поколебалась! Природа – мать возмутилась

рождением будущего царя, самого страшного, самого кровожадного на Святой Руси.

Оставшись в четыре года сиротой, Ванечка и его младший брат Юрий, воспитывались своими дядьями Шуйскими. Много притеснений дети видели от своих необразованных и грубых родственников. Младший брат, Юрочка, рос малоподвижным, запуганным ребенком, и развивался слабо, но это не беспокоило его опекунов.. Иван же пристрастился к чтению, благо, что у митрополита Макария была собрана огромная по тем временам библиотека. Тогда в душе царя – отрока были посеяны семена великого самодержавия. Макарий внушил царю – отроку, что с погибелью Византии под турецким натиском, православное царство не должно погибнуть. Константинополь и так не был первой столицей православия. Первой столицей был Рим, Константинополь – второй Рим. А Москва должна быть третьим Римом. А четвертому Риму не бывать!

Иван Васильевич впитывал великодержавные мысли митрополита и соглашался с ними.

Ивану грели душу слова митрополита, что уже его дед Иван Третий и отец Василий Иванович Третий считали себя переестественно царями, с одной стороны, потому что заступили на Руси место ханов Золотой Орды, которых в течение веков привыкли называть царями, а с другой стороны, считали себя по женской линии переестественниками византийских императоров /кесарей/, титул которых на Руси издавна переводился, как «царь».

Митрополит Макарий, потакая царю, придумал сказку о том, что прадед святого Владимира, Рюрик, имел происхождение от самого римского императора Октавиана Августа. Всё делалось для придания большей важности царскому роду.

Тогда же была выдумана сказка о том, что «шапка Мономаха» была прислана византийским императором Константином Мономахом в дар внуку своему Владимиру Мономаху, и золотая цепь, и бармы. Владимир Мономах, будто бы, передал эти регалии сыну своему Юрию Долгорукому и велел хранить их и передавать из поколения в поколение до тех пор, пока не появится в государстве истинный царь Всея Руси.

Хотя и тогда было известно, что «шапка Мономаха» всего лишь ханская тубетейка, а золотая цепь была отобрана у фряжского купца.

Тогда же, читая летописи, Иван видимо, убедился, что является наследником младшей ветви рода, что по старому Русскому праву, считалось незаконным. Ведь Даниловичи взяли власть тогда, когда ещё были живы наследники старших ветвей рода. Это подтверждало незаконность власти московских князей и сеяло страх за своё место и свою жизнь в душе молодого царя.

Из летописей Иван узнал, что новгородцы выгоняли его пращура, Александра Невского, из города за вину его. Тогда – то, по приказу митрополита Макария, в угоду царю, начинаются переписываться летописи, и многое из того, что древние летописцы хотели донести до будущих поколений, было утрачено.

Мало этого, Иван пестовал в своей душе черную мысль о мести новгородцам за бесчестие своего пращура Александра Невского. Со временем он осуществит свою месть, и тогда река Волхов будет запружена тысячами мертвых тел. Женщин связывали веревьем, стягивали ноги к рукам, а к животу привязывали детей и так сталкивали под лед. Мужчин подвергали разным жестоким казням. И это при том, что коренные новгородцы ещё при Иване Третьем Горбатом в большинстве своём были переселены в другие земли, а в Новгороде поселились люди из разных княжеств.

В то же время Иван видимо, услышал легенду о том, что Александр Невский и его род были прокляты чудским племенем, что рано или поздно его потомкам придется держать ответ за злодеяния основателя рода. Это испугало царя. Из Новгорода он отправился в Псков, жители которого приготовились умирать, так же, как новгородцы, но там он не стал зверствовать и отошел назад, в Москву.

4. ГЛИНСКИЕ У ВЛАСТИ.

Вследствие политической борьбы, Шуйские были оттеснены от власти, им на смену пришли родственники матери Ивана, бояре Глинские. Ивану Васильевичу исполнилось тринадцать лет, когда он приказал казнить своего дядю Ивана Шуйского. Эта казнь очень понравилась молодому царю, следующими казненными были его сверстники, друзья детства, князья Кубенские из Ярославского княжеского рода и Воронцовы. «Иван не способен был к долгим привязанностям, и для него ничего уже не значило, убить человека, которого еще не так давно считал своим другом». ¹³⁷

16 января 1547 года Иван Васильевич венчался на царство с мыслью, внушенную ему приближенными и митрополитом Макарием, что он не только русский царь, но вообще вселенский православный царь. Тогда митрополит Макарий венчал Ивана «шапкой Мономаха», бармами и цепью.

Соперников у Ивана Васильевича в то время не было. Родной брат Ивана, Юрий Васильевич, от рождения был слабоумным и не мог претендовать на власть. Он сопровождал старшего брата в его поездках по монастырям, был даже женат, но делами государственными, к удовольствию старшего брата, не занимался.

В феврале 1547 года Иван Васильевич венчался с боярышней Анастасией Никитишной Романовой – Юрьевой, дочерью умершего окольничего Романа Юрьевича Захарьина. Г.Вернадский даёт такую характеристику царской невесте: «Спокойная, высокой нравственности, кроткая и вместе с тем твердая, Анастасия оказала на Ивана благотворное влияние, смягчив его бурный и озлобленный нрав»¹³⁸

Н.И.Костомаров утверждает, что женитьба не изменила характер царя. Он продолжал свою буйную, беспорядочную жизнь, не занимался делами правления, но постоянно заявлял, что он самодержавный государь и может

¹³⁷ Н.И.Костомаров.

¹³⁸ Г.Вернадский. Начертание русской истории. Стр.166.

делать, что ему угодно. Он очень не терпел, чтобы его беспокоили жалобами. Летом того же года к нему в сельцо Островка прибыли семьдесят псковских людей с жалобами на царского наместника. Иван вскипел. Он приказал раздеть жалобщиков донага, связать их, повалить на землю и поливать горячим вином, а волосы на голове и бороды палить свечами. В числе псковских ходоков были представители северных племен, в том числе и чуди. Так или иначе, но издевательства эти закончились внезапной вестью о том, что в Москве, когда начали благовестить к обедне, упал колокол. Это считалось предвестием общественного бедствия. Иван перепугался и, бросив свои жертвы, поспешил в Москву. Бедствие не замедлило случиться. В Москве разразился пожар. Он охватил и центр города и посады. Сгорело много людей, домов, церквей. Прошла весть о том, что Москву подожгли Глинские, любимцы царя. Толпа растерзала одного из Глинских и бросилась на Воробьево, где жил царь с семьей. На глазах Ивана самодержавие терпело крах, оно утратило свою силу над народом. Иван, веривший в своё всемогущество «впал в крайнюю трусость и совершенно растерялся».

5. СИЛЬВЕРСТ И АДАШЕВ.

Тогда перед ним появился человек, в монашеской одежде по имени Сильверст. Он сказал, что пришел от новгородских земель с далекого Севера. Он пришел, чтобы от имени Бога спросить с царя за обиды, причиненные бедным людям, за неправду его наместников, за жестокие казни:

- Чуешь ли, ты, великий грешник, как разгневался Господь на род твой и на тебя!? – воскликнул Сильвестр, - Покайся! Ибо ты преступаешь закон Божий! Разве не посылал Господь тебе моры и потопы? Разве не развеял в пепел город твой, где творишь ты зло?

Обличительная речь Сильвестра потрясла Ивана. Он упал на колени и стал каяться перед неизвестным старцем. А Сильвестр ещё долго пророчил царю кары Небесные, поведал ему о чудесах и явлениях от Бога происходящих. Он потребовал от Ивана изменить образ жизни.

С того самого дня Иван оказался под опекой Сильвестра, который приставил к нему молодого человека незнатного происхождения, Алексея Адашева, который был большого ума, в высокой степени нравственный и честный.

Андрей Курбский пишет о нем так:

«Если бы всё подробно писать об этом человеке, то это показалось бы совсем невероятным посреди грубых людей; он, можно сказать, был подобен ангелу».

Эти двое, Сильвестр и Адашев, взяв под контроль действия Ивана Васильевича, по существу заменили собой царскую власть. Они окружили Ивана людьми с широкими взглядами и любовью к общему делу. Князь Дмитрий Курлятов, князь Андрей Курбский, Воротынский, Одоевский, Серебряный, Горбатый, Шереметевы составили великолепный ансамбль соратников молодого царя. Сильвестр пошел ещё дальше и счел нужным извлекать из толпы людей незнатных, но честных, и ставить их на различные

государственные должности. Государство стало управляться кругом лиц, имевших самые передовые взгляды того времени. Этих людей князь Андрей Курбский называет «избранною радой».

«Избранная рада» считала, что царь должен искать совета не только у своих советников, но у «всенародных человеков». Тогда же собирается земский собор из выборных людей всей русской земли. Невиданное явление в истории Руси. Это было всенародное вече, вече веч!

Царь произвел Адашева в чин окольничего и обязал его принимать челобитные и рассматривать их. Тогда же были избраны и судьи правдивые, призванные составить Судебник - сборник светских законов, Стоглав и Уставные Грамоты. Целью этих документов было – охранить народ от произвола правителей и судей.

«Характер законодательной деятельности этой эпохи отличается духом общинности, намерением утвердить широкую общительность и самодеятельность русского народа и дать ему возможно большие льготы»¹³⁹

20 августа 1552 года московское войско выступило к Казани. Летописцы говорят, что к тому времени татары досаждали Руси более, чем Батый, который прошел по Русской земле и схлынул, а казанцы совершали постоянные набеги на границы Руси, уводя в плен местное население. Ивану не хотелось идти на войну. Он пишет впоследствии князю Курбскому: « Вы меня, как пленника, посадивши в судно, повезли сквозь безбожную и неверную землю». Так или иначе, но Казань была взята к октябрю месяцу. Иван Васильевич сильно скучал по московскому житью. Он тут же собрался восвояси, и, покинув войско, ушел в Москву.

Москва встречала царя торжествами. Царица Анастасия родила сына Дмитрия. А плененный казанский хан Едигер, привезенный в Москву, был окрещен в Успенском соборе. Тогда же крестились много татарских князей, которые, получив чины при царском дворе, влились в состав знатных русских родов.

Опять мы видим, победа над Казанью произошла не по воле царя Ивана, а вопреки его желанию и благодаря уму и храбрости его окружения.

6. ПЕРЕВОРОТ.

В 1553 году Иван внезапно заболел горячкой. Он метался в бреду, терял сознание, когда пришел в себя, то изъявил желание написать духовное завещание, в котором младенца Дмитрия объявлял своим наследником. Боярам царь повел присягнуть царевичу Дмитрию на верность. У постели больного царя бояре спорили, не стесняясь больного Ивана и, не робея друг перед другом. А зря. Иван Васильевич, имея вид умирающего, из – под опущенных век, зорко следил за каждым спорщиком, внимательно выслушивал оппонентов и делал свои выводы.

¹³⁹ Н.И.Костомаров. Русская история стр 413

Первое, что его встревожило, было то, что его двоюродный брат Владимир Андреевич, сын его дяди Андрея Васильевича, не хотел давать присяги царевичу Дмитрию. Иван Васильевич воспаленным, больным умом вообразил, что Владимир Андреевич претендует на царский венец. Он повелел не допускать к своей постели Владимира Андреевича. Но Сильвестр, не разделяя тревоги царя, вступился за его двоюродного брата, за что и поплатился.

Выздоровев, царь Иван расправился со своими бывшими соратниками. Он сослал Сильвестра в монастырь на Соловки.

Адашева царь отправил сначала в войско на границу с Ливонией, потом приказал перевести его в Дерпт и посадить под стражу. Адашев вскоре там заболел горячкой и скончался. Говорили, будто, он отравил себя, чтобы не попадаться в руки своему бывшему другу, царю Ивану. После смерти Адашева не осталось никакого достояния. Он всё ещё при жизни раздал нуждающимся.

В то страшное время Иван получил прозвище Грозный. Многих прежних соратников он просто казнил. Причем выбирал самые страшные кары, когда, насытившись царским обедом, приказывал он привести и поставить их перед его очами и тешился их воплями, забавлялся их пыткой и злой смертью, до того жестокой, что золотоордынским ханам далеко было до садистских изысков русского правителя.

Князь Андрей Курбский бежал от опалы в Литву. И оттуда писал Ивану Васильевичу обличительные письма. Иван горячо оправдывался и с удовольствием отвечал Андрею Курбскому. Переписка двух бывших друзей, сделавшихся врагами, дошла до наших дней.

Расправившись с «врагами», Иван Васильевич поехал по монастырям, вымаливая милости у Бога, прося здоровья себе и наследнику. Но Господь не захотел услышать душегуба, младенец Дмитрий вскоре умер. В одном из монастырей царская чета встретили старого монаха Вассиана, бывшего когда – то в большой милости у отца Ивана, царя Василия Ивановича. Вассиан сказал Ивану:

- Не держи около себя никого мудрее тебя, коли хочешь стать настоящим самодержцем.

Совет Вассиана попал в самое сердце Ивана. Он поцеловал руку старцу и ответил:

- Если бы отец родной был жив, так и тот не сказал бы мне ничего лучшего!

Началось время опричнины, время репрессий и страшных расправ над людьми. Н.И.Костомаров пишет об Иване того времени: «Мучительные казни стали доставлять ему удовольствие: у Ивана часто они имели значение театральных зрелищ; **кровь разлакомила** самовластителя; он долго лил её с наслаждением, *не встречая противодействия*, и лил до тех пор, пока ему не преелось этого рода развлечение».

В июле 1560 года обострилась болезнь царицы Анастасии. В Москве разразился пожар. Царица испугалась и 7 августа умерла, оставив после себя

двух сыновей, Ивана и Федора. Иван Васильевич воспринял смерть жены, как кару небесную, но на седьмой день после похорон Анастасии заговорил о новой женьитьбе.

Как только Иван Васильевич разогнал и уничтожил своих соратников по славным государственным делам, и вернулся к самодержавию, Русь настигли несчастья: кровавые мерзости опричников, трехлетний всеобъемлющий голод, доходящий до людоедства, эпидемия чумы. Ливонская война, которая длилась двадцать пять лет, закончилась полным поражением русских войск. Русь потеряла все завоеванные ранее территории и все древние владения в Прибалтике.

Зато Иван Грозный с успехом поборол русские торговые города Псков и Новгород. Покончено было навсегда с их могуществом, и вольницей, торговля захирела, а скудная природа не давала народу этих северных областей средств к пропитанию и богатым промыслам.

В 1571 году произошло нашествие крымского хана Дивлет – Гирей на Москву. Разбойник Кудеяр Тишенков да несколько детей боярских сообщили хану о плачевном состоянии русской земли, о варварствах Ивана, о всеобщем унынии русского народа, указывали ему, что наступает самое удобное время напасть на Москву. Иван Васильевич испугался нашествия сильно и повел себя так же, как его предки. Он бежал в Серпухов, оттуда в Кострому. В Московском пожарище погибло 80000 москвичей. Хотя Костомаров считает эту цифру преувеличенной.

Дивлет – Гирей писал русскому царю с насмешкой: « Много людей твоих я саблею побил, а других в полон взял, всё хотел венца твоего и головы; а ты не пришел и не стал против меня. А ещё хвалишься, что ты московский государь! Когда бы у тебя был стыд и дородство, ты бы против нас стоял!».

Иван Васильевич был унижен, поражен и совершенно пал духом.

8. КРАТКИЙ ИТОГ,

Мне не хочется говорить о победах того времени, когда были завоеваны Казань и Астрахань, и когда некоторые правители татарские и их вельможи, подчинились Москве. Не хочу вспоминать о других, якобы, заслугах последнего правителя из рода Александра Невского. Если и были какие – то успехи Руси того времени, то совершались они не вследствие руководства царя, а вопреки ему, и только потому, что земля русская не оскудела талантами и героями, толкавшими тяжелую государственную машину по созидательному пути.

А вот о разорении русского государства, когда только под Москвой пустовало 84 процента обрабатываемой земли, о нищете и бесправии русского человека, о царском иге, которое было страшнее татарского, вот об этом совету никогда не забывать.

Это была оккупация Москвой всех русских земель, и порабощение всех сословий русского народа, а особенно трудового крестьянства, когда Иван

Горбатый ввел для них Юрьев день, а Иван Грозный ограничил переход крестьян от одного хозяина к другому урочными годами.

«Орпичнина Ивана Четвертого на века затормозила развитие русского общества, утвердила во всей его толще крепостничество и ввергла страну в последующее Смутное время раздоров и самозванцев на российском троне»¹⁴⁰

Смута послеиванового времени была порождена кровавой деятельностью последних царей рода Александра Невского. Смута в душах людских породила и смутное время, которое отличилось самозванством, народными восстаниями, и большими людскими бедствиями.

Наконец поднялась вся земля Русская. Земское ополчение от Нижнего Новгорода пошло к Москве на выручку. По дороге в него вливались новые силы русских патриотов. В Ярославле земское ополчение простояло с апреля 1612 года по август того же года, собирая силы и средства на борьбу с врагом.

Князь Дмитрий Пожарский и его сподручник Кузьма Минин собрали в Ярославле Совет всея земли, который в грамоте Д.М.Пожарского называется земским Всемирным Советом, который можно назвать первым общероссийским правительством Руси.

«Из Грамоты Д.М.Пожарского и бояр из Ярославля в Белозерск воеводе С.Н.Чепчугову о выборных на Земский Совет в Ярославле:

Прислали , господа, к нам для Земского Совету протопопа Михаила да посадских людей, Пятово Кузмина, Гаврила Поспелова, сына Мокшеева да черных волостей крестьянина Дружину Иванова сына Родина. И мы, господа, по Совету всея земли Белозерских посадских людей отпустили на Белоозеро, а для земского Всемирного Совету в Ярославле оставили протопопа Михаила да черных волостей крестьянина Дружину Родина. И вы б, господа, по прежнему своему к нам Всемирному Совету были с нами в любви и в соединении, о всяких делах с нами ссылались по - часту. Писана в Ярославле лета 7121 /1612/ мая в 10 день».¹⁴¹

В Ярославле была сделана попытка врагами убить князя Пожарского и ярославцы отстояли его жизнь. А в следующем году 1613 через Ярославль, где работало первое избранное правительство - Всемирный Совет всея земли, проехал поезд нового царя, 16 летнего Михаила из рода Костромских князей Романовых. Началась 300 летнее правление новой династии. Началась новая история для русского многострадального народа.

9. КАМЧУГА.

Дед, Иван Третий Горбатый 1440 - 1505, отец, Василий Третий 1505 - 1533 и сам Иван Четвертый 1530 – 1584 Грозный выделились болезненной скупостью, садистской жестокостью, были потатчиками собственных инстинктов. Черты эти были свойственны и их далеким предкам, тому же Александру Невскому и его сыновьям, один из которых основал династию

¹⁴⁰ А. Никитин. Основание русской истории. Исследования и статьи.

¹⁴¹ Ярославль. История города в документах и материалах. Ярославль. В-Волжск. Кн. Изд 1990г.

Московских князей, «прибравшей к рукам» всю Русскую землю. Только не освободителями земли Русской представляю я этих князей, но покорителями своего же народа, насаждавшими идею покорности и рабства каждого, кто считался подданным царя Русского.

А теперь я хочу поделиться своими домыслами с читателями. Мне кажется, что я нашла причину ненормальности последних царей династии Александра Невского.

Характер поведения этих людей, облеченных царской властью, заставляет думать об отклонениях в умственном развитии и болезнях души.

Попробуйте у недоразвитого, дебильного¹⁴² человека попросить что-то, принадлежащее ему. Как бы вы ни упрашивали, какие бы ни приводили доводы, он останется глух к вашим просьбам. Болезненная скудость - первый признак отклонения в умственном развитии. Зато такие люди могут быть жестокими без меры и без колебаний совести. У них недоразвито понятие о милости, человечности, справедливости и жалости.

А теперь вернемся ко времени Василия Темного прадеда Ивана Грозного. О нем первом пишут, что сильно исхудалое тело великого князя пришлось лечить прижиганием трута. Что могли прижигать трутом на теле царя? Конечно язвы, которые выступили по всей поверхности кожи, беспокоили его болью так, что он приказал жечь своё тело без жалости. Слуги перестарались, от того царь и скончался. Н.И. Костомаров пишет, что «Василий Васильевич умер от неудачного лечения трутом». Карамзин пишет: «сделались раны, начали гнить, и больной, видя опасность, хотел умереть монахом: ему отговорили».

Возможно, болезнь, о которой пойдет речь дальше, могла быть заразной и могла пристать к Василию Васильевичу ещё в 1444 году, когда при битве с татарскими силами под Суздалем на Нерли, он был взят в плен. Татарские мародеры сорвали со слепца дорогие одежды, а взамен видимо, кинули какое – то тряпье, чтобы прикрыть его наготу. С кого сняли то тряпье, какой человек носил рубище, доставшееся русскому царю? Могло ли быть, что до царя носил это бельё человек, зараженный проказой? Вполне возможно. Крымка – проказа была тогда известной болезнью, если не сказать распространенной.

Что носил тогда, в плену, князь Василий Второй, с кем вынужден был соприкасаться, что употреблять в пищу и в питьё, не известно. Известен только плачевный результат последних лет его жизни. Не случайно, видимо, и сетование Карамзина по поводу того времени: «земля оскудела не людьми, но умом правителей».¹⁴³

¹⁴² Дебильность – (от латинского DEBILIS – слабоумный.) – врожденное умственное недоразвитие, слабоумие. Дебилизм следует отличать от деменции, т.е. приобретенного слабоумия (ОЛИГОФРЕНИЯ). Причины Дебилизма: инфекция (сифилис, острые ифекции, интоксикации, внутриутробные и родовые травмы, поражения желез внутренней секреции) МСЭ т.3.

¹⁴³ Н.М.Карамзин т.5 стр. 165.

Сын Василия Темного, Иван Горбатый, как звали его за глаза современники, прожил долгую жизнь и умер в возрасте 67 лет. Известная гравюра из «Космографии» художника А.Теве изображает Ивана Третьего Васильевича в профиль. Портрет деда Ивана Грозного написан в 1584 году, по заказу внука и со слов очевидцев, знавших Ивана Васильевича Третьего.

Если взглядеться в черты лица русского царя, то можно увидеть *несоразмерно тяжёлый, рыхлый*, нос с горбинкой. Художник как бы подчеркнул эту деталь. Не был ли этот нос человека, пораженного камчугой или проказой?

Известно, что первая его жена умерла странной смертью, труп её раздулся и смердил гнилостным запахом. Считалось, что её отравили или сглазили, но, как знать, может, и она стала жертвой той болезни.

Когда прибыла Софья Палеолог, ей не дали опомниться и в первый же день обвенчали с Иваном. Почему так спешил русский царь? Не было ли в его поведении расчета на то, что невеста не должна была увидеть явных признаков чего – то, что могло препятствовать их браку? Загадка.

А вот старший сын Ивана Васильевича Третьего Горбатого от первой жены, Иван Иванович Храбрый, умер от камчуги, которая поразила его ноги, а потом и всё тело. Это уже с достоверностью, считай, официально, отмечено в летописях.

Владимир Иванович Даль определяет камчугу, как вид проказы, которую ещё называли крымкой, потому, что проказа в основном болезнь южных стран, и всего вернее, была распространена в Крыму в то время.

Интересно, что сводный брат умершего от камчуги Ивана Ивановича Храброго, Василий Иванович, отец Ивана Грозного, умер в возрасте 53 лет. Летописи не называют его болезнь, но признаки её всё те же, как и у старшего брата, Ивана Ивановича.

Василий Иванович, будучи на охоте, почувствовал боль в ноге. Гнойник вскрылся и раны пошли по обеим ногам. Гнойники вскрывались и смердили, как у покойного брата, Ивана Ивановича.

Сохранилась переписка уже страдающего болями Василия Ивановича, с его второй женой Еленой Глинской. В первой записке он пишет: «А ты бы ко мне и вперед о своем здоровье отписывала, и о своем здоровье без вести меня не держала и о своей болезни отписывала, как тебя там бог милует, чтоб мне про то было ведомо».

Василий, сам прикованный к постели, печалится о какой – то болезни своей жены Елены Глинской, видимо понимая, что он является источником той заразы.

В ответ Елена сообщает мужу, что их старший сын Ванечка /будущий Иван Грозный/ тоже болен. У него не шее показался веред.¹⁴⁴ Это очень обеспокоило Василия Ивановича, видимо, он понимает опасность, предполагая, страшную болезнь и волнуется за семью.

¹⁴⁴ Веред – чирей, болячка, камчук, антаркс, и карбункул, виды злого вереда, иногда смертельного В.И.Даль.

« Ты мне прежде об этом, зачем не писала? И ты бы ко мне теперь отписала, как Ивана – сына Бог милует, и что у него такое на шее явилось, и каким образом явилось, и как давно, и как теперь?»

Елена написала мужу, что веред у Ванечки прорвался. Василий Иванович пишет ей:

« И ты бы ко мне отписала, теперь что идет у сына Ивана из больного места или ничего не идет?»

Елена сообщает мужу, что и второй сын, Юрий так же заболел. Видимо, заразился от Ивана.

По-видимому, камчуга, крымка, проказа, эта болезнь поселилась в последних коленах рода Александра Невского и поразила не только тело царей, но и их разум.

Брат Ивана Грозного, Юрий Васильевич, переболев вередом, сделался слабоумным. Таким он и вошел в историю.

У самого Ивана Васильевича Грозного, долгое время не было признаков болезни. Но признаки душевного расстройства проявлялись с молодых лет, во всяком случае о безжалостной жестокости пишут летописцы. Попав под влияние Сильвестра, он несколько смягчился, боясь гнева воспитателя. А потом, переболев горячкой, вдруг сделался подозрительным, раздражительным, агрессивным. Видимо, болезнь его обострилась и пошла в глубь организма, и в мозг. Вот тогда – то возобновились кровавые мерзости. И Сильвестр, и окружавшие его прогрессивные соратники, попали в опалу и большинство из них были казнены вместе с семьями.

После смерти жены Анастасии, Иван посватался к Елене, сестре Польского короля, Сигизмунда, но тот, видимо, зная беду русских правителей, сестры своей Ивану не отдал. Елена пошла замуж за Иоанна, брата шведского короля Эриха.

Эрих, боясь за свою власть, засадил брата в тюрьму. Тогда Иван Васильевич посылает к шведскому Эриху своё посольство и просит выдать ему Елену, пока её муж сидит в тюрьме. Почти год решалась судьба несчастной женщины.

К счастью Елены и её мужа, Иоанна, Эрих умер. Иоанн принял корону Швеции и Елена, став королевой, оказалась недоступной для Ивана Грозного.

Второй женой Ивана Грозного была Мария Темрюковна, дочь черкесского князя. А потом были ещё пять жен, известных по летописям, которые очень быстро умирали или попадали в опалу. Видимо болезнь царя перешла в активную фазу и женщины очень быстро заражались. Сам же Иван был болезненно деятелен, но плоть его разлагалась и от него, живого, шел тяжкий дух гниения. Он облысел, зубы его сгнили, кожа покрылась морщинами, но мозг выдавал невероятные, фантастические идеи, от которых приближенные впадали в трепет.

Летописец пишет про Ивана Васильевича Грозного: « един таковой прелютый и кровожадный погубитель отечества, иже не токмо в Русской

земле такого чюда и дива не бывало, но воистину нигде же, мню зане и Нерона презлаго превзошел лютостью и различными неисповедимыми сквернами... жрущее и растерзающе рабов». А о брате его, Юрии Васильевиче летописец замечает: «а другой был без ума и без памяти и бессловесен аки див якой родился». Этот явно выраженный дебил.

В таком состоянии Иван Грозный посватался к Английской королеве Елизавете. Королева Елизавета, чтобы не оскорбить достоинства русского царя, предложила ему в жены свою племянницу, Марию Гастингс, тридцатилетнюю деву. Узнав о зверствах русского царя, Мария сказалась больной оспой и велела сообщить русскому царю, что она ни за что не захочет переменить католическую веру на православную. Так русскому царю было отказано.

Была ли болезнь, страшнее которой тогда не было на свете, исполнением проклятья чудского племени? Трудно сказать, но незадолго до смерти Ивана Грозного к нему без страха явились волхвы из северных земель, из тех, где когда – то «беспредельничал» Александр Невский. Они объявили волю своего Бога – Иван Грозный должен умереть 17 марта 1584года. Иван велел засадить их в острог.

17 марта Иван Грозный после обеда велел привести к нему северных волхвов. Послеобеденное время было время пыток.

- Что, грязные колдуны, напророчили мне смерть! А я жив! Жив! Почто соврали мне!? За то я предам вас злой смерти! Уже и уголья красны, и решетки раскалены, и щипцы заострены!

- День ещё не закончился, Грозный царь, - отвечивал старший из волхвов.

Иван велел увести старцев и приказал расставить фигуры на шахматной доске. Подняв одну из фигур, чтобы сделать ход, царь вдруг захрипел, опрокинулся навзничь, и смертные конвульсии пробежали по его телу.

Иван Грозный скончался, завершив почти трехсотлетнее правление династии, основанной мизинным сыном Александра Невского, которая отбросила русское государство в своем развитии на 300 лет назад.

10.ПОСЛЕДЫШИ.

У Ивана Грозного было четверо сыновей. Царица Анастасия Захарьина родила ему троих сыновей: Дмитрия, который умер во младенчестве, Ивана и Федора.

Старший, после умершего младенца Дмитрия, Иван Иванович отличался особой жестокостью и был не менее кровожадным, чем его отец. Иван Грозный убил его за то, что сын посмел вступить за свою жену, третью по счету. Двух первых снох Иван Грозный отправил одну за другой в монастыри.

Третий сын Ивана Грозного, Федор Иванович «Блаженный», рожденный в 1557г, был и впрямь блаженный. Слабоумный и слабовольный, он мог только молиться и не был способен управлять государством. За него

правил Борис Годунов, брат царицы Ирины, жены Федора Ивановича. Федор умер не оставив после себя наследников «мужеска пола».

Четвертый сын Ивана Грозного царевич Дмитрий был сослан с матерью Марией Федоровной Нагой в Углич Борисом Годуновым. Мальчик был болен падучей болезнью, т.е. эпилепсией. Мозг его так же был поражен врожденным недугом. Но уже в малом возрасте он проявлял жестокость и грозился, вступив на престол, злыми казнями уничтожить врагов своей матери.

Борис Годунов хорошо понимал угрозу, исходящую от младенца Дмитрия, и, как мне кажется, он не мог не принять на себя миссию освобождения Руси от потомка царя – садиста.

Так бесславно в конце 16 века закончилась неограниченная, расхристанная, поддерживаемая официальными кругами православной церкви, власть потомков Александра Ярославича Невского на Руси.

Я понимаю, что у меня будет много противников, прочитавших моё сочинение. Всегда хочется верить в величие собственного прошлого. Много героического написано о самом Александре Невском и о его потомках. Как правило, это сочинения мужчин, таких же агрессивных, как и их герои - властители. Но я женщина, и как мать - родительница, я с жалостью смотрю на несчастья моих соотечественников, которым суждено было жить не в просвещенной и гуманной стране, а в страшном мире самого черного средневековья под ужасным гнетом правителей, высасывавших все соки из своих подданных и считавших всех окружающих только рабами.

Закончить своё сочинение хочу словами писателя и философа Александра Зиновьева:

«Истина не приносит утешения. Ложь утешает».

ДОКУМЕНТЫ.

1. СКАЗАНИЕ ОБ УБИЕНИИ ДАНИИЛА СУЗДАЛЬСКОГО И О НАЧАЛЕ МОСКВЫ.

Кто думал – гадал, что Москве царством бытии, и кто же знал, что Москве государством слыти?

Были тут по Москве – реке села красные, хороши, боярина Кучка Стефана Ивановича. И бысть у Кучка боярина два сына красны, и не было столь хороших во всей Рустей земле. Изведав про них князь Данило Суздальский и спроси у боярина Кучка Ивановича двух сынов к себе во двор с великим прением. И глаголет: «Аще не дашь сынов своих ко мне во двор, и яз – де на тебя войной пойду, и тебя мечом погублю, и села твои красные огнем пожгу». И боярин Кучко Стефан Иванович убоялся грозы князя Данила

Суздальского и отдав сынов обоих своих князю Данилу Суздальскому¹⁴⁵. И князю же Данилу Суздальскому полюбидися оба сынови Кучковы, почал их любить, и и пожаловал их – одного в стольники и другого в чашники.

И приглянулся оне Даниловой княгине Улите Юрьевне, и уязвил дьявол ея блудною похотью, возлюбила красоту лица их: и дьявольским возжелением зжилися любезно. И задумали извести князя Данила. И мысля Кучка боярина дети со княгинею, како предати злой смерти. И умыслиша ехати поля смотрети для заячьего лова. И поехав князь Данило с ними на поле и отъехав в дебри, и нача Кучковы дети предавати злой смерти князя Данила. Князь ускоче на коне своем в рощу, частоте леса, и бежав зле Оку – реку, оставил конь свой. Оне же злии, аки волки лютые, напрасно хотя восхитити его, и в торопях и сами во ужасе искали его, и не могоша найти его, но токмо нашед коня его.

Князь же добежав зле Оку – реку до перевоза, и нечево дати перевозчику перевозного, токмо с руки перстень злат. Перевозщик глаголеше:

- Лихи – де вы люди оманчивы, како перевези за реку вас, и уйдете, не заплатя перевозного.

А не познав его, что князь есть. Перевозчик же приехавши близко ко берегу и протянув весло:

- Подай – де перстень на весло перевозного.

Князь же возложив на весло свой перстень злат, перевозчик взяв перстень к себе, и отпехнувся в перевозне за Оку – реку, и не перевез его.

Князь побежал зле Оку – реку, бояся за собою людей погонщиков. И наста день той к вечеру темных осенних ночей. И не весть, где прикритится: пусто место в дебри. И нашед струбец, погребен тут был упокойный мертвый.

Князь же влезе в струбец той, закрываяся, забыв страсть от мертвого. И почии ночь темну осеннюю до утра.

Сынов же боярина Кучка Ивановичпа быв в сетовании и в печали, во скорби велицей, что упустили князя Данила живого с побоища раненого:

- Лучше было нам не мыслити и не деяти над князем злого дела смертного.

Ушел – де князь Данило ранен от нас во В Володимер – град ко брату своему, ко князю Андрею Александровичу, и будет князь Андрей к нам за то с войском, и прият будет от них злая казнь разноличная и смерть лютая, а тебе, княгиня Улита Юрьевна, повешенной быть на воротех и зле ростреляной, или в землю по плечь живой быть закопанной, что мы напрасно задумали зло на князя несправедно.

Злая же та княгиня Улита, наполнил её дьявол в сердце злые мысли на мужа своего, князя Данила Александровича, аки ярому змею яда лютого, а дьявольским и сотониным наваждением блудною похотью возлюбив милодобрых наложников и сказала им, Кучковым детям, своим любовникам, всё по ряду:

¹⁴⁵ Данилу Суздальскому – автор сказания путается. Данил князь Московский, а не Суздальский. /И.Г-Г/.

- Есть-де у нас пес –выжлец. И как князь Данило поезжает на грозные побоища против татаровой и крымских людей и заказывает мне поедучи:
 - Либо –де я от татаровой или от крымских людей убит буду, или на поле случится мне смерть безвестная, и в трупу человекье меня сыскать или опознать будет невозможно, или или и в полон возьмут жива меня татарове, и которой дорогой в кою страну свезут меня жива в свою землю, и ты пошли искать меня своих дворян с тем со псом – выжлецом, и вели им пустить пса того наперед проста и за ним самим ехать, и где будет я жив свезен, и пес дой дорогой дойдет меня, или на поле буду мертв без вести, или на побоище убит в трупу многого человекья, и образ у меня у мертвого переиначится от кровавых ран, не познать меня, и тот пес сыщет без сомнения меня и мервому мне почнет радоваться, а а мертвое мое тело почнет лизать на радости.

И на утрии княгиня Улита того пса – выжлеца дав им, своим любовникам, и твердо им наказывала:

- Где вы его, князя, со псом сыщет жива, и тут ему скоро и смерти предайте без милости.

Они же, злые, злого ума от тоя злоядницы княгини Улиты Наполнились, взяв пса того, и доехав того места, где князя Данила вчера ранили, и с того места пустиша наперед себя пса выжлеца. И пес побеже, а они за ним. скоро ехаша. И побежав пес злеле Оку – реку, и добежав до того струбца упокойнаго, где ухоронися князь. И забив пес главу свою в струбец, а сам весь пес в струбец не вместися, и увиде пес государя своего, князя Данила, и нача ему радоваться ласково. Те же искомые его увидевшие пса радующеся и хвостом машущее и, скоро скоча, скрывают покров струбца того и нашли тут князя анила Александровича. И скоро тут князю смерть дают лютую, мечи и копя прободаша ребра ему и отсекоша главу ему, в том жен струбце покрыша тело его.

Той же благоверный князь Данило Александрович бысть четвертый мученик новый, прият мученическую смерть от прелюбодеяний жены своеие. Первый мученик , Борис и Глеб, и Святослав, убьени быша от брата своего, окаянного Святополка, рекомого Поганого полка. Кучковы же дети приехав во град Суздаль, и привезли ризу кровавую князя Данила Александровича ко княгине его, и немного жыша со княгиней той в бесовском возжелении, сотониным законом связавшиися, удручая тело своё блудною любовную похотию, скверня в прелюбодествии.

Но скоро доходит весть в Володимир – град ко князю Андрею Александровичу, что здесь таковое злоубивствие над братом его Даниилом. Сыне же его, Ивану Даниловичу, внуку Александрову, остася младу суцу, но токмо пяти лет и трех месяц, и хранише его и соблюде его верный слуга бысть князю Данилу, именем Давыд Тярдемив, храняше его втаи два месяца. И зажалися той верный слуга Давыд о княже сыне Иване, и взяв его оттай ноцию, и пад на конь, и гнав с ним скоро ко граду Володимеру, ко князю Андрею Александровичу, по рождению к дядюшке его. И сказав слуга той

Давыд князю Андрею все по ряду бывшее, что во граде Суздале содеяся злоубивствие над братом его Даниилом.

Князь же Андрей сжалися по брате своем, аки князь Ярослав Владимирович по братьи своей, по Борисе и Глебе, и по Святославе, на окаянного злаго блатоубийца Святополка, нарекомого Поганого полка. И собра Ярослав Новгородцев полка, и бога себе в помощь призывая, и шед ратью, и отметив кровь праведну братьи своей, Бориса и Глеба и Святослава, победив окаянного Святополка Поганого полка. Также сий новый Ярослав, князь Андрей Александрович, прослезився горце по брате своем, князе Даниле Суздальском, и воздев руце на небо, и рече со слезами:

- Господе, владыко, творце и всему создатель. Мстил ты еси кровь праведну Бориса и Глеба князю Ярославу на окаянного Святополка. Также, господи владыко, мсти кровь сию неповинную, мне грешному, брата моего, князя Данила, на злых сих блудников, наложников тоя бляди Улитки, насытых их плотских, блудных, скверных, грязных похотей, бесовских угодных дел, связанья их сотонина закона. Святополк окаянный братоубийство сотворив, очи его злые прельстися насытии сребра, и злата, и имения многоаго, власть царствовати сего света на един час восхотев, а небеснаго царства вовеки отринух, а во дне адов вовеки мучения возлюбив. Также и та блядь Улитка своего чрева блудная, скверная похоти насытовство власть на един час в бескорывство приим, не токмо небеснаго царства отринувся, но сего света власть, и злато и серебро, и ризы многоценные отринув, но возлюби скверность блудную, похоть чреву, насытость, возляже с теми наложники на един час, сласть возлюби, всю земную красоту забыв, а стала ино аки ад изблева, похоть скверную вылья, невеста готовитце окаянному Святополку во день адов, от сотаны дьявола закон приемлют вовеки мучение, мужа своего изгубих своими наложники, аки сотона со двема дьяволы.

И собра князь Андрей в Володимире – град своего войска пять тысящ и поиде ко граду Суздалю. И слышав во граде Суздале Кучка боярина Стефана Ивановича дети, что идет на них из Володимира – града князь Андрей с войским, и обыде их страх и ужась, что напрасно пролия кровь неповинную. И не возмогоша стати противо князя Андрея ратоватися, и бежа ко отцу своему, к Кучку боярину Стефану Ивановичи. Князь же Андрей своим воинством пришед в Суздаль – град. Суздальцы же не противишася ему, но токмо покоришася ему глаголюще:

- Государю князь Андрей Александрович, мы бо не советники государю своему убоица князю Данилу, но не вемьи, что жена его злую смерть ему в кий час получи и можем тебе, князю Андрею, пособествовати на злых тех изменников.

И взяв княгину Улиту, и казня всякими муками розноличными, и предав ея смерти лютое, что она злая, таковаго безтутства, деела бога не убояшася и вельмож, и всяких людей не усрамишася, а от добрых жен укору и посмеху не постыдешася, мужа своего злой смерти предала, и сама ту же злую смерть прия.

И собрався Суздальцев три тысячи войска ко князю Андрею пособствовать, и поидоша князь Андрей со всею силою на боярина Кучка Стефана Ивановича. И не было у Кучка боярина круг его красных сел ограды каменная, ни острогу деревянного, и немного возмог Кучко боярин боем битися. И неволге князь Андрей своей силою войско емлет приступом селы и слободы красныя Кучка боярина. И самого его, кучка боярина, и с его детьми в полон емлет. И куют их в железа крепкие, и казнят его и з детьми его всякими казнями различными лютыми. И ту Кучко боярин и своими детми злую смерть прият в лето 6797 /1289/ месяца марта в 17 день. Князь же Андрей Александрович отметив кровь брата своего, победив Кучка боярина и злых убиец князя Данила, брата своего, а детей Кучка боярина и все именье богатства его разграбиша, а сел и слобод красных еще не позжогша огнем. И воздаде славу бога на радость, и почии ту до утрия. И на утри восстав и посмотрив по тем красным селам и слободам, и вложи бог в сердце князю Андрею мысль: те села и слободы добре ему красны полюбилися, и мысля во уме своем уподобися ту граду быть. И воздохнув из глубины сердца своего, и помолився богу со слезами, и воздев на небо, и рече:

- Боже вседержителю, творче и всему создатель. Просвяти, Господи, место сие, уподобися граду бытии и церквам божиим, подаж ми, господи, помощь хотения мысли моя устроити.

И оттоле князь Андрей седе в тех красных селам и слободам жительствовати, во граде же Суздале и в Володимире посажая державствовати сына своего Георгия¹⁴⁶, а племянника своего, брату сына, Ивана Даниловича, к себе взяв и воспитав его до возраста в добре наказании.

Той же благоверный князь Андрей Александрович созижде церковь святых богородицы честнаго и славнаго ея Благовещенья, но невелику сущи, деревянную, и бога в помощь себе призывающа и пречистую его богоматерь. Также нача и град основати около тех красных сел по Москве – реке, бога себе в помощь призывая. С ним же пособиша суздальцы, и володимерцы, и ростовцы, и все окрестные. Ту и соверши град божиею помощию, и устрои, и башни сдеда, и все гораздное устрои в лета 6799 /1291/ месяца июля в 27 день на память святого великомученика Пантелеймона. И оттоле нача именоватися и прославися град той Москва.

2. ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»,

О ДВУХ ВЕЛИКИХ ГРЕШНИКАХ

Господу Богу помолимся,
Древнюю быль возвестим,
Мне в Соловках её сказывал

¹⁴⁶ Гергий или Юрий Данилович, был сыном Даниила, а не Андрея Александровича./И.Г-Г/

Инок, отец Пителир.

Было двенадцать разбойников,
Был Кудеяр – атаман,
Много разбойники пролили
Крови честных христиан.

Много богатства награбили,
Жили в дремучем лесу,
Вождь Кудеяр из-под Киева
Вывез девицу – красу.

Днем с полюбовницей тешился,
Ночью набеги творил,
Вдруг у разбойника лютого
Совесьть Господь пробудил.

Сон отлетел; опротивели
Пьянство, убийство, грабеж,
Тени убитых являются,
Целая рать – не сочтешь!

Долго боролся, противился
Господу зверь – человек,
Голову снес полюбовнице
И есаула засек.

Совесьть злодея осилила,
Шайку свою распустил,
Роздал на церкви имущество,
Нож под ракитой зарыл.

И прегрешенья отмаливать
К гробу Господню идет,
Странствует, молится, кается.
Легче ему не стает.

Старцем, в одежде монашеской,
Грешник вернулся домой,
Жил под навесом старейшего
Дуба, в трущобе лесной.

Денно и ночью всевышнего
Молит: грехи отпусти!
Тело предай истязанию,

Дай только душу спасти!

Сжалился Бог и к спасению
Схимнику путь указал:
Старцу в молитвенном бдении
Некий угодник предстал,

Рек: «Не без божьего промысла
Выбрал ты дуб вековой,
Тем же ножом, что разбойничал,
Срежь его, той же рукой!

Будет работа великая,
Будет награда за труд,
Только что рухнется дерево,
Цепи греха упадут».

Смерил отшельник страшилище,
Дуб – три обхвата кругом!
Стал на работу с молитвою,
Режет булатным ножом.

Режет упругое дерево,
Господу славу поет,
Двигается
Медленно дело вперед.

Что с великаном поделает
Хилый, больной человек?
Нужны тут силы железные,
Нужен не старческий век!

В сердце сомнение крадется,
Режет и слышит слова:
«Эй, старина, что ты делаешь?»
Перекрестился сперва,

Глянул и пана Глуховского
Видит на борзom коне,
Пана богатого, знатного,
Первого в той стороне.

Много жестокого, страшного
Старец о пане слышал,
И в поучение грешнику

Тайну свою рассказал.

Пан усмехнулся: «Спасения
Я уж не чаю давно,
В мире я чту только женщину,
Золото, честь и вино.

Жить надо, старче, по-моему;
Сколько холопов гублю,
Мучу, пытаю и вешаю,
А поглядел бы, как сплю!»

Чудо с отшельником случилось:
Бешеный гнев ощутил,
Бросился к пану Глуховскому,
Нож ему в сердце вонзил!

Только что пан окровавленный
пал головой на седло,
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лес потрясло.

Рухнуло древо, скатилось
С инока бремя грехов!...
Господу Богу помолимся:
Милуй нас, темных рабов!

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Археология. История и перспективы. Первая межрегиональная конференция. Сборник статей. Ярославль. 2003.
2. Асов А. Атланты, арии, славяне. М. 2001.
3. Белозерье. Краеведческий альманах. Вологда. 1998.
4. Библиотека древней литературы Т.5. СПб. 1997.
5. Библиотека русского фольклора. Обрядовая поэзия. Кн 2. Семейно-бытовой фольклор. М. 1997.
6. Борисов Н. Окрестности Ярославля. М. 1984.
7. Быков А., Кузьмина О. Эпоха Куликовской битвы. М., 2004.
8. Былины. М. 1958.
9. Вернадский Г. Начертание русской истории. С.П. 2000 г.
10. Всемирная история. Крестоносцы и монголы. М., Минск. 2001.
11. Гайман. Картина мира человека древней Руси. Ярославль 2000.

12. Ганиев Ф. Гаффарова Ф. Русско-татарский словарь.
Казань. Изд. «Раннур» 2000г.
13. Гречухин В. На реках неславных. Рыбинск. 2002
14. Гречухин В. Откуда город прибыл? Ярославль. 1990.
15. Гречухин В. По реке Сить, М. 1990.
16. Гумилев Л. В поисках вымышленного царства. М. 2002
17. Гумилев Л. Древняя Русь и Великая степь. М., 2000 .
18. Гумилев Л. От Руси к России.
. Изд АСТ М. 2002
19. Васильев Л. История религий востока. Ростов на Дону. 1999.
20. Всемирная история . Начало возрождения. М., Минск. 2000.
21. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М. 2002.
22. Домострой. М. 1991.
23. Древняя русская литература. Хрестоматия. М. 1988.
24. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Под ред Е.А.Мельниковой. 1999.
25. Дурыйлин С. Н. Русь прикровенная.
Изд. Паломник. 2000.
26. Евреинов К. Прошлое Углича.
Сергиев Посад Моск. Губ. 2-я типография А.и.Снегиревой. 1898.
27. Ермолин Е. «Святой Великий князь Федор Ростиславич Черный, Ярославский и 28. Смоленский. Ярославль 1999.
29. Ерохин В. Углич. Фотопутеводитель. М. 1991.
30. Жития святых. Т.1-13. М. 1997.
31. Иванов К., Пуришев И. Переяславль Залесский. Путеводитель по городу и окрестностям.. Ярославль. 1986.
32. Из глубины столетий.
Татарское книжное изд. Казань. 2004. Составлен Б.Л. Хамидуллина.
33. Иоанн Горненский. Легенды Памира и Гиндукуша.. М., 2000.
34. Искусство Литвы. М., 1972.
35. История и культура ростовской земли. Сборники научной конференции.
Ростов. 1995 г. 1996г. 1997г. 1998г. 1999г. 2000г.
36. История средних веков. Под ред. С.П.Карпова. М., 2001.
37. История Ярославского края с древнейших времен до конца 20 г. XXв. Под ред. А.М.Селиванова Ярославль. 2000.
38. Источниковедение истории улуса Джучи (Золотой Орды) От Калки до Астрахани. Казань. 2002.
39. Карамзин Н. История государства Российского Т.1-5.
.М. «Терра» ТЕРра – книжный клуб. 1998г.
40. Карамзин Н. Предания веков. М., 1988.
41. Карташев А. Очерки по истории Русской церкви. М. 1997.
42. Ключевский В. Сочинения. М. 1956.
43. Ковалевский Н. Всемирная военная история .
М. Крон – Пресс. 2000.

44. Костомаров Н. Русская история. Т.1.
. Изд. «Феникс» 1997г.
45. Костромская земля. Краеведческий альманах костромского фонда культуры. Вып. 3. Кострома. 1995.
46. Краеведческие записки
Вып 6. Сборник. Отв. Ред. О.С. Куколевская Кострома 2003.
47. Кулюгин А. Правители России. Чебоксары. 1994.
- . 48. Кул Шариф и его время. Отв. Ред Марат Сираев. Казань. Татарское книжн. Изд. 2005.
49. Куницын М. Александрова слобода.
Верхнее – Волжское изд. Г. Ярославль. 1976.
50. Кусков В. История древнерусской литературы. М., 1989.
51. Мизун Ю.В., Мизун Ю.Г. Тайны языческой Руси. М., 2001.
52. Митрополит Иоанн. Князь Федор. Ярославль. 1990.
53. Михайлов Г. Нравственный образ истории.
2001г.
54. Носовский Г., Фоменко А. **Название. «Русь и Рим».** Т 1-5. М., 2001.
55. «Обычаи, предания, обряды, собранные М. Забылиным». М., 2003.
56. Памятники литературы древней Руси 14 – середина 15 веков. М., 1981.
57. Перевезенцев С. Россия – великая судьба. М., 2006.
58. Петрушевский А. Рассказы про старое время на Руси. М. 1915
59. Поэзия народов СССР 4-18 веков. М., 1972.
60. Путешествие Ибн-Фадлана на реку Итиль. М. **Год 1939.**
61. Рогов И., Уткин С. Ипатьевский монастырь. Исторический очерк. М., 2003.
62. Российское законодательство X – XX век. Т.1. М., 1984.
63. Русская бытовая повесть М., 1991.
64. Русские святые воины. Жития.
М. Спасский собор – «Держава» 2000.
65. Рылеев К. Избранное. М., 1969.
66. Свет и Тени. Сборник духовной поэзии. Сост. И. Беркута.
Chicago, IL USA. 1985.
67. Свято-Русские веды. Книга Велеса. М. 2000.
68. Священник Александр Парфенев. Святые Ростова Великого. М. 2004.
69. Семенова М. Быт и верования др. славян. СПб. 2000.
70. Словарь русских суеверий. «Русский купец» и «Братья славяне» из Н. Новгорода
Издательство. 1996.
71. Слово о полку Игореве М., 1984.
72. Соловьев С. История России с древнейших времен. Кн. 1, 2, 3.
М., 1988.
73. Средняя Азия и Сибирь. Генрих Шурц. Изд. Полигон

СПб. 2004.

74. Сударушкин М. Рассказы о ростовской истории. Ярославль. 2002.
75. Сумцов Н. Символика славянских обрядов. М., 1996.
76. Татарская археология. Казань и Казанское ханство. Журнал. Под ред. Равиль Фахрутдинов. № 1-2 (14-15). Казань. 2005.
77. Татищев История Российская. т.1-3. Изд. АСТ. М. 2003г.
78. Тысяча лет русской истории в преданиях, легендах, песнях. М., 1999.
79. Фаяз Хузин. Средневековая Казань. Казань. 2004. .
80. Федотова Т. Вокруг Ростова Великого. М., 1987.
81. Фроянов И. Рабство и данничество. СПб. 1996.
82. Харт Г. Венецианец Марко Поло. М., 2001.
83. Храпачевский Р. Военная держава Чингисхана. М., 2004.
84. Хрестоматия по истории России с др. времен до наших дней. Составитель А.С.Орлов, В.А.Георгиев, Н.Г.Георгиева. Т.А.Савохина. М., 1999.
85. Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. Изд. «Магриф» Казань 2004.
86. Чародейство, волшебство, знахарство, заклинания. Сборник. Сост. В. Третьякова ТЕРРА – книжный клуб. М., 1998.
87. Чтения по истории и культуре древней и новой Руси. Материалы конференции (Ярославль, 7-9 октября 1998г) Ярославль. 1998.
88. Энциклопедический словарь БрокгаузЪ и ЕфронЪ. СПб. 1993.
89. Ярославль. История города в документах и материалах. Под ред А. Пономарева. Ярославль. 1990.
90. Ярославская старина выпуск № 1-2. Исторический журнал. 1994.
91. Ярославские угодники Божии. Ярославль. 1905.
92. Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник. Краеведческие записки. Вып 5.6.7. Ярославль. 1991.

482054 знаков с пробелами.